

МИТЯЙ В ГОСТЯХ У КОРОЛЯ

ИВАН ДРОЗДОВ

Роман

Отцу моему Владимиру Ивановичу посвящаю

*Небываемое бывает.
Петр Первый*

Книга подготовлена для публикации в сети Интернет на сайте www.ivandrozdov.ru участниками [«Русского Общественного Движения «Возрождение Золотой Век»](#) с разрешения автора.

Оглавление:

ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	1
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	21
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	40
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	55
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	66
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	88
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	107

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В декабре на Николу, когда белы облака, а мороз жмет бока, солнце над Петербургом ходит низко. И светлого времени бывает всего четыре часа. Директор завода Аринчин стоит у стеклянной двери балкона своего служебного кабинета, смотрит вверх домов, над которыми трепетно и печально догорает вечерняя заря. Внизу в заснеженном сквере чернеют ряды автомобилей. Тронув ручку двери, Аринчин вдруг подумал: «Вот сейчас шагну на балкон, оттолкнусь, и — конец всем проблемам».

Мысль эта его напугала; он поспешно отошел на середину кабинета, покачал головой: «Ну и ну! Кажется, впервые заходит мне в голову такая гостья».

Потянулся, расправил плечи, и уже уверенным, спокойным шагом подошел к сейфу, достал из него пакет с деньгами. На нем цифра «100 тысяч рублей». Тут же была записка:

«Это ваша зарплата. Можете взять ее себе, а если хотите, выделите из нее часть нужнейшим людям. Для всего коллектива рабочих и служащих денег в банке нет,

заказчики не перечисляют плату за произведенную заводом продукцию, а клиенты из Германии и Украины и вовсе порывают контракты.

Председатель АО «Людмила»
Спартак Пап»

Да... Тут есть от чего голову потерять. Четвертый месяц рабочие не получают зарплату. Как и всегда, аккуратно выходят на работу, добросовестно исполняют свои обязанности и только меньше говорят, совсем перестали смеяться, а при встречах с начальством сурово хмурят лица и едва кивают. А недавно он получил приказ: сократить третью часть работающих.

Директор посмотрел на сейф, где лежал пакет с деньгами. И ясная, как луч солнца, мысль опалила сознание: взятка! Это же плата за предательство, которое он должен совершить. И совет нового хозяина одарить нужнейших людей... Это их стиль, повадки зверя. Друг друга покупают. И мне совет: одари ближних, нужнейших. Начальники отделов, цехов... Они получают деньги и поймут, за что им платит хозяин. Интересно, что за птица этот Спартак Пап? На аукционе, где продавался завод, его не было. Но был его представитель. Он выложил тридцать три миллиона долларов и получил контрольный пакет акций. Откуда взял такие деньги — тридцать три миллиона?..

Несколько дней спустя бухгалтер сообщил: Пап — председатель совета акционеров. Так положено по уставу. Кто имеет пятьдесят один процент акций, тот и председатель. Его голос во всем решающий. Он и подписывает бумаги, особенно финансовые.

Министерство и администрация города продали завод за шестьдесят пять миллионов долларов. По каким карманам рассовали эти деньги — неизвестно. На счетах завода их нет. Сумма вроде бы и немалая, но в общем-то смехотворная. Завод строился двести лет, он стал головным по производству радиоэлектронных приборов, микропроцессорных схем высочайшей точности и надежности. Без него нельзя построить ни самолет, ни корабль, ни космический аппарат. И даже автомобиль, и многие бытовые машины не построишь без «Людмилы». Еще вчера перед ней на коленях стояла вся Европа, а нынче... Завод продали за бесценок, отдали почти даром. И кому?.. Человеку, которого и в глаза никто не видел. Говорят, он живёт в Москве, когда-то работал младшим научным сотрудником в институте, а последние несколько лет и нигде не числился на службе. Господи, да что же это делается? Ведь истинная цена завода потянула бы на миллиарды, а тут — шестьдесят пять миллионов. Да и как это можно — продать кому-то «Людмилу»? А если Пап вздумает купить солнце или озеро Байкал?.. Вот это и есть демократия? О, мать-Россия! Много чудес творилось на твоей земле, но такого, кажется, ты ещё не видывала.

По заводу ползли слухи: Пап — родственник какого-то министра по фамилии Хажа. Что же это за зверь такой — Хажа? А поди, узнай. Пап и ещё пятнадцать человек скупили семьдесят процентов акций, остальные тридцать достались рабочим завода и посторонним лицам. Вначале-то работяги смеялись: «Мы тоже капиталисты!» Но совет директоров избрали без них: было какое-то собрание, и там решили, что в совет войдут те, у кого акций на миллион долларов и больше. «На миллион! — слышишь? А у меня на три тысячи рублей. А у тебя?..»

На собрание акционеров рабочих не пригласили. Где ж такой зал возьмешь! Всех-то, акционеров, восемнадцать тысяч! Выходит, и капиталистом можешь быть, а все дела будут решать без тебя. А теперь вот и голод схватил за горло. Многие побежали к окошечку в бухгалтерии, стали сдавать свои акции. И что уж совсем невероятно: участь «Людмилы» постигла едва ли не все заводы Ленинграда. Говорят, недавно сюда приезжал министр Хажа. Он создал совет директоров заводов всего города и назначил председателя — и тоже с шипящей фамилией: Шога. Где только и берут таких? Они, конечно, в

Ленинграде и раньше были, но, как змеи, обитали в норах. Теперь же повылезли на свет и на экранах телевизоров мельтешат.

Константин Петрович Аринчин чувствовал себя капитаном корабля, потерявшего управление и несущегося на айсберг. В роли директора он состоит всего лишь три месяца. Прежний директор пытался препятствовать приватизации завода, но с ним случилась страшная трагедия: однажды вечером, когда вся его семья сидела дома у телевизора, во всех комнатах квартиры одновременно раздался взрыв — семья погибла. Это был сигнал для всех директоров заводов в Ленинграде; новые хозяева России давали понять: встанете на пути — вас постигнет та же участь. Кое-кто из директоров ещё пытался сопротивляться, но им стали подбрасывать конверты с валютой — вроде того, что лежит у Аринчина в сейфе. Многие дрогнули: позволили продавать свои предприятия, втайне от рабочих снимали уникальные станки, отправляли их предприимчивым забугорным дельцам. Россия пошла с молотка, и очень скоро некогда уникальные питерские заводы стали походять на брошенные автомобили, из которых вытащили стекла, фары, сняли резину. Всё это называли реформами.

А тут ещё и новая беда: вечером Аринчину позвонили из Москвы, приказали сократить численность рабочих на тридцать процентов, преобразовать Конструкторское бюро в отдел и оставить в нём всего лишь десятую часть конструкторов.

— Чей это приказ? Кто со мной говорит?

— Приказал Спартак Пап.

Наступила пауза; видимо, оппонент не хотел называть свою фамилию, но потом, все-таки, назвал:

— Главный советник председателя Ханциревский.

Русские люди заметили: наверху замелькали не только шипящие фамилии, но и такие, в которых слышится шах, хан, бек. Даже лидер коммунистов Зюганов — тоже ган, почти хан. А в Думе за столом председателя долго сидел Хасбулатов — хитрый мужичонка, коварный. Потом сказали: чеченец! Батюшки мои! — чеченца нам не хватало. А потом выяснилось, что и в армии... всеми сухопутными силами командует черкес, женатый на чеченке. У них у всех и физиономии-то не наши... красные они, мордатые, а глаза черным огнем горят. Будто снова на нас... монгольская рать навалилась.

Аринчин хотел возразить, но Хан закричал:

— Не надо много слов! Помните: вы — администратор и акций у вас всего полпроцента.

Приказы короткие, словно пистолетные выстрелы, но как их выполнить? Из двухсот конструкторов оставить тридцать! Но это же разгром уникального коллектива инженеров! Благодаря им, «Людмила» стала мировым центром по изготовлению электронного оборудования. Общее число работающих на заводе — двадцать тысяч человек. Цеха завода распростерлись на огромной площади северо-запада Петербурга. Вокруг широко раскинулся прекрасный жилой район: проспекты, улицы, бульвары, рядом лесопарк. Сократить третью часть работающих! Кого сокращать? Мастеров редких профессий, инженеров и техников, посвятивших жизнь электронике. Куда они пойдут? Чем будут кормиться?..

В кабинет без стука и разрешения вошел главный конструктор завода Владимир Иванович Слепцов. Молча опустился в кресло под большим портретом, изображавшим создателя их предприятия, немца петровских времен, основавшего на территории нынешней «Людмилы» небольшую мастерскую по производству гильз для первых в России папирос. Потом его наследники поставили здесь свечную линию, а уж затем, с изобретением электричества, рядом со старыми мастерскими был построен цех для изготовления электрических ламп. Один из последних хозяев назвал завод по имени своей дочери Людмилы.

Слепцов смотрел куда-то в угол кабинета и ничего не говорил. Это был мужчина лет сорока пяти, высокий, прямой, с шевелюрой волнистых каштановых волос, с глазами

цвета вечернего неба. За особые заслуги в создании современных электронных комплексов для космических аппаратов и военных надводных и подводных судов он был дважды удостоен звания лауреата Ленинской премии и Золотой Звезды Героя Социалистического Труда. В двадцать семь лет его назначили начальником отдела морских систем, затем ему же передали системы для космоса, и в тридцать семь лет назначили главным конструктором. С Аринчиным у них давняя дружба. Аринчин был главным инженером завода, знал и ценил талант Слепцова, любил его и как инженера, и как человека.

Не отрываясь от какой-то бумаги, сказал:

— Чего надулся, как мышь на крупу: говори, о чем кручина?

— Никогда ничего не боялся, а теперь страх разъедает душу; не сплю по ночам.

— Чего же ты боишься?

— Немцев боюсь. С исчезновением Германской Демократической Республики заказы от них прекратятся.

— Уже прекратились,— проговорил Аринчин, не поднимая головы и так, будто речь шла о мелочах.

— Вот как! Уже? Не думал, что это случится так скоро. Но ведь это же катастрофа! У меня семьдесят конструкторов сидят на немецких заказах. Берлинский банк переводит для них валюту. Чем же будем зарплату платить?

И на это директор ответил спокойной равнодушной репликой:

— Ты над своим зданием плакат повесил: «Мы пойдем дальше к окончательной победе коммунистического труда». Вот и посматривай на этот плакат, и не забывай, куда мы с тобой должны идти.

— Да, верно, такой плакат мы повесили. И я его снимать не собираюсь. А ты вот свой плакат снял.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. Вспомнили, как несколько лет назад по требованию райкома партии главный инженер Аринчин приказал изготовить огромный портрет Ленина с энергично выброшенной вперед рукой, и под портретом слова: «Верной дорогой идете, товарищи!» Года два висел этот портрет у стены завода, но потом кто-то позвонил в обком и сказал: а Ленин-то показывает рукой на кладбище. И тогда Ленина ночью перетащили в другое место. Тот же бдительный соглядатай снова позвонил и сказал, что теперь Ильич показывает на свалку. Аринчина вызывали в обком и сделали внушение.

— Как живут люди без зарплаты? — спросил директор.

— Живут — не тужат, но в общем-то — худеют. Некоторые за кульманом теряют сознание. А что там слышно: долго еще без зарплаты будем жить?

— Но где же взять деньги, если произведенная нами продукция лежит на складе?

— Не вся продукция лежит на складе. Больше половины уходит заказчикам. За нее-то деньги переводят.

— Да, деньги переводят, но ты же знаешь, кто теперь хозяин. Нас с тобой они даже на совет не зовут.

После минутного молчания Аринчин добавил:

— Страшные это люди... в совете сидят. Я и во сне кошмарном представить не мог, что завод наш, да и вся Россия, в кармане у таких субъектов окажутся. Ты посмотри, какие они лозунги на придорожных щитах развесили: «Сделаем частную собственность необратимой». Или вот другой: «Закрепим фабрики и заводы за хозяином».

— Где же выход? Что нам делать?

И Аринчин на это сказал:

— Иди к Дмитрию. Сдается мне, что заветную мечту нашу он далеко подвинул.

Показал на сейф:

— Есть у меня немного денег. Бросим их на его дело. Так и быть: доведём «Русалку». Не зря же мы на неё десять лет ухлопали.

Мало кто подозревал, что в Доме ученых, раскинувшем свои два крыла на краю Удельного парка, в квартире двадцать седьмой на третьем этаже жил компьютерный гений Дмитрий Кособоков. Он страдал болезнью позвоночника. Около десяти лет трудился в конструкторском бюро «Людмилы», по семь, а иногда и по восемь-десять часов стоял за кульманом, а потом ночью работал еще и дома,— был неистовым изобретателем радиоэлектронных систем, назначение которых, кроме него, знали только директор завода да главный конструктор. Всё время он что-то искал, и находил, и с головой бросался в дебри каких-то новых тайн — работал без усталости, до изнеможения. И вот... сдал позвоночник. Сначала болел, а потом и совсем уложил в постель.

Главный конструктор Слепцов еще три-четыре года назад, видя необычайные успехи Дмитрия, дал ему секретное задание разработать две пушки: вирусную и лептонную. В глубокой тайне держали они это свое дело. Знали: пронюхай американская или английская разведки об этой их затее, их бы либо выкрали живыми и увезли к себе, либо уничтожили бы физически. Уж слишком великую силу над всем миром обретут люди, овладевшие этой «артиллерией». Вирусной пушкой можно «обстреливать» компьютерные системы и взламывать любую степень защиты, превращать в свалку бумаг и цифр любые банки и финансовые центры, а лептонная пушечка посылала бы свои «снарядики» в мозг человека и производила бы там заданные разрушения. Вот чего задумали два конструктора. Но Дмитрий занемог. Друзья и близкие знакомые были уверены, что век его недолог. Он еще двигался по квартире, мог сидеть в кресле и даже на стульях, но спину по самую грудь все туже стягивал широким кожаным ремнем. Он где-то прочитал или услышал, что певцы тоже стягивают живот ремнями, и частенько невесело шутил: ремень у меня есть, осталось научиться петь. И еще он вышучивал свою фамилию Кособоков, говорил: скоро скособочусь, недаром же у меня фамилия такая.

Дмитрий не успел жениться: любимая девушка, узнав о его болезни, постепенно отстранилась и даже звонить перестала. Однако же он любил ее, а еще нежно и самозабвенно любил сестренку Катю. И, к счастью его, она всегда была рядом.

Мама у них умерла, а отец, бывший в обкоме важным начальником, переехал в Москву, женился и там обосновался «на трубе», то есть работает в каком-то нефтяном хозяйстве. Детей он к себе не зовёт, но помогает им деньгами и даже каждому из них завёл счёт в Петровском банке.

Катя сейчас спит. Сон ее крепок и подолгу держит в своих объятиях. Дмитрий выключил компьютерную систему и идет на кухню. Здесь он готовит овсяную кашу и достает из холодильника облепиховое варенье. Катя любит овсянку с облепихой, и Дмитрий приготовит для нее завтрак, поест и отправится в свою комнату, где будет спать до обеда. А уж обед для него приготовит Катя.

Дмитрий работает ночью.

Есть у Дмитрия большой и задушевный друг Тимофей Васильевич Курицын, начальник ракетного цеха на соседнем Северном заводе. Курицын, зная о его талантах, обращался к нему по секрету с просьбами решить «заковыристые» задачки по самым различным и порой неожиданным заторам в электронной схеме. И Дмитрий каждый раз находил простое и остроумное решение. Курицын любил Дмитрия, как сына, не однажды посещал его и звонил какому-то курганскому чародею, умевшему править позвоночники. А недавно, когда Тимофей за какие-то важные открытия получил десять миллионов долларов, он снова позвонил в Курган, пообещал большую сумму денег, и лекарь обещал приехать. И с этой радостной вестью Курицын пришел к Дмитрию.

Дмитрий ночью, в перерыве между делом, любил постоять на балконе, а в другой раз и приляжет здесь на дощатом топчане, сделанном им в «здоровое» время, то есть когда он еще не болел. Тут рядом растут вековые дубы и корабельные сосны. Дубовая листва даже при слабом ветерке шумит древней неизбывной силой. Деревья помнят еще Петра и его друзей, побывавших здесь шведов. Дубы стоят широко, а сосны гордо и торжественно,

довольные своей близостью к звездам. Обыкновенно сосны в городе не живут, не переносят выхлопных газов, но тут в лесопарке они уцелели и высоко в небо тянут свои вечно-зеленые косы. Наверное, раньше их было больше, но в оные далекие времена часть из них срубили плотники и поставили на кораблях, чтобы на плечах своих они держали паруса и реи, носили по белу свету дерзких русичей, покорявших дальние земли, раздвигавших пределы своего государства.

Позавтракав, Дмитрий пошел на балкон и улегся на топчане, но сон к нему долго не шел. На компьютере через Интернет он изловил информацию, для себя очень важную: в Петербурге химик Виктор Иванович Петрик открыл тайну фуллерена и научился его изготавливать. Вещество это, за которым охотятся химики и физики всего мира, имеет много чудесных свойств, и одно из них — может излечивать рак.

Врачи не говорят Дмитрию, что его позвоночник грызет раковая опухоль, но сам он именно это и подозревает. А тут — фуллерен.

Дмитрий взволнован, надежда опахнула радостью, ученый где-то рядом, может, на соседней улице, в соседнем доме.

К обеду Катерина преподнесла братцу сюрприз: привела в дом араба. И сказала: — Доктор Саид. Знакомьтесь.

Дмитрий вежливо поздоровался, но по выражению лица и по тону голоса было видно: восторга он не испытывал. Было много докторов, а этот... — совсем молодой. Да еще иностранец.

— Вы побудьте в гостиной, а я приготовлю обед,— сказала Катя и пошла на кухню.

Сидели в креслах возле балкона.

— Вы хорошо говорите по-русски,— сказал хозяин.

— Не совсем хорошо, но — говорю. Я учусь в Первом медицинском на пятом курсе. Моя дипломная работа — болезни позвоночника.

— О-о!.. Это хорошо. Я тоже к медицине имею некоторое отношение: я, видите ли, хвораю. И болит у меня как раз объект ваших интересов. А вот, что с ним — никто не знает.

— Рентгеновские снимки есть?

— Есть, да только старые. С месяц назад делали.

Саид разглядывал снимки, а Дмитрий думал: из какой он страны, какой национальности? И решил: студент, наверное, из Ирака. Он очень походил на тех иракцев, которые учились в Инженерной школе электроники; ее же окончил и Дмитрий и потом шесть лет преподавал там в компьютерных классах. Они очень интересные, эти арабы. На вид похожи друг на друга, но умом совершенно разные. Есть ребята талантливые, схватывают на лету, а есть и такие, которым компьютер в голову не идет. Этот, кажется, человек умный; снимки изучает внимательно и судить не торопится. А вдруг у них в Арабии есть свой опыт лечения позвоночника?..

Как человек, постоянно думающий, ищущий, Дмитрий все время надеялся на новые открытия в медицине. Он не хотел верить в скорый конец — искал и искал средства лечения.

Потом они сидели за большим круглым столом, обедали.

— Арабия? — заговорил гость.— Страны такой нет, а есть великая семья арабов. Нас около миллиарда. Я живу на границе двух арабских государств: Ирака и Кувейта. И у нас, конечно, лечат многие болезни. Но, какая у вас болезнь, по снимку определить трудно. Может, врачи сказали вам диагноз?

— Говорят, надо заменить два сегмента позвоночника на серебряные, но я сопротивляюсь. Не хочу быть глубоким и безнадежным инвалидом, да и нет гарантии, что серебряные сегменты приживутся. А вообще-то, у меня рак, и чего уж тут...

— Митя! — строго взглянула на него Катя.— Опять ты за свое.

— Ну, ладно, ладно. Поговорим о чем-нибудь другом.

Обратился к Саиду:

— Расскажите о себе: из какой вы семьи, кто ваши родители?

Вопрос озадачил Саида, и он сосредоточенно склонился над тарелкой. Катя укоризненно покачала головой. Она встретила Саида в Петропавловской крепости у выставленной там на улице безобразной скульптуры Петра Первого. Саид, рассматривая фигуру царя, удивлялся и, ни к кому не обращаясь, говорил:

— Неужели русский царь имел такую маленькую голову?

Очутившаяся на тот момент рядом Катя возразила:

— Маленькую голову имел не Пётр, а скульптор, его изобразивший.

— О-о!..— приблизился к ней Саид.— Вы так энергично выражаетесь. У нас на Востоке не принято...

— Что не принято? Женщина не может говорить то, что она думает? Так у вас она и лицо свое не может показывать.

— О-о!..— качал головой Саид.— А вы смелая.

— Вон как! Сказала вам правду и уже — смелая.

Хотела было отойти, но Саид подошел к ней еще ближе и попросил назвать свое имя. Но прежде представился. И сказал, что хотел бы с такой девушкой познакомиться поближе. «Я врач и, может, окажусь вам полезным». Катерина задумалась. Восточная медицина, врач — вдруг у них есть свои средства лечения позвоночника!..

Назвала свое имя. Потом они гуляли по Петропавловской крепости, Катя рассказывала арабу историю каждого здания, и Саид все время удивлялся широте ее познаний и умению красочно говорить. Он вначале не увидел в девушке какой-нибудь особенной красоты, но теперь, заглядывая ей в ярко-синие глаза и любясь ее улыбкой, обозначавшей ямочки на щеках, вдруг подумал: «Наверное, такие они и есть, русские красавицы!». И уж совсем удивился, когда Катя пригласила его домой, сказав при этом:

— Я вас накормлю обедом и познакомлю с братом.

Дмитрий, обращаясь к сестре, вдруг сказал:

— Ты и вправду потеряла водительские права? Но как же теперь ехать в Калиновку? Там ведь тебя ждут ребята. У них нет денег и кончилась еда.

Саид на лету схватил суть дела.

— У меня есть права. Я могу отвезти вас.

Катя недолго раздумывала. Согласно кивнула, и они стали собираться.

В полдень к Дмитрию пришёл Слепцов. Дмитрий ему сказал:

— В плавание собираюсь. Надо же для нашего заводского коллектива деньги доставать.

— Ты шутишь. Едва по квартире ходишь, а туда же — в плавание. Об этом и думать нечего.

— Вы не думайте, а я поплыву. И Катя со мной. У нас уже и командир есть — настоящий, военный. Он вышел в запас, а недавно еще ходил на атомной подводной лодке. Я же возглавлю экспедицию. Пусть весь мир знает: русский человек парализован, приговорен к смерти, но и в таком состоянии на спортивной подводной лодке пошел покорять Северный полюс. Соберу журналистов, телевизионщиков и объявлю об отплытии. Вроде на Северный полюс пойду, а сам вольный маршрут выберу. И оттуда, из-под воды, буду потрошить иностранные банки и переводить деньги в Россию. Хватит нам стонать и плакать. Пришла пора действовать. Переведу деньги — и на «Людмилу».

Задумался главный конструктор: смелые мысли пришли в голову его друга. Подводную лодку строил завод в пору своего процветания, судоверфь по их заказу и чертежам выполняла главные работы, а мастера с «Людмилы» под руководством военных подводников монтировали механическую и электрическую часть. Электроникой заведовал Дмитрий; он тайком закладывал в компьютеры свои наработки. Но завод обрушился, люди к лодке охладели, и только Дмитрий, несмотря на свою болезнь, продолжал

оснащать ее своей техникой. А вот теперь и дерзкая мысль в голову вспрыгнула: пойти в плавание!

Подошел к нему Слепцов, обнял за плечи. Дмитрий сказал:

— Погоди, я лягу. Спина болит.

В глубине двора под кронами деревьев Удельного парка тянулись в линию добротные кирпичные гаражи. Катя подошла к первому из них и самому большому и на мгновение замерла, словно ожидая чего-то. Щелкнули и негромко зазвенели замки, и массивная железная дверь разъехалась в разные стороны. Саид удивился, но вида не подал; он понял: дверь открывалась автоматически, повинаясь хитро встроенному в стену фотоэлементу.

В гараже могли бы поместиться две машины, но здесь стояла одна — «Волга», да и та старенькая. Саид обрадовался; он на «Волге» ездил, и ему не придется на ходу осваивать новую марку.

— Можно, я машину поведу?

— Да, конечно.

Ехали не спеша. Саид был аккуратен и правил движения не нарушал.

— У вас хороший гараж,— заговорил он.— У нас такие гаражи богатые люди имеют.

— У вас там, в Кувейте, все богатые. Так пишут в газетах.

— Я живу на границе с Кувейтом. Богатых у нас много; все, кто на нефти. Но я... я не бедный, но и не богатый.

— А вы расскажите о себе. Как живут ваши родители?

Саид на эту просьбу долго не отвечал. Он, видимо, не любил вдаваться в подробности своей жизни. И, может быть, никому о ней не рассказывал. Но тут особый случай: собеседница была с ним откровенной, с первой же встречи пригласила его в дом, а теперь вот доверилась и сама, и они едут за город, где у них какие-то ребята.

Подумал об этом в тот момент, когда справа показался большой гастроном. Саид остановился.

— Вашим ребятам нужны продукты?

— Да, да, вы меня подождите, а я зайду в магазин.

Но Саид вышел с Катей. И, оторвавшись от нее, стал тоже покупать продукты. И покупал много. И все дорогое: копченую колбасу, рыбу, икру красную и черную. Купил несколько коробок конфет и два больших торта. Катя, увидев покупки, сказала:

— Мы таких продуктов не покупаем. Слишком дорого.

Некоторое время они ехали молча. Потом Катя напомнила:

— Вы мне так и не рассказали о своих родителях. У вас, восточных людей, много тайн.

— От вас у меня тайн не будет. Мой папа — родственник короля Хасана; он очень богат, но детей у него много и он держит нас на относительно скромном пансионе. Однако денег на безбедную жизнь мне хватает.

— Я это сразу поняла. По вашим покупкам. Студент, а щедрость царская. А ваша мама? Она, должно быть, очень красивая.

— Да, конечно, женой моего отца может быть только красивая женщина. Долгое время она была любимой, и мы жили во дворце. Но потом... Да я вас познакомлю с ней. Она живет со мной, и квартира у нас недалеко от вашей — на Большом Сампсониевском.

Кате очень бы хотелось знать подробности романтической истории Саида и его мамы, но из деликатности она молчала. Вспоминала все, что читала о жизни восточных царей, знала, что у них гаремы и много детей, но вот как живут жены, переставшие быть любимыми, много ли у шейхов бывает детей и как живут эти дети — этого Катя не знала. Но проявить излишнее и бестактное любопытство — Боже упаси!

Молчал и Саид. Он хорошо знал восточную мудрость: много слов источает слабый ум. К тому же ему нравилось развешивать туман над своей личностью и возбуждать интерес к себе девушки, которая ему казалась все более привлекательной.

Но что это у них за ребята? Почему они живут где-то за городом и ждут от Кати и ее брата денег и продуктов?

Любопытство и ему не давало покоя, но он мужчина и умеет сдерживать свой интерес.

Подъехали к большому двухэтажному дому, стоявшему на зеленом холме у берега моря. Рядом с домом у причала качался на волнах черный купол подводной лодки. В открытую дверцу входили и выходили молодые парни. Завидев подъезжающий автомобиль, они распрямились, держа в руках инструменты. Катя им крикнула:

— Кончай работать! Пойдемте обедать!

И пока они собирались, Катерина провела гостя в комнату с нехитрой обстановкой: тут были стол, посудный шкаф, два дивана, стулья и кресла; было чисто, уютно и густо пахло свежей лесной травой.

В комнату с визгом и криком вбежали две девочки и бросились ей на шею. Им было года по четыре — похоже, то были двойняшки. Они обнимали, целовали Катю и всячески выражали свою радость. «Дети! У нее дети!» — думал Саид, чувствуя, как прилив горечи подкатывает к сердцу. Он в эту минуту понял, что русская девушка властно вошла в его душу, и он хотя и смутно, но уже строил далеко идущие планы. А тут вдруг эти очаровательные, русоголовые ангелочки.

Предаваясь невеселым думам, он не заметил, как в комнату вошла молодая женщина, а вслед за ней один за другим стали втягиваться ребята. Их было человек пятнадцать, и все молодые — от двадцати пяти до сорока лет, крепкие, серьезные, с глазами, в которых светились ум и достоинство. В основном это были электронщики и электрослесаря со среднетехническим и высшим образованием; они же занимались водным спортом и поначалу готовились к спортивным плаваниям на подводной лодке, к различным исследованиям дна Финского залива и части Балтийского моря, примыкавшей к Ленинграду. Однако потом, с началом разрушительной перестройки, большинство из них потеряло работу, спортивные интересы отошли на задний план, — они тут оставались по просьбе Дмитрия. Он же, Дмитрий, имел богатого отца, — из его средств выдавал ребятам небольшую зарплату.

Зоркий глаз Саида заметил, что вошедшая с ними женщина плохо прибрана, волосы стянуты на затылке кое-как, лицо помято — видно, с похмелья или наркоманка; она перевязала на головке одной девочки бантик, усадила их обоих в кресло и приказала сидеть тихо. Затем обратилась к Кате:

— Так ты будешь нас знакомить или мы без тебя обойдемся?

— Да, конечно. Это Саид, наш новый доктор...

Ребята называли себя: Евгений, Федор, Сергей. Держались скромно, и только внимательный глаз мог заметить, что Евгений тут старший. Он и ростом из всех выделялся.

Потом они обедали. И за столом много говорили, еще больше смеялись, а Катерина, успевая всем подавать тарелки, нарезать и накладывать еду, кормила еще и девочек, чем окончательно уверила Саида, что они ее дети, а отец — Евгений.

Скоро узнал Саид, — и это его поразило, — что строят они настоящую подводную лодку, только не боевую, а спортивную, для дальнего путешествия, которое собираются предпринять Дмитрий и Евгений Владимирович, главный строитель корабля. Теперь Дмитрий болен, но, как заметил Саид, именно Дмитрий является хозяином дела. Он присылает чертежи, дает указания Евгению и снабжает его деньгами.

Приборами лодку оснащает завод электронного оборудования «Людмила».

Было весело, шумно за столом, но пир продолжался недолго. Евгений вдруг поднялся, поблагодарил хозяйку, извинился перед гостем, — и строители удалились. Саид

пошел вслед за ними. Грусть и тоска овладевали им все больше, он и представить не мог, как ему обойтись без Кати. Ее образ так быстро и властно ворвался в его сердце,— он пытался разогнать черные думы, но они все плотнее окутывали его душу и он ощущал почти физическую боль от сознания несбыточности своих желаний. «И ведь не красавица, вроде бы и нет в ней ничего особенного... Что это со мной? Уж не лишился ли я рассудка?..»

Плохо соображая, что он делает, шел к стапелям и, когда уж был совсем рядом, увидел перед собой Евгения. Спросил:

— Могу ли я...

— Пожалуйста. Вот здесь лестница — спускайтесь, мы вам все покажем.

Да, так уж распорядилась природа: Дмитрий — сова, он летает и ищет свою добычу ночью. А добычей ему служат формулы, расчеты, функции и конечные результаты.

Случай — великий господин всего сущего — однажды явился Дмитрию и произвел в его жизни революционный переворот. На экране он поймал информацию: питерский ученый Виктор Иванович Петрик, врач-психолог по образованию, сделал открытие, которое сулит изменить всю жизнь людей: изобрел способ изготовления осмия-187.

Петрик? Тот самый Петрик, который в условиях своей лаборатории научился производить и фулерен!..

Другой бы скользнул глазами по этой информации и оставил ее без внимания. Иначе устроен ум Дмитрия; он задумался: «Изменить всю жизнь людей...» Что же это за открытие?

Вывел на свой экран банк данных об открытиях питерских ученых. В памяти его компьютера есть такой банк. И очень скоро увидел: Петрик Виктор Иванович, академик Международной славянской академии, имеет 32 изобретения и открытия. И особо важные — фулерен, осмий-187...

Сведения об осмии-187. Редкий элемент платиновой группы. Мировая добыча осмия — 60 килограммов в год, но особо ценный изотоп осмий-187 никому в мире выделить из руды до сих пор не удалось. Петрик это сделал.

Перечисляются сферы применения. И среди них: абсолютно надежная метка ценных документов и банкнотов...

Вот эти слова молнией сверкнули перед глазами. Метить банкноты!.. Значит, активный поток лучей. Слабая радиация! То, что необходимо Дмитрию для создания своей компьютерной системы!..

Произошло это пять лет назад. Дмитрий тогда по поручению Слепцова только что начал читать лекции в Инженерной школе электроники при заводе «Людмила». Ему отвели там большую комнату, и он нашпиговал ее компьютерной техникой. Как раз в это время они со Слепцовым нащупали пути создания двух «пушек» — вирусной и лептонной. Дмитрий работал в конструкторском бюро, обучал ребят в школе, а вечерами, и даже ночью, сидел над чертежами микропроцессорных схем. И, что он делал, никто не знал. Даже специалисты, создававшие новейшие электронные системы для надводных и подводных кораблей, самолетов и космических аппаратов, для технологических линий с программным управлением, не подозревали о дерзких замыслах Дмитрия и своего главного конструктора. Постепенно эти свои тайные занятия они перенесли в компьютерный класс заводской школы, и здесь Дмитрий, а с ним и Слепцов, уединялись все чаще и надолго.

Зайдут сюда инженеры, слесари, ходят-ходят по компьютерному классу, а что тут делает Дмитрий Кособоков, для чего он просит у них разного рода микропроцессоры, чистейшие полупроводниковые материалы, понять не могут. А он на все вопросы сыплет шуточки: дескать, на Луну хочет свой аппарат послать или подводную лодку особой техникой оснастить.

Когда же Дмитрий узнал об осмии-187, и совсем голову потерял: он теперь был уверен — создаст такую систему, при помощи которой будет перекачивать из банка в банк финансовые потоки, крушить планы банкиров, помрачать разум вредным политикам. Идея фантастическая, она, пожалуй, посильнее будет, чем гиперболоид инженера Гарина. И Дмитрий, увидев на горизонте новые возможности, устремился к своей цели с такой силой и яростью, на какую только и способен русский человек.

Пять лет прошло с тех пор. Идея стала реальностью, он теперь могучую силу управления миром держит, как синюю птицу, в своих руках. Держит! Но включить всемогущую систему не торопится. Болен Дмитрий. И ему все труднее двигаться по квартире. А кроме того, он еще не нашел способа маскировки своих пушек. Пальнуть-то он может, и действие нужное произведет, да только не сможет скрыть от мира свое местоположение. Вот почему он и решил пуститься в плавание на спортивной подводной лодке и обстреливать объекты из самых неожиданных мест.

Дмитрий стоит на балконе и жадно вдыхает лесной прохладный воздух, слушает, как, поглощая и тормозя потоки легкого морского ветерка, шумит листва деревьев. А над кроной сосен и дубов низко и бесшумно плывут облака.

Возвращается в комнату и любовно оглядывает свой компьютер. Он у него старенький и очень дешевый. Сейчас уже только школьники и бедные люди такими пользуются. У него слабая память, малый набор команд. Но в этом и заключена главная хитрость его хозяина. Примитивный компьютер для отвода глаз, для тех, кто будет искать виновника больших потрясений в компьютерном мире. На самом же деле в этой небольшой комнате сосредоточена целая компьютерная армия — такая система, которой нет нигде в мире и которая еще не умещается в головах самых смелых теоретиков. Здесь все уже приготовлено для нанесения мгновенного сокрушительного удара по целым странам и государствам. Дмитрий уже готов в течение нескольких минут разрушить крупнейший банк или целое семейство банков. В один миг он опустошит счета олигархов, ограбивших народы и государства, превратит вчерашнего миллиардера в нищего или банкрота. И вся эта мощь размещена на миниатюрных схемах — таких ничтожных по площади, что иные надо рассматривать в лупу. Нашел он и механизм маскировки, но пока он не надежен. Попробовать, что ли?.. Вот такая мысль сейчас сверлит голову Дмитрия. Или уж подождать того дня, когда они выйдут в плавание?..

Вопросы, вопросы. И нет на них ответа. Из комнаты своей выходит Катя.

— Ты чего не спишь? — испуганно вопрошает Дмитрий. Не было с ней такого, чтобы ночью выходила к нему.

— А так... Не спится мне.

— Араб, наверное, покой смутил?

Дмитрий привлек к себе сестренку, гладил ее шелковые волосы.

— Араб?.. Ну, что ты, Митя. Как можешь ты об этом думать.

Она приклонила голову на грудь брата, поцеловала его в щеку. Тревожилась за его судьбу, — и чем дальше, тем больше. Не было никаких надежд на излечение.

Подумала об этом и — расплакалась.

— Что ты, что ты, Катенька!..

— Боюсь я, Митя! Жизни боюсь.

— Жизнь она всё поставит на свои места. Ну, положим, свалюсь я, буду лежать. Но, если ты будешь со мной рядом, я и в таком состоянии пойду в плавание.

— Смеешься, а мне до смеха ли? Что поделаться — женщина я, к борьбе не способная.

— Ну, ладно, ладно. Иди спать.

И Дмитрий повел сестру в ее спальню.

Дмитрий еще спал, когда у них в гостиной появился Саид. Он сидел взволнованный, в глазах его иссиня-черных, как слива, метался огонек тревоги, на смуглом лице проступала бледность.

— Да что случилось — на вас лица нет? — говорила Катя, штопая носки брата. Вопрос ее услышал Дмитрий; он как раз в эту минуту выходил из своей спальни.

— Прошу меня простить,— заговорил Саид.— Я не должен приходить к вам без приглашения, но мне некому довериться, а я хочу высказать свою тревогу. Американцы прислали корабли в Персидский залив, они снова угрожают моей стране.

Саид говорил правду: он тревожился за свою родину, но явился к своим новым друзьям еще и потому, что хотел увидеть Катю, хотел знать, замужем ли она, ее ли это девочки, которых он видел в Калиновке? А, может, они принадлежали той женщине — неприбранной, непричесанной?.. И тому парню — Евгению?..

Саид хотел бы все это знать, но боялся правды. Он готовится к экзаменам, ему нужны силы, спокойствие, а занятия не идут на ум; прошлой ночью не сомкнул глаз. Никогда раньше не знал он этого чувства. Двадцать два года живет на свете, многие девушки нравились ему, но то были легкие приятные встречи. А вот так, чтобы влечение стало неодолимым, чтобы он страшился потерять девушку!..

— Чего же они хотят? Что им нужно от вашего Хасана? — спрашивал Дмитрий, не включавший телевизора и не знавший, что происходит в мире.

— Они хотят, чтобы мы не вооружались, не имели сильной армии.

Катя пригласила ребят в столовую — там уже был накрыт стол, но Дмитрий от еды отказался и подошел к компьютеру. Включил систему дальнего обнаружения и задал команду: найти банки, снабжавшие деньгами военно-морской флот Америки. И тотчас на экране засветилось целое семейство банков. И среди них три, которым поручалось денежное обеспечение экипажей кораблей, ушедших в Персидский залив. Один из этих банков должен был еще и перечислить два миллиона долларов для проповедников-сектантов, отправлявшихся в Петербург на длительное проживание. Перед ними ставилась задача обращать русских в секты иеговистов, адвентистов, муна, аум-сенрикё...

— Ага-а!..— потирал руки Дмитрий.— Попались, голубчики!.. Я и вас щелкну по носу!..

Набрал несколько кодов, и через десять секунд на экране высветилась информация: компьютерные системы этих трех банков поражены сильнейшим вирусом. Полетели вверх тормашками все счета, векселя и ценные бумаги. Завтра у них на биржах начнется паника. Всей финансовой системе Дмитрий нанес ощутимый удар.

Это была его первая операция в войне с темными силами. Довольный собой и своим суперкомпьютером, Дмитрий пошел обедать.

Вечером Катя с Саидом вновь уехали в Калиновку, а Дмитрий уселся перед телевизором. В первых же выпусках новостей раздались тревожные голоса о каких-то загадочных банковских катастрофах.

Диктор Кисельман, шевеля тараканьими усами, вещал:

— Вирус, словно тайфун, поднялся в Англии и, перелетев океан, поразил три банка: как раз те, которые финансируют операцию в Персидском заливе. Специалисты по электронным системам, служащие в органах разведки, доложили президенту: удар по банкам могла нанести только Россия, но нанесла его Англия.

В Америке паника. Как же так? Англия помогает арабам!.. Сердце Дмитрия трепетало от радости: сработала главная функция — переадресовка плацдарма, с которого наносится удар. Он эту способность своего компьютера искал пять лет,— наконец, нашел и уместил на квадратном сантиметре своей машины, на кусочке фольги толщиной в одну десятую миллиметра. И сделал это в самое последнее время. Ему помог осмий-187, долго лежавший в тайниках природы и открытый великим, но еще не всеми понятым и признанным Петриком.

Через час на экране телевизора появилась Помяло Сорока — дикторша, недавно перелетевшая в Москву из Петербурга. Треснутым голосом заговорила:

— Скандал вокруг банков разгорается. По их компьютерам ударил вирус, доселе никому не ведомый. Его предсказывали и ждали из Японии, но он грянул из страны дружественной — Британии. И поразил не только основные системы, но все три степени подстраховки и защиты. Эти системы находятся глубоко под землей и до сих пор не были подвержены никаким вирусам, но этот, прилетевший из Англии, поразил и запасные системы. Он как железной метлой вымел всю информацию. Банки остались голыми. Совет директоров принял решение: уволить всех служащих. Они не нужны, и им нечем платить зарплату. А служащих в трех банках две тысячи человек. Катастрофу сравнивают с космическим коллапсом. Газеты истерично голосят о вмешательстве божественной силы. Именно эти банки финансировали самые злонамеренные аферы, и последняя из них — десант американских кораблей, грозивших разрушить столицу Арабии — святой и любимый богами город.

Дмитрий потирал руки: осуществлялась его мечта — он вышел на поле боя и нанес первый удар. Никакая армия и даже целый фронт не имел такой силы, которую он держал на кончиках своих пальцев. Наверное, вот так же действует Бог, во власти которого сводить со сцены целые виды животных, прекращать жизнь народов и государств, творить космические катастрофы. И, может, сам Дмитрий — посланец Бога, его мессия и творение. Недаром же человека, изменившего облик мира, называли сыном Божьим.

«И неужели,— обожгла его внезапная мысль,— сын Божий должен страдать? Неужели для того, чтобы изменить жизнь на земле, наказать виновных и поощрить праведных, он должен взойти на Голгофу и умереть?.. Именно такая участь постигла Христа».

Но тут ему пришла и другая мысль: «Христос воскрес! Он обрел жизнь вечную».

Подумал об этом и тотчас же успокоился. Если это и так, он покорится Богу. Он счастлив, что стал его избранныком. Он готов, он умрет хоть завтра, но вначале...

И в голове его стали громоздиться планы дальнейших действий.

Машина бежала резво, Саид был в хорошем настроении. Он сегодня ночью как-то неожиданно для себя успокоился и уснул. И спал крепко до восьми часов утра. В девять был уже в институте и в течение часа сдал два экзамена. И получил пятерки.

— Вы меня можете поздравить: я без пяти минут врач. Мне осталось сдать лишь один экзамен.

— Это, конечно, счастье, когда мечта ваша рядом. Протяни руку и — вот она.

Саид задумался. На смуглом и красивом его лице отразилась грусть. Он бы мог и не признаваться, да этой девушке, которая вдруг стала для него самым дорогим человеком, хотелось раскрыть всю свою душу.

— Я не мечтал быть доктором. Но — повелел отец. Сказал матери: получишь пенсион в два раза больший, чем другие жены — пусть сын будет врачом. И пошли его учиться не в Англию, не во Францию, а в Россию. Русские угодны Аллаху. Они нам ближе.

И мать согласилась. Это была ее последняя ночь с любимым человеком. Мне ее жалко. Моей маме было всего лишь двадцать пять лет. И она знала: больше ей не бывать во дворце. Она если и увидит своего мужа, то лишь издалека, из толпы людей.

Саид замолчал и заговорил тогда, когда Катерина спросила его:

— Зачем ему — чтобы ты был доктором?

— Он думал о своем будущем. Хочет, чтобы в старости его лечили собственные дети.

А помолчав, добавил:

— Не будь он мой отец, я бы отомстил за мать.

— Она молодая. Красивая. Найдет себе мужа.

— Аллах не любит, чтобы жена владыки узнала другого мужчину. Мама хранит верность отцу. И будет верна ему до конца.

Печальная это была беседа. В сердце девушки шевельнулась жалость и к маме Саида, и к нему самому. Вот он хотя и принц, сын какого-то восточного владыки, а и ему больно за судьбу матери, и он страдает, и нет у него никакой возможности избавиться от душевных мук. Кате очень хотелось утешить Саида, и познакомиться с его мамой, и ей помочь, но она не знала, как это можно сделать.

Остальную часть пути ехали молча. Дорога втянула их в центр уютного городка, вывела за окраину, и здесь им открылись простор и черная лента шоссе, уводящая вдаль, в глубину темневшего у горизонта леса.

Картина в Калиновке была той же, что и вчера: ребята работали внутри лодки, а возле пирса на песке играли девочки. Они, казалось, только и ждали автомобиль, на котором смуглый красивый дядя привезет им Катю: побежали к ней навстречу.

По дороге они и на этот раз заезжали в магазин за продуктами. Саид знал, что их ждут Танечка с Манечкой, и покупал разные вкусности, но теперь, перенося покупки в дом, подумал о том, что им нужны игрушки, и решил завтра же приобрести куклы, кровати и мебельный гарнитур для устройства столовой на песке.

Евгений сошел со ступеней и о чем-то говорил с Катериной. Потом они вместе направились к Саиду, стоявшему у машины. Евгений, поздоровавшись, попросил его подняться на второй этаж и посмотреть больную. Сказал:

— Какую-то гадость себе вколола.

Говорил так, чтобы не слышали дети. И когда Саид направился к дому, Евгений сказал Кате:

— Побудь с девочками, а то они побегут за нами.

Евгений привел Саида в комнату, где на диване, на чистых простынях лежала уже знакомая ему женщина. Голова запрокинута на подушке, волосы растрепаны, лицо опухшее с синими подтеками под глазами. Женщина чуть покачивала головой и стонала.

Саид пытался с ней заговорить, но больная его не слышала. Тогда он обратился к Евгению:

— Какой наркотик она принимает?

— Вон в пузырьке какая-то гадость! Чуть отвернешься, а она уже укололась.

— Наркотик сильный. У нее начинаются конвульсии — надо везти в больницу.

— Везил несколько раз — не принимают. Может, от вас примут, как от иностранца?

— Давайте ее документы, соберите вещи — и скажите, где тут поблизости больница?

— Я поеду с вами.

И Евгений скоренько собрал документы, вещи.

— Я спущусь вниз и уведу детей на ту половину дома. Боюсь, напугаются.

— Она им мать?

— Да, мать. Это наши с ней дети.

И Евгений побежал вниз, оставив Саида наедине со своей радостью. Наконец-то он узнал, кто тут кто и что Катя свободна, она никому не принадлежит, она может стать его подружкой, женой... Мысль эта сладостно гудела в голове, наполняла все вокруг торжественной музыкой жизни. А рядом — стонала и корчилась в муках женщина. И он, без пяти минут доктор, не знал, как ей помочь.

Пришли ребята, завернули ее в шелковое одеяло, кое-как причесали, завязали платком и понесли в машину.

Катя осталась с детьми, а Саид с Евгением повезли больную в лечебницу.

Вернулись они часа через два, довольные исходом дела. Саид побывал у главного врача, и тот пообещал в устройстве для больной основательного лечения. Саид не сказал Евгению, что он заранее оплатил лечение.

Катя решила ночевать в Калиновке, она нужна детям.

— Если можно, и я останусь,— несмело проговорил Саид.

— Пожалуйста, места тут много. Мы будем рады.

Этот ее ответ и то, каким голосом она говорила, еще пуще обрадовали Саида.

И когда они уже в десятом часу ужинали, и Саид видел, как веселы и беззаботны были ребята и как любезна и мила с ним Катерина, он все больше укреплялся в своих самых радужных надеждах.

Евгению он снова — уж в который раз — сказал:

— Главный врач обещал вылечить вашу супругу.

— Ее уж лечили, но все без толку, однако будем надеяться.

— На этот раз она поправится. Только время лечения будет долгим — три-четыре месяца.

— Ну, нет — так долго они не лечат. Две-три недели и выпишут. Подолгу таких больных держат только в платной клинике.

Саиду очень бы хотелось сказать, что так оно и будет, что денег он заплатил много — пять тысяч долларов, но вместо этого он еще раз заверил, что жена Евгения будет здоровой. И спросил:

— Как ее зовут?

— Ирина. Она была очень хорошей, подарила мне очаровательных двойняшек, но вот... бес ее попутал.

Спать его положили в дальней комнате — просторной и чисто прибранной, с большим ковром посередине. Ребята прошли на половину, выходящую окнами на судовой верфь. Катя куда-то ушла,— видимо, к детям на другую половину дома. И Саид очень бы хотел убедиться, что тут у нее нет избранника, никто ей не станет досаждать в ночные часы.

Саид никогда не испытывал ревности, считал это чувство недостойным настоящего мужчины, но теперь с горечью убедился: ревность является человеку с любовью, и чем сильнее любовь, тем яростнее грызет сердце эта вечная, как само проклятие, страсть.

Дверь в комнату он оставил приоткрытой и напрягал слух, надеясь уловить шаги и проследить, куда они последуют. Несколько раз ловил себя на мысли, что Катерина ему не принадлежит и он не имеет на нее никаких прав, но это чувство лишь являлось в сознании, а сердце продолжило ныть от ужасных подозрений.

И так он ворочался с боку на бок до двух или трех часов ночи, а потом, успокоенный тем, что никакого движения в доме нет, уснул. И спал сном младенца. И был несказанно рад, услышав над головой голос Катерины:

— Вставай, принц, пойдем завтракать!

И коснулась его плеча.

Вбежали девочки, запрыгали и закричали:

— Дядя Саид, дядя Саид! Мы тебе сварили яичницу!

Катя их поправила:

— Не сварили, а поджарили.

Подгребла сестренки, повела к выходу.

Саид, провожая их, думал: это самый счастливый миг его жизни.

Тревожной выдалась эта ночь и для Дмитрия.

В час убийц, то есть в полночь, раздался звонок в квартиру. Посмотрел в глазок двери. Молодой мужик в кожаной куртке. Вроде бы знакомый, но кто?

— Дмитрий! — раздалось за дверью.— Это я, Вадим Капустин. Не забыл?

— Ты один?

— Один, один. Открывай.

Дмитрий никогда не был чрезмерно осторожным, но теперь...

Нехотя открыл дверь и не скрывал удивления:

— Ты?.. Каким ветром?

Раздеваясь, Вадим тщательно осмотрел коридор, стены и даже потолок. В гостиной он тоже не сразу прошел к столу, а осматривал каждый уголок и, особенно, компьютер.

— У тебя еще тот... первая модель? Они уже давно на свалке.

— Я неохотно расстанусь со старыми вещами. Привыкаю. А к тому же, сильный, современный мне и не нужен. Меня интересуют два типа информации: стихи современных поэтов да лекарства от болезни позвоночника. А ты, как я слышал, в каких-то органах. Надеюсь, и там тебе пригодилась моя наука? Помнится, ты был у нас самым способным.

— По части компьютеров и там промышляю. Не раз вспоминал тебя с благодарностью. Таких знаний и такой хватки, какую ты дал нам, оболтусам, я ни у кого еще не встретил.

— Ты и ко мне заглянул по этой части? Выкладывай сразу, без предисловий.

Вадим протянул Дмитрию маленький конвертик. Дмитрий вынул из него бумажку — санкция прокурора на обыск.

— Вот как! Ну... приступай. Мне прятать нечего.

— У тебя компьютер...— только этот? Другого нет?

— Этот, только этот. Сказал же тебе: другого мне и не нужно. Я, видишь ли, давно болен. И говорят: безнадежно.

Невесело улыбнулся.

— Так что — компьютеры... Это уже вам, здоровым.— Дмитрий говорил глухим упавшим голосом. Его состояние было близко к обморочному. Он понял: ведомство Вадима уловило его атаку на американские банки. Да, да — это несомненно. Ведь он сам со своей бригадой, в которой, кстати, был и Вадим, монтировал там компьютерную систему. И когда окончили работу, генерал устроил им небольшой банкет, и на этом банкете Дмитрий сказал: «Ваша система еще долго будет сильнейшей у нас в России. Мы поставили такие микропроцессорные схемы, которых пока нет нигде».

Эти-то вот схемы теперь сработали против него. Заговорил Вадим:

— Дмитрий! Давай начистоту. Как близкие друзья. С обыском мы придем к тебе завтра — группа искусствоведов в штатском. Но я пришел сегодня и буду говорить тебе правду, как учителю и другу. Удар по банкам нанесен из Питера. Мы уверены. Об этом же нам сказала созданная тобой и установленная в нашей конторе система. Мы обзвонили крупнейшие банки Питера, звонили в Москву — никто ничего не знает. Узнала об этом лишь твоя система. И если мы ее усилим,— хотя бы на самую малость! — ты же представляешь, какое оружие мы будем иметь!

— Я болен. Едва хожу.

— Знаем. Но ты же монтируешь электронику в подводной лодке, еще надеешься и в плавание пойти. Значит, есть силы, есть надежда. А кроме того, мы поднимем весь медицинский мир, позовем, как к Ельцину, лучших светил. Они тебя поставят на ноги!..

Дмитрий приготовил кофе, и они за большим столом вели взволнованную дружескую беседу. Дмитрий от природы доверчив, а тут перед ним старый товарищ по школе электроники, самый смысленый и трудолюбивый Вадим. И самый честный, самый сердечный... Дмитрий задавал ему смелые неожиданные вопросы:

— Признайся, Вадим: вы там в своей конторе уверены или только думаете, что это я шарахнул по банкам?

— А чего тут думать! Нам твоя же система показала на твой дом,— сюда вот, в твою квартиру. Но об этом тебе никто не скажет, и спрашивать не станут. Храни ты при себе свою тайну. Лишь бы ты был жив и здоров. И жил весело, счастливо. А то, что ты патриот и работать будешь только на Россию, мы не сомневаемся.

— Но Вадим! Я, кажется, тебя кое-чему научил. Чтобы «шарахнуть» по банкам, нужно какую систему иметь? А-а?.. Может ли она уместиться в моей квартире?..

— Квартира у тебя большая. Твой папаша, работавший председателем Выборгского райисполкома, расстарался для себя и своих деток. Но даже и в твоей квартире не уместилась бы та система. Однако, это если иметь в виду, что систему делал не Дмитрий Кособоков. Но ты ведь не сидел, сложа руки, последние пять лет! А уж если ты что-то делал, то это что-то совершенно фантастическое.

— Но и все-таки — где она, эта система? Может, уместилась под рубашкой вон того старенького компьютера?

— Дмитрий! Хватит. Будешь дурить кого-нибудь другого, но только не меня. Я подозреваю, ты применил какой-то из еще неизвестных изотопов, нашел слабые пучки электронов. Ими ты мог облить тончайшие листы плотного металла и начертить немислимо миниатюрные схемы. Ты мог машину исполинской силы поместить в люстре, на стенках телевизора, в трубке телефона,— наконец, на крышке часов или в самоваре. Ох, Дмитрий! Не надо, ничего не говори. Позволь только тебя взять на иждивение, лечить, кормить, охранять. Молчи как рыба! Это нам даже выгодно.

— Кому это вам?

— Пока мне. Я назначен ответственным за твою охрану. И за все, что может произойти с тобой. Но ты должен знать: жизни твоей ничто не угрожает. Ты нам нужен живой и здоровый. Я к тебе явился от имени России. Мне и доверяйся.

— И все-таки,— вы будете меня пытаться?

— Как пытаться?

— Ну, спрашивать: что да как, да почему?..

— Ни, Боже упаси! Еще раз тебе говорю: ты шарахнул по банкам или кто другой, но это твоя система — твоё детище — засекла момент и место атаки. И уже одно это ставит тебя в ряд важнейших персон мира; может быть, самых важнейших. А потому, хочешь ты этого или нет, отныне ты поступаешь в распоряжение государства. И главным твоим охранником назначен я.

— Ну ты мне скажи: там, в вашем доме, есть эти проклятые демократы, которые всех предадут и все продадут?

— Как не быть! Есть, конечно. В нашей нынешней России нет и щели такой, куда бы они ни залезли. Но, слава Богу, ключевые позиции за нами.

— Хорошо, а представим на минуту, что роли у вас переменятся. Что тогда со мной будет?

— Да ты не бойся, мы в любом случае власть удержим. С оружием в руках, а удержим. Но если представить невероятное и они захватят всю власть в России — ты и такому режиму нужен будешь живой.

— Ну, ладно. Черт с тобой. Охраняй, если ты и в самом деле считаешь меня важной персоной. Только я бы хотел, чтобы прежний мой порядок жизни не нарушали. Я, например, ночью работаю, а днем отдыхаю. Как с этим? А?.. Не возражаешь?..

— Да живи ты, как тебе хочется, только вот отныне даже и на минуту я не могу оставить тебя одного. Покажи мне комнату, я буду спать в твоей квартире. И не смей возражать! Это уже приказ с самого верха.

— Вот тебе комната — располагайся. А я пойду работать.

Довольные друг другом, они разошлись по своим местам.

Этим же утром Вадим развернул бурную деятельность. Закрылся в отведенной ему комнате и оттуда по телефону руководил подготовкой особняка где-то на юго-западной стороне Всеволожска — районного городка близ Петербурга.

В десятом часу приехал генерал и сообщил, что в Персидском заливе произошло событие, потрясшее весь мир. Оно развивалось так: вначале по радио объявили, что на рассвете по столице арабского государства будет нанесен удар каким-то новым оружием. Жителям предлагалось покинуть город. Но король этой страны приказал соотечественникам оставаться на месте. Через час или два с авианосца «Форрестол»

поднимается самолет-невидимка и берет курс на город. Бомба сброшена... но что это? Она летит не на город, а в сторону моря и взрывается над авианосцем.

Генерал сделал большие глаза и заключил:

— Произошел сбой работы самолетного компьютера, и он шарахнул по своим. Точно веничком смахнул в море десять самолетов. А «Торнадо» полетел в Израиль и там приземлился. Что вы на это скажете?.. А?..

— Наверное, действует всё тот же компьютерный диверсант?

— Не наверное, а точно. Наш компьютер уловил знакомый нам слабый сигнал.— И шепотом, на ухо: — ... питерской прописки.

— А американцы? — так же шепотом спросил Вадим.

— Радио и телевидение всего мира вопят: плацдарм нападения — Исландия. А?.. Крохотная островная страна! Ей-то уж так надо гадить Америке.

Генерал кивнул на дверь:

— Спит... умелец?

— Не знаю. Он как сова: ночью колобродит, а днем спит.

Генерал, не в силах унять возбуждение, продолжал:

— Американцы в панике. Англичане — тоже. Никто не верит в виновность Исландии, все в один голос и с ужасом утверждают, что на стороне арабов — божественная сила. В Америке срочно собрался сенат, все требуют отвести флот из Персидского залива. Клянут президента, ждут конца света. Как бы в суматохе они не начали швырять свои атомные бомбы.

Сказал генерал и испугался: вдруг и в самом деле у них откажут нервы?

Кивнув на дверь, спросил:

— А он может... все ракеты, если они полетят на нас, завернуть и послать обратно?

Вадим сказал:

— Думаю, да, может.

— И еще тебя спрошу: вот мы его переместим в особняк на окраину Всеволожска. А там как? Сумеет он там отлить свои пули?

— Про особняк я ему сказал. Спокойно принял эту весть. Я, говорит, поживу на свежем воздухе. Скорее поправлюсь. Спокоен, а раз так — наверное, сможет.

Потом генерал звонил кому-то. Торопил с приготовлением особняка, размещением охраны.

Раздался звонок из Москвы. Приказали встретить самолет с важными персонами. Генералу лично вменялось в обязанность обеспечить охрану объекта К — так они называли Дмитрия Кособокова. Приказали срочно вывезти за город и поместить вдали от людей и городских строений. Все это говорилось на языке кода, известного генералу и абоненту на том конце провода.

Дмитрий между тем спал — мирно и безмятежно. Он был фаталист и верил в судьбу. Еще он верил в Творца — называл его высшим компьютером. Пять лет назад изучил теорию простых чисел — посмертное детище великого русского математика академика Ивана Матвеевича Виноградова. И с тех пор стал на основе этой теории создавать собственные микропроцессорные схемы.

Получив же в руки осмий-187, творил схемы со множеством назначений и умещал их на миниатюрных пластинах. Впервые он как-то физически ощутил беспредельные возможности человека. И подумал: вот он — Бог, Творец, высшее существо, управляющее миром. Он раньше только предполагал о возможности построить машину, которая бы стояла на письменном столе и вмещала в свою память всю «Публичку» — библиотеку имени Салтыкова-Щедрина. Теперь же он имеет на столе машину, которая способна поместить в памяти все библиотеки города. Эта же машина может управлять кораблями, самолетами и всеми космическими аппаратами. И всеми банками, всеми министерствами. Но ведь если все это может он, Дмитрий, то какую же силу имеет Творец? Он движет мирами и пронзает лучом разума каждый атом, он знает все, всех и может все! Недаром

же русский человек еще в древности говорил: Бог все видит и все знает. Он все грехи наши припомнит на страшном суде!

Дмитрий верил в Бога. Он оттого и верил в скорое свое выздоровление. И эта вера позволяла ему сохранять бодрость, радоваться каждому новому дню и — творить добрые дела.

О том, что он учинил с авианосцем, он увидел и прочитал на экране компьютера. Довольный результатом своей «шалости», залег на диван. И проспал до обеда. Потом принял душ и явился в столовую. Здесь его ждали Катя, Вадим и шестеро незнакомых людей. Они встали и замерли в почтительной позе, точно перед ними явился маршал или президент. Вадим представил ему гостей: всех называл по имени-отчеству и говорил тихо, будто боялся, что кто-нибудь их услышит. Молодую, стройную, как березка, женщину, назвал Марией Владимировной и сказал:

— Представитель президента. Мы все поступаем в ее распоряжение.

— Я бы с радостью поступил под начало Марии Владимировны, но как же быть с моей свободой?

Мария Владимировна, наклонив головку и улыбнувшись, заметила:

— Понимаю вас, Дмитрий Михайлович, мы все тут свалились неожиданно, как снег вам на голову, но поймите и нас: мы люди служивые и нам вышел приказ: обеспечить вам жизнь спокойную и безопасную.

— Мне до сих пор никто не угрожал,— говорил Дмитрий, принимая из рук Катюши тарелку и ни на кого не глядя. Он демонстрировал явное неудовольствие таким нашествием и особенно заявлением генерала о представителе президента.

Мария Владимировна решила все поставить на свои места:

— До сих пор — да, не угрожали, а теперь за вами начали охоту разведки многих стран. Мы вынуждены взять вас под защиту.

Дмитрий молчал: он не собирался ломать дурака, вставать в позу, но хотел бы знать, что его гостям известно о нынешнем инциденте в Персидском заливе.

Молча ел и лишь изредка поглядывал на Катю, сидевшую рядом. В глазах ее читал просьбу ни о чем не беспокоиться, а принимать правила игры, которые ему предлагают. Другого выхода у него нет; всякое сопротивление лишь осложнит его жизнь. Она все знала, все понимала. И — ничего не боялась. Наоборот, даже радовалась такому неожиданному обороту дел и считала его счастливым.

Генерал, желая поправить возникшую от его неосторожного заявления неловкость, уже другим, более мягким голосом заговорил:

— Вы, Дмитрий Михайлович, наверное, уже знаете, какой конфуз постиг американцев в Персидском заливе: там самолет, посланный бомбить город, случайно залепил бомбу по собственному авианосцу.

— Случайно? Разве такие случайности бывают?

— Ну, нет, конечно, мы-то знаем, какая это была случайность. Уж знают обо всем в Москве,— и вот... видите, сколько гостей к нам прилетело. Вот Михаил Абрамович Шайкис, он заместитель министра МЧС...

— А что это такое — МЧС?

— Министерство по чрезвычайным ситуациям.

— У них там ситуация, а наш министр посылает своего зама в Питер.

Дмитрий выказывал к высокому гостю явное недружелюбие. Он с первого взгляда его невлюбил, не верил ему и для себя решил, что сотрудничать с ним не станет. А вот с этой дамочкой...

Мельком взглянул на Марию Владимировну. «Неужели и она знает?»

Лицо у нее доброе, улыбчивое, и такие милые ямочки в углах губ. С ней, наверное, он поладит.

В прения не вдавался, не хотел попадать в двусмысленное положение.

Заговорил Вадим:

— Москва, похоже, ждет, что в Персидском заливе американцев постигнут и другие неприятности. Хорошо бы, конечно. Мы тоже подождем.

Дмитрий глубокомысленно промолчал. Но, видя, что все ждут от него слова, оживился, спросил:

— А кто там командующий?

Никто не знал. И тогда с сожалением проговорил:

— Жаль, что никто не знает, кто там командует эскадрой. Хорошо бы его хлопнуть по голове.

— Чем? — изумился генерал.

— А чем угодно. Хотя бы и бульжником. Чего они лезут к нашим друзьям, арабам? Мне это не нравится.

Все переглянулись, вопросительно посмотрели на Вадима: ты, мол, его давно знаешь? Шуточки, что ли, у него такие?..

Больше всех удивилась Мария Владимировна. По образованию она была врач-психолог, и в политическом заявлении Дмитрия ей послышалась не одна только странность, но и возможная аномалия.

Генерал же обрадовался такому смелому заявлению; он решил побудить Дмитрия на дальнейшие откровения.

— Американцы распоясались, они сейчас противоракетную оборону взяли усиловать. А генерал тот нам известен. Завтра я пришлю вам о нем сведения.

— Хорошо. Мне нужны и другие сведения: о генералах Пентагона и как можно больше о ведущих американских политиках. Главное — их компьютерные адреса. Они, правда, есть и в Интернете, но долго приходится искать.

И в раздумье:

— Радарная война заканчивается, впереди война компьютерная,— в голосе его зазвучали нотки человека, имеющего право судить и решать. И все это поняли, и почувствовали,— и это был миг, когда его опекуны увидели в нем не просто Дмитрия Кособокова, а человека, в чьих руках заключена сила, способная вершить судьбы людей, а может быть, и целых государств. И кто-кто, а он-то уж знал эту силу, и всем своим видом, и властным тоном определял себе место среди окружающих его людей.

Склонился к сестре, на ухо сказал:

— Ты обещала мазь от Саида.

— Он принес. Ему доставили на самолете.

Дмитрий поднялся:

— Прошу прощения. Я долго не могу сидеть.

И они с Катей ушли в дальнюю комнату.

У Дмитрия была бутылочка, присланная от Петрика Виктора Ивановича.

— А ну, попробуем, а!.. Была не была! Хуже-то ведь не станет!

В корбочку с мазью накапал несколько капель изотопа осмия-187 и тщательно перемешал содержимое.

— А ну, сестренка! Натри-ка мне спину как следует! Я уверен: мазь с волшебным изотопом меня поднимет!

Силу осмия-187 он уже испытал на своем компьютере. И истратил на него всего лишь полграмма. Два грамма он влил в аккумуляторную жидкость и отдал для испытания владельцу электромобиля. На своем обычном аккумуляторе тот ездил без подзарядки сто километров, а с осмием пробежал уже тысячу,— и подзарядка еще не требовалась. Сила аккумулятора увеличилась во много раз! Да если такой жидкостью снабдить две батареи аккумуляторов на его подводной лодке, она без захода в порт сможет пройти больше двух тысяч миль!

Верил Дмитрий: осмий поднимет его на ноги.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Прошел год. Дмитрий и Катерина жили на окраине Всеволожска в особняке за глухим забором. Перед входом к ним на усадьбу стоял большой автомобиль с настоящим домом вместо кузова — в нем размещалась многочисленная охрана. Как там жили люди, что они делали и кто ими командовал — Дмитрий и Катя не знали. Дмитрий от лечения мазью хотя и поправлялся, он уже гулял по саду, но на улицу в город еще не выходил. Катя жила своей жизнью, и охрана ей не мешала. Для Кати наступили волнующие дни: она ждала профессионала-подводника, который должен был пойти с ней в пробное плавание и обучить ее искусству управления лодкой.

С наступлением осени экипаж «Русалки» намеревался отправиться к берегам Персидского залива и принять там участие в боевых действиях на стороне дружественного Хасана.

— Когда он придет к нам? — спрашивала брата Катя.

— Кто?

— Ну, этот... инструктор.

— А-а... Он бывший командир подводной лодки. Завтра у него последний экзамен в школе электроники. Он теперь и лодку будет вести, и в случае нужды за компьютером нас с тобой заменит. Кате было приятно слышать «нас с тобой». Она, конечно, не может соперничать с братом, но регулярные занятия в школе электроники по шесть часов в день сделали и ее таким оператором, которого не во всяком банке встретишь. Иногда Дмитрий в раздумье скажет: «Ну, сестричка! Еще немного, и я научу тебя стрелять из пушечек». И после таких загадочных и волнующих слов она старалась еще больше; ей хотелось быстрее подобраться к этим самым пушечкам. Она понимала, что это какие-то сложные и особо важные операции, но в подробности не вникала.

В кабинет вошли Вадим и Мария Владимировна. Весь этот год они жили как одна семья. И если Вадим иногда ненадолго отлучался, то Мария Владимировна жила в доме Дмитрия безвыездно. Ребята ее полюбили, а Дмитрий тянулся к ней и как к женщине. Об этом он, конечно, никому не говорил, и даже себе признаться боялся, но Машенька — она любила, когда ее так называли, — нравилась ему все больше, и он очень бы хотел знать подробности ее жизни, но они от него скрывались. Слышал от кого-то, что у нее есть муж, какой-то министр, его еще по Свердловску знает сам президент. Ей потому и доверили «Человека номер один на планете» — так однажды сказал о Дмитрии сам генерал. Но вот что было интересно: Мария хотя была приставлена к Дмитрию от президента, ей хотя и подчинялись беспрекословно все генералы и важные чиновники из Москвы, но Дмитрий даже тона начальственного от нее не слышал. И не было никаких распоряжений. Только вот вчера ночью она пришла в кабинет Дмитрия, робко спросила:

— Не помешаю?

— Что вы, что вы! — садитесь, пожалуйста.

Машенька была в дорогом китайском халате и в турецких расшитых золотом туфельках. Заговорила вкрадчиво и просительно:

— Самолет американцы испытывают. Военный, особенно важный и дорогой. Его наши конструкторы создали, но шпионы им чертежи переправили. Они его и поставили на производство. Много миллиардов долларов на него ухлопали, на продажу в другие страны готовят. Если испытания пройдут успешно — они нас с мирового рынка потеснят, а это сотни тысяч безработных, драмы и трагедии людей.

Глубоко вздохнула Маша. Упавшим голосом заключила:

— Трудно нам, Митя. Ох, трудно.

— Кому это вам? Президенту?..

— Народу русскому трудно. Боюсь, не сдюжит он в наступающем двадцать первом веке.

— Как это не сдюжит? Не понимаю вас.

— А так... Погибнуть может русский народ.

— Ну и ну! Сказали же вы. Да разве народ такой... русский, великий, может погибнуть?

— Может, Митя. Случалось уж не раз такое, что народы целые, и очень большие, с высокой культурой совсем сходили с мировой сцены.

— Ну, это раньше, во времена древние. Там войны были, мор, эпидемии, а нынче-то?..

— Нынче тоже война — бесшумная, страшная. Все силы зла на нас навалились. И мор тоже, эпидемии... Разве пьянство повальное, наркотики, СПИД — не эпидемии?.. Вон на дорогах Грузии машины со спиртом, суда морские... Миллионы тонн у границ скопилось! На наши, русские головушки выливают. Малые-то народы прежние, которые у России под боком жили, все против нас обернулись. Оказалось, не любили они нас никогда, не было никакого братства народов. Мы их из мрака тащили, силушек сколько на них положили, а они — зверем теперь на нас смотрят. Да что это я — раскаркалась. Прости меня. Думать я слишком много стала, как бы с ума не спрыгнуть.

Дмитрий смотрел на экран компьютера и тоже думал. Он свои наивные вопросы умышленно задавал — простака разыгрывает, а сам-то уж давно о судьбе народа стал тревожиться. Очень уж быстро в государстве русском все обвалилось. Женщины перестали рожать — вот что особенно страшно.

Спросил Марию:

— Где самолет будут испытывать?

— У них там в Штатах город есть такой — Сакраменто. Будто бы от Сан-Франциско недалеко.

И больше ничего не сказала Мария. Поцеловала в щеку Дмитрия и — ушла.

Дмитрий представил, как после успешного испытания нового военного самолета, стратегического бомбардировщика, будут торжествовать американцы. Заказы поступят из многих стран. Свежее вливание миллиардов получит авиационная промышленность, десятки заводов, а наши сядут на мель. У нас новые невыплаты зарплаты, остановка производства, слезы голодных детей.

О готовящемся испытании знает Дмитрий; вычислил центры, из которых будут управлять полетом новейшего самолета, знает компьютерные программы, коды, но он не собирался мешать испытаниям. Он уж давно подозревает слежку за ним; где-то в Англии есть мощная компьютерная система — ее острие направлено на Питер. Они ждут новой атаки. И если она последует...

Не хотел, но Маша попросила. Это заказ. От многих тысяч наших родных людей. Его просит сама Россия!..

Луна взлетела над невскими берегами, небо очистилось, в вышине засияли звезды.

Вызвал на экран небо Сакраменто. Там сияет полдень и люди всего западного побережья Америки прильнули к телевизорам. Сейчас над аэродромом раздастся гром реактивных двигателей и новый самолет — создание гения русского народа, а теперь ставший вдруг гордостью и надеждой Америки — поднимется в воздух. И тотчас же затрубят фанфары славы. Кичливая Америка разнесет по миру весть об очередной победе...

«Разнесет!.. Пусть разносит...» — шевелит губами Дмитрий и набирает таблицу кодов. А вот и самолет. Он вырулил на полосу взлета, и перед глазами Дмитрия поплыли строчки цифр... Они самые. Все цифры совпадают. В электронику самолета заложены микропроцессорные схемы его родного завода «Людмилы». Вот схема точечного наведения ракет — ее разработал Владимир Иванович Слепцов; за нее он получил Ленинскую премию, а вот микросхемы управления режимом работы двигателей — это его детище, Дмитрия. Ничего они в ней не изменили, и в других схемах нет изменений, это облегчает ему задачу.

Самолет устремляется в сторону западного побережья к границе с Канадой. Идут по маршруту, который ведет и на Россию.

Дмитрий сверяет свои расчеты с данными, которые вводит в систему управления самолетный компьютер.

Начинает диалог с экипажем. Крупным планом высвечивает на экране своего компьютера лицо командира корабля сорокадвухлетнего полковника Фрэнка Дира. Говорит ему:

«Фрэнк! Это я, Митяй. Узнаешь меня, нет? Жаль. А я вас знаю, всех членов экипажа. И хотел бы спасти вам жизнь. Вам ведь неизвестно, что «Мираж» изобретен в России, а вам в Америку привезли готовые чертежи. У нас теперь много предателей, и они у власти, но мы наводим порядок и скоро изгоним бесов. Приготовь экипаж к катапультированию».

Физиономия на экране сначала вытягивается, а потом приоткрывает рот и застывает в изумлении.

— Кто со мной говорит? Какой Митяй?..

«Повторяю: самолет вы украли у русских и я вас за это накажу. Но вы-то лично не виновны, и ваш экипаж... И тем более, ваши семьи. Ваша супруга Фируза, ваш маленький Гарри и две дочурки — Мэллин и Фарта. У вас еще живы родители — я их знаю, передайте им привет. Скажите — от меня, от Митяя. А теперь поторапливайтесь».

Фрэнк, сбитый с толку, хотел переключить компьютер, но на экране была программа полета. Текст же, посылаемый откуда-то, высвечивался в сторонке, закладываясь в память и пропадал.

Командир позвал экипаж, сообщил суть дела. И хотел произвести означенный на маршруте разворот, но рули не слушались. Они подчинялись какой-то посторонней силе.

И снова текст на экране:

«Фрэнк! Не валяй дурака. У вас всего пятнадцать минут. Самолет в моих руках. Не веришь? Ну, вот — посмотри. Кстати, и увидишь, на что он способен».

Дмитрий накренил машину и задал двигателям форсированный режим. Гигантский бомбардировщик, похожий на бабочку, однокрылый, не видимый никаким радарам, нырнул с высоты и со страшной скоростью пошел на снижение. Фрэнк пытался взять на себя управление, вводил в компьютер свои команды — ни одна из них не принималась. А самолет хотя и не круто, но продолжал снижаться, приближался к поверхности океана, и экипаж, почти в полном составе находившийся в кабине, с ужасом наблюдал, как на него надвигается водная стихия. Вот они уже различают гребешки волн, видят блеск отражаемых солнечных лучей — в ужасе закрывают глаза... Самолет у самой воды выравнивается и уходит в высоту.

— Ребята! — восклицает Фрэнк. — Нас ведет дьявольская сила. Что будем делать?

На экране появляются слова:

«Не дьявольская сила, а Митяй. Катапультируйтесь».

Кто-то советует:

— Свяжитесь с землей.

И снова текст на экране:

«Земля это я. Покидайте самолет. У вас осталось девять минут».

Кто-то негромко замечает:

— Похоже, нам труба. Я не хочу умирать. У меня в контракте с фирмой такой чертовщины не значилось.

Его слышали все, но никто ему не возразил.

Дмитрий все видел, все слышал и ликовал от сознания своего могущества. Его компьютер на этот раз показывал: рука к их самолету тянется с Кергелена — крохотного островка, затерянного в северных широтах Австралии. За год, когда заканчивалось строительство подводной лодки, он сильно подвинул механизм маскировки действия своего компьютера, и хотя этот механизм еще был далек от совершенства, но он уже

серьезно пугал английскую систему слежения. Весь его монолог, обращенный к экипажу «Миража», принимают все мощные компьютеры мира — и, конечно же, в американском Пентагоне и в центре управления полетом «Миража», но никто не может сказать, из какой точки мира компьютерный дьявол с русским именем Митяй вершит свою кару. А Митяй умышленно тянул время, он хотел накалить обстановку, заставить американцев трястись от ужаса. Теперь-то уж им всем будет ясно: они досадили Богу и он приводит их в чувство. Хватит им совать всюду нос, грабить, обманывать, растлевать. Пришло время платить за Ирак, за Югославию, за все грехи. За них теперь взялся сам Творец.

Дмитрий продолжал:

«Ребята, мне вас жалко. Покидайте самолет. Ах, вы еще пытаетесь перехватить у меня управление! Так вот вам...»

Дмитрий заложил машину в такой вираж, что у летчиков потемнело в глазах.

Послал новый текст:

«У вас осталось шесть минут. И тогда я разверну машину на океан и положу в пике. Вот так...»

«Мираж» клюнул носом и понесся к воде. Но тут же выровнялся.

«Ну, вот — я машину выровнял. Но лишь для того, чтобы дать вам последний шанс. Ну!..»

И летчики побежали к своим местам, сели в кресла и один за другим стали нажимать кнопки катапульты.

Командир перекрестился и остался сидеть на своем месте. Видимо, решил погибнуть вместе с самолетом. Но Дмитрий включил его катапульту, и он полетел вслед за членами своего экипажа. Потом «Митяй» положил машину в разворот и повел ее по кругу. Она как бы осматривала место, на которое приземлились летчики. А затем, помахав им на прощание своим единственным крылом, пошла в пике и, как отличный прыгун, не произведя брызг, исчезла в пучине океана.

Дмитрий выключил компьютер и сел в кресло. Почувствовал во всем теле облегчение. И еще с радостью ощутил, что болей в позвоночнике он совсем не слышит.

Откинул голову назад, задремал. Но тут на своих волосах услышал нежное прикосновение теплой руки. Щекой к нему прижалась Мария. И на ухо прошептала: «Спасибо. Я ничего не видела, не слышала, но сердце мое все знает».

Он взял ее руку и жарко поцеловал.

На этот раз шлейф электронов, тянувшийся из Питера, был почти незаметен. Дмитрий этого ожидал. В Англии на окраине Лондона смонтировали систему, которая всю свою мощь, словно щупальца осьминога, тянула к Петербургу. Дмитрий следил за нею, искал вирус, способный поразить чрезмерно любознательного британца, но тот умело оборонялся. Выстроил несколько рядов защиты, которые пробить не удавалось. И Дмитрий решил прекратить атаки. Подумывал о том, как бы и свой компьютер уберечь от нападения. Сегодня он отключил систему от электрической сети, накрыл особо надежным кожухом.

Прошел к Катюше; она сидела за своим компьютером,— конечно, не таким мощным, как у брата,— и что-то писала под диктовку Марии Владимировны.

Дмитрий сказал женщинам:

— Я иду в плавание.

— В плавание?.. Да ты еще и гулять-то не выходишь.

— Ходить мне еще трудновато, а плавать — ничего, можно.

— Да кто тебе сказал?

— Я сам говорю.

И затем серьезно, в раздумье заключил:

— Так надо. Я должен часто менять свое место.

Маша и Катерина поняли: решение это серьезное и Дмитрий на попятную не пойдет.

Мария спросила:

— А меня возьмете?

— Вас? — удивился Дмитрий. — Но ведь опасно же. Или это приказ президента?

— Я сама себе президент. Наконец, я, Митя, повязана с вами. И так, что и не разделить.

Что она вкладывала в эти слова, ни Дмитрий, ни Катя не знали, но Дмитрию это ее заявление понравилось.

— Так отвечайте: возьмете меня?

Дмитрий точно очнулся:

— Если желаете — чего ж не взять? Места в лодке хватит, двенадцать кают отдельных. А нас будет...

— Саида возьмем, — сказала Катя. — Он просится, а к тому же — врач.

Дмитрий не колебался.

— Саиду я тоже рад. Он меня на ноги поставил, мазь волшебную привез. Последний рентгеновский снимок показал: спадает опухоль, и я уже боли не слышу.

— Но там, под водой — не будет ли хуже? — сказала Мария.

— Там в каюте у меня отличный диван, а сидеть я буду, как и здесь, за компьютером. Так что — о-кей! Поехали.

— И еще вопрос — очень важный, — сказала Маша. — С Москвой у меня будет связь?

— Постоянная. С любой точкой земного шара.

Дмитрий позвонил подводнику и Саиду, пригласил их к себе.

Не сказал он никому о сроке отплытия, но для себя решил: через две недели все должно быть готово.

Следующей ночью «шарахнул» по банку в Англии, в котором находились счета особо вредного нашего олигарха. На счетах числилось два миллиарда; пятьсот миллионов долларов он перевел на счет «Людмилы», а полтора миллиарда — в пенсионный фонд России. Четырнадцать долларов послал на счет олигарха с припиской: «От Митяя».

Слепцову позвонил:

— Позвоните в банк. У вас там могут быть деньги.

Через неделю рабочие «Людмилы» получали зарплату. В питерских газетах появилось объявление: «Рабочие и служащие «Людмилы», уволенные по сокращению штатов, могут вернуться на завод. Им будут выплачены деньги за незаконное увольнение».

В конструкторское бюро возвращались инженеры...

Момент отплытия передавался по питерскому радио и телевидению. Интервью с Дмитрием взяли газеты. Корреспонденты задавали вопросы:

— Ваша лодка называется «Русалка». Почему?

— Русалка — это любимый персонаж русских сказок, а я человек русский.

И, немного подумав, добавил:

— Очень русский.

Корреспонденты неприятно поморщились. Среди них и одного не было русского.

— Как далеко вы пойдете?

— На Северный полюс и обратно.

На следующий день в газетах замелькали заголовки: «Лежачий спортсмен» вознамерился покорить Северный полюс! Он идет туда на спортивной подводной лодке.

Вся эта броская риторика была нужна Дмитрию для маскировки истинных целей путешествия. Он потому и принимал журналистов, лежа на подвесной койке.

Кинооператоры делали много кадров, и снимали они почти одного Дмитрия; в их блокнотах пестрели такие фразы: «сила духа», «недуг отступает», «такого смельчака мир

еще не знал» и так далее. И это тоже входило в далеко идущие планы; Дмитрий как можно дальше уводил любопытных от своих замыслов.

Но вот духовой оркестр моряков отыграл последний марш и покинул порт, а «Русалка», покачиваясь на волнах, скрылась в кисее полднего марева и взяла курс на Кронштадт — с тем, чтобы пройти на глубине в двух десятках метров от острова. Здесь «Русалка» должна была сдать первый свой экзамен: остаться незамеченной всеми средствами обнаружения Кронштадтской военной базы.

Режим движения и работы всех механизмов лодки задается системой, над которой Дмитрий трудился много лет и которая по его расчетам превосходила возможности его домашнего компьютера в десятки раз. Систему эту лишь теоретически предсказывали самые смелые умы из мира электроники, а он, Дмитрий, ее уже имел у себя в каюте.

Позвал Марию Владимировну. Та вошла немедленно, будто стояла у двери и ждала его вызова.

Села в кресло у иллюминатора. Лицо веселое, глаза сияют.

— Вы не жалеете?..

— О чем?

— Что пустились с нами в авантюру?

— Какая же это авантюра? Да у вас все просчитано до мелочей. Я так спокойна! Я так счастлива! Всегда мечтала о чем-нибудь необыкновенном, и вдруг судьба дарит мне это чудо... Да еще рядом с вами!

Порывисто поднялась.

— Я так счастлива!..

— А ваш начальник?.. Я должен вам признаться: разрешение имею на спортивное плавание, а план составил дерзкий и ни с какими инстанциями не согласованный. Курс держим в район боевых действий и противник наш — армада американских кораблей, напавшая на наших друзей в Персидском заливе. Я авантюрист, несерьезный человек — стоит ли вам участвовать в нашей аванюре?.. Вот скоро будем проходить Хельсинки. Решайте: пойдёте с нами или мы вас высадим на финском берегу?

Маша вдруг стала серьезной, сказала:

— Начальник у меня не тот, о котором вы думаете. Тот начальник — глубоко больной человек и мало чего смыслит в делах науки. Да ему и не надо ничего смыслить. Каждый его шаг расписан. Я хотя и представитель президента, но начальники у меня... Я вам о них расскажу, но не сейчас. А сейчас вам скажу: иду с вами хоть на край света, а бой случится или беда какая — вот вам моя рука! Я с вами рядом.

Он взял её руку и крепко поцеловал.

Смотрел на нее пристально. И взгляд его серых, подернутых свежей весенней зеленью глаз излучал тепло родственных чувств и доверия.

— Машенька! В интересах дела я должен молчать, но смотреть в ваши прекрасные глаза и скрывать от вас свои мысли — выше моих сил. Я вам многое буду рассказывать. И не стану просить хранить наши секреты. Это уж пусть решит ваше сердце: беречь меня или сдавать на милость враждебным силам...

— Дмитрий! — поднялась Мария.— Не надо! Не надо пускать в голову такие мысли. Мне и по долгу служебному, а еще и по велению сердца своего следует беречь вас пуще своей жизни, а если я говорю неправду, пусть меня на месте поразит Господь! Мы верим, что в образе твоего компьютера в лодке с нами живет Божество, но только мы его не видим. Да нам и не надо его видеть. Мы верим в тебя — и этого уже довольно.

И села. И смолкла. По лицу ее было видно, что порыв откровения смутил ее, и она не знала, как справиться с лавиной чувств, взволновавших ее сердце. Наверное, Дмитрий считает ее несерьезной, слишком восторженной. Сможет ли она, такая импульсивная и малоопытная, справиться с возложенными на нее обязанностями?..

А между тем, ей хотелось бы казаться и умной, и тактичной. Она желала нравиться Дмитрию, а вела себя как неразумная школьница.

Акваторию острова проходили на минимальной скорости. Дмитрий знал, что на острове на специальном пульте управления установлены самые совершенные в мире звукоуловители. И радарные приемники. А еще он знал, что в распоряжении моряков имеются чувствительные средства — и они пока есть только у нас в России — приборы, улавливающие источники тепла. При строительстве лодки Дмитрий не мог придумать нейтрализацию этих установок, но он в лодочный компьютер заложил поправки на показания компьютеров, установленных поблизости от «Русалки». Подошла она на опасное расстояние, и лодочный компьютер «усыпил» всю систему слежения, как бы приказал ей говорить своим хозяевам неправду: дескать, никаких сигналов из-под воды не поступает. И так они давали зеленый свет «Русалке».

— Вот сейчас мы будем видеть,— сказал Марии Дмитрий,— сработает моя система или нет.

— А если она не сработает?

— Нас тогда поднимут на поверхность.

— Как?

— А это уж,— улыбнулся Дмитрий,— мы увидим. У них для этого есть много средств. И первое — прикажут всплыть и причалить к пирсу.

На экране компьютера был виден остров и все здания, постройки. «Русалка» шла медленно, и никаких сигналов им не подавали. Вот они миновали весь остров, и его северный берег «уплыл» с экрана: сигналов не последовало.

— Так-так,— потирал руки Дмитрий.— Одно испытание мы выдержали.

Повернулся к Марии:

— Вот вам мой первый секрет: в мире техники родилась система, о которой мечтают армии всех стран. Армия России имеет такую систему, с чем я вас и поздравляю!

Мария опять ликовала, но старалась сдерживать порыв радости.

— Систему такую вы имеете, но армия-то...

Дмитрий устремил на нее взгляд своих внимательных серых глаз, проговорил:

— Я сейчас никому не верю. Отдай я свое открытие в чужие руки — и оно обернется против моего же народа.

— А все другие ваши открытия?.. И эта вот... божественная сила?..

Дмитрий опустил взгляд и долго ничего не отвечал. Потом тихо заговорил:

— Вы имеете в виду лептонную пушку. Да, вдвоем с товарищем мы создали прибор, воздействующий на мозг человека, находящегося далеко... на десять-двенадцать тысяч километров. Назвали прибор лептонной пушкой. Страшно подумать, что такое оружие попадет к нашим врагам. Вы же сами сказали: на Русь навалилась вселенская рать, у них сейчас побольше сил, чем было у Гитлера. Но, видимо, Творец не хочет гибели Святой Руси и русского народа. Несомненно, это он и помог нам создать оружие, обладающее волшебной силой.

Дмитрий с минуту смотрел в иллюминатор, где серебристыми боками искрились стаи рыбок. Не хотелось бы ему поверять Марии все свои тайны, но теперь-то уж, думал он, она свою судьбу соединила с нашей, и я не ступлю на родные берега до тех пор, пока в Кремль не придут русские люди. Дмитрий верил: Мария останется с ним. Всех других он по их желанию высадит в любом порту и снабдит деньгами, но Мария его не оставит.

Дмитрий продолжал:

— Мы на заводе и лодку построили с той же целью... Чтобы в случае опасности уйти на ней и превратиться в «Летучего голландца». На суше меня взять легче, под водой труднее. По крайней мере... я так думаю.

Мария посмотрела на часы.

— Пойду готовить обед — первую подводную трапезу.

И ушла веселая, счастливая. Здесь, в эту минуту поняла: она нужна Дмитрию. Она пойдет с ним до конца.

В кают-компании Катерина уж приступила к сервировке стола.

На женщин возлагалась роль коков.

К обеду Дмитрий вышел точно в пятнадцать часов, давая понять, что дисциплину на лодке надо соблюдать строго. И сел на свое место во главе стола, за которым уже сидел весь экипаж. Кроме тех, кого мы уже знаем, тут были командир корабля капитан третьего ранга Прибылов Петр Николаевич, главный строитель лодки Дронов Евгений Владимирович. Прибылов весь сверкал позолотой погон и пуговиц, на широком ремне из золотой ризы висел изящный кортик. Он был молод, недавно служил командиром атомной подводной лодки; держался прямо, по-флотски и всем видом своим как бы говорил о доблести русских моряков, об их мужской силе и красоте. Над ним на стене висел красочный портрет адмирала Ушакова, а напротив на другой стене — портрет капитана-десантника Николая Бартенева, поднявшего свою роту и устремившегося с горсткой солдат на помощь Верховному Совету в грозные дни 1993 года. Капитана и его солдат по приказу генералов-предателей расстреляли на подступах к столице, но подвиг их показал, что жив в русской армии дух дедов и прадедов, отстоявших в дни Великой Отечественной войны Родину свою, Россию. Над головой начальника экспедиции в овальной золотой раме висел портрет президента Белоруссии Лукашенко, олицетворявшего для Дмитрия борьбу славян за спасение своего рода.

— Друзья! — сказал Дмитрий. — Я поздравляю вас с началом нашего похода и надеюсь, что вы за время плавания крепко подружитесь и станете одной семьей. Мы теперь идем курсом на острова Готланд и Эланд, а затем свернем к острову Борнхольм, обогнем берега Англии, там пополним запасы продовольствия, произведем подзарядку батарей и устремимся к берегам Испании. А уж там дальше просторы Средиземного моря, где встретим наш русский военный корабль «Козьма Минин».

Все повернули головы на экран телевизора; на нем в обычное время, когда не включали телепередачи, светился экран с маршрутом движения. И четко рисовались места нахождения лодки, берега, постройки на них, а также и подводная часть этих берегов. Сейчас «Русалка» выходила в открытые воды, и на экране видны были одни рыбы.

Управлял кораблем компьютер. Экипажу оставалось следить за исправностью систем и механизмов.

Дмитрий пообедал быстро. Поднялся и со словами «приятного аппетита» пошел к себе. Здесь он сел за компьютер и стал налаживать первую боевую операцию, которую он назвал «Козьма Минин».

Операцию Дмитрий задумал давно и, как мудрый полководец, тщательно ее готовил. Надо было расшифровать компьютерные коды гигантского авианесущего крейсера «Козьма Минин», проданного одной из малоазиатских стран. Корабль этот оснащен компьютерной автоматикой, созданной на «Людмиле» в то время, когда Дмитрий Кособоков работал на этом заводе в конструкторском бюро. Дмитрий знал на память почти все микропроцессорные схемы управления кораблём. И, может быть, не было на свете человека, который бы мог, как он, ориентироваться в дебрях электроники, установленной на этом судне. Корабль нес на своем борту атомные и водородные бомбы, имел лазерное оружие против самолетов, беспилотных ракет и подводных лодок. На борту его были истребители и бомбардировщики. Чудо-корабль, стоивший нашему народу миллиарды, был продан адмиралами и высшими чиновниками из Кремля за взятки и подачки.

А сверх того, Дмитрий установил на своём судёнышке созданную недавно первую в мире подводную телевизионную установку. Она выводила на экран все подводные части корабля — борты, ходовые винты, элементы рулевого управления. Она же, эта установка, имела волшебную способность разглядывать предметы на любом расстоянии. Такую дальность давали ей спутники, с которыми она была связана.

Дмитрий знал, что бывший некогда советский авианесущий крейсер теперь называется именем героя страны, которая его купила. И он сейчас находится в Средиземном море, но вот для какой цели послали его туда новые хозяева — этого Дмитрий пока не ведал.

Операцию свою Дмитрий спланировал как спектакль. И будет он продолжаться долго, сея вокруг себя панический ужас, порождая слухи и домыслы. «Пусть знает весь мир,— думал Дмитрий,— историю этого корабля и его фантастическую силу. Пусть никто больше не посмеет совершать сделки с ворами в погонах русских адмиралов, с продажными властителями Кремля».

Настроив свой компьютер на операцию «Козьма Минин», Дмитрий завалился спать.

Члены экипажа знали необычный режим труда и отдыха своего начальника, и никто его не тревожил. Марии Владимировне очень бы хотелось пойти к нему в каюту, но и она не смела входить без приглашения. И даже Катя не нарушала режим своего брата.

Поднялся Дмитрий за полночь. Цифры высвечивали первую информацию: компьютер Дмитрия отклонял корабль от курса — то влево, то вправо. И делал он это медленно, так, что стрелка компаса смещалась незаметно для глаза. И только спустя полчаса или час рулевой вдруг замечал, что корабль отклонился и уж прошел десятки миль по новому курсу. И это в районе, где были гряды подводных гор, громоздились рифы. И командир, и штурман, и рулевые с ужасом убеждались, что оказались в опасной близости к зоне большого риска. Выравнивали курс, сверяли расчеты. Но Дмитрий точно кошка с мышкой начинал новую игру. Не проходил и час, как корабль отклонялся в другую сторону. Командир крейсера приказал отключить компьютерную систему и встал у руля. Дмитрий все это увидел и включил лептонную пушку. Соединенная с компьютером, она тотчас же нашла командира и ударила его по голове. Адмирал, стоявший за рулем, почувствовал головокружение. Передал управление помощнику, но и тот получил удар. Позвали на помощь — одного, другого... Картина та же. И тогда командир принимает решение: сбавить ход до самого малого. Но и в этом режиме каждый, кто брался за управление, получал удар. И тогда командир приказал вновь включить компьютерную систему. Головы у всех командиров вдруг просветлели. Дмитрий на четком английском языке проговорил:

— Капитан! Не вздумай отключать компьютерную систему и переводить корабль на ручное управление. Русским кораблём «Козьма Минин» управляю я, Митяй. Ах, вы не знаете Митяя с Кергелена? И, может быть, забыли, где находится остров Кергелен? Так я вам напомним: островок этот затерялся во льдах Антарктиды, и я единственный на нём житель, русский мститель, который всё может, но над которым властен один Бог.

Дмитрий, наигравшись вволю, чрезвычайно довольный своей техникой, на время оставил в покое моряков крейсера и лег на диван в надежде поспать два-три часа. Засыпая, он думал о профессоре Мешалкине, который помогал ему в создании лептонной пушки, о друзьях из конструкторского бюро «Людмилы» и живо представлял, как бы они обрадовались, узнав о его первых опытах. И еще он думал, как бы наладить бесперебойную перекачку русских денег и передачу их на адресные счета в Россию. Помнил, что американцы, вошедшие в Персидский залив, грозят разбомбить столицу дружественного государства томагавками. «А вот этого-то как раз мы и не дадим им сделать».

С этой счастливой мыслью он и уснул.

Утром Дмитрий вновь вызвал на экран крейсер «Козьма Минин», наблюдал творившуюся там вакханалию. Почти все главные командиры принимали таблетки, капли — у них продолжала болеть голова. Дмитрий сидел в кресле, наливал из термоса чай и восторгался точностью и силой, с которыми его электроника совершила на крейсере устрашающее действие. Офицеры мечутся по кораблю и не знают, что делать, а матросы все стоят у своих боевых мест и не могут понять, что случилось с их командирами.

Шептались между собой, говорили о каких-то злых духах, поселившихся в капитанской рубке. Их священник окроплял рубку святой водой и шептал заклинания. Он тихо говорил, что русский корабль имеет душу, и эта душа проснулась. Неизвестно еще, что им ждать в скором времени.

На несколько часов Дмитрий дал матросам передышку. «Козьма Минин» уже приближался к району Средиземного моря, а отсюда Дмитрий поведёт корабль в Персидский залив, где большими группами стоят американские и английские боевые корабли.

Перед утром Дмитрий вновь прилег на диван.

К вечеру он резко развернул корабль, заставил его описывать круг. Команда заметалась, забегали офицеры, взъярился капитан.

Дмитрий задал программу: повторять эти «шуточки» через каждые два часа. А если они вздумают отключить компьютер и перевести корабль на механическое управление, он снова станет бить лептонной пушкой.

Днем, сидя в кресле, Дмитрий задремал, и ему приснился сон: увидел он команду крейсера, мечущуюся по палубе корабля. Посреди весь в белом, словно Гулливер в стране лилипутов, стоит капитан, размахивает руками и кричит что есть мочи: «Черти полосатые! Где флаг — слава нашего флота, символ великой страны Азии?..» И матросы заметались еще пуще, и нашли флаг, лежащий на палубе словно половая тряпка. Тащат его на флагшток, а над ними, спустившись с облаков, маячит его компьютер, и вместо экрана у него смеющийся рот. Он смеется и будто машет Дмитрию какой-то антенной, и трубным небесным голосом кричит: «Дмитрий! Я устал, мне надо домой». Но Дмитрий хочет ему сказать: «Мы не можем устать, пока Родина в опасности. Мы должны работать и работать».

Проснулся и увидел, что дверь приоткрыта, а в кают-компании пьют чай, громко смеются и о чем-то говорят, говорят...

Дмитрий подумал: ребята привыкают друг к другу, шутят и смеются.

В дверь заглянула Катя:

— Митя! Пойдем завтракать.

Дмитрий поманил ее и, когда она к нему приблизилась, сказал:

— Катенька, ты заходи ко мне без церемоний. И Мария Владимировна пусть заходит. Вы ведь мне не мешаете. Мой «Умелец», — он иногда так любовно называл свой компьютер, — работает в автоматическом режиме. Программу я ему задаю заранее, — и чаще всего ночью, когда вы все спите.

Катя поправила брату прическу. Сказала:

— Это хорошо. Нам так веселее. Особенно Маша будет рада. Часами не видеть тебя — это для нее испытание.

На второй день после начала операции кое-какая информация о странных явлениях на крейсере «Козьма Минин» стала появляться в газетах Малой Азии. Командование крейсера хранило втайне позорные для него катастрофы, но все-таки о проделках «морского дьявола» в газеты что-то просачивалось. Однако рассказы были столь неправдоподобны и злонамеренны, что серьезные люди в них не верили, а редакторы, печатавшие такую информацию, объявлялись агентами русских.

Часть сведений попадала и на борт «Русалки», только здесь никто не сомневался в подлинности событий, а, наоборот, ждали все новых и еще более впечатляющих «проделок морского дьявола».

Машенька и Катя поочередно заходили к Дмитрию, заглядывали ему в глаза и как бы спрашивали: «Ты нам ничего не расскажешь об этих чудесах?», но Дмитрий, верный своему принципу ничего и никому не говорить, хранил молчание.

Впрочем, был человек, посвященный во все операции компьютера — это командир лодки Петр Прибылов; у него в каюте стоял такой же, как у Дмитрия, компьютер, но

командир имел строгое указание молчать как рыба. И только по блеску его черных больших глаз можно было судить об успешном ходе какого-то дела.

Саид и Евгений жадно ловили новости по радио и на экране телевизора. Они многое знали, о многом догадывались, но из чувства такта и деликатности ни с кем не заговаривали.

Трое суток мучил Дмитрий команду крейсера, а потом заклинил им механизмы подъема флага, и вконец истощенный нерусский экипаж русского корабля отчаялся поднять свое «солнце» на флагшток.

Командир крейсера не мог и помыслить, чтобы зайти в какой-либо из портов без вымпела, а потому бросил якоря посередине моря. И решил отдохнуть после нескольких бессонных ночей, и, когда мертвецки уснул, Дмитрий включил лебедки подъема якорей, и под покровом ночи направил корабль по нужному курсу.

Лодка продолжала свой путь: миновала остров Борнхольм, прошла мимо Копенгагена, а затем один за другим остались позади проливы Каттегат и Скагеррак, и устремилась в Северное море к берегам Англии.

Лодку никто не видел и не слышал; Дмитрия это очень радовало, и, встречаясь в кают-компаниях со своими друзьями, он объявлял, что расчеты, заложенные при строительстве лодки, оправдываются, их путешествие проходит в глубокой тайне и это обеспечивает им спокойную жизнь. Женщины готовили еду, мужчины бесменно несли свою нетрудную вахту, а Саид все больше лежал в своей каюте, читал Пушкина, Есенина, Толстого — постигал русскую душу, изучал русскую культуру. Иногда он заходил к женщинам на камбуз, помогал им готовить пищу. Научился замешивать тесто, шинковать капусту или мелкими кусочками нарезать яблоки и печь с ними пироги. Продукты на судне были разнообразные, свежие: было несколько мешков картофеля, капуста, морковь, свекла, яблоки, лимоны... Вот только мясо они хранили в морозильной камере.

Радио и телевизор все больше сведений приносили о чудесах, происходивших на русском крейсере, журналисты изучали все обстоятельства, связанные с его продажей. Назывались имена адмиралов, которые запродали его в расчете получить деньги на строительство жилья для офицеров, но ни жилья, ни зарплаты морякам не выдавали, а денежки клали себе в карман и тратили на подачки высшим кремлевским чиновникам, которые и поощряли их распродавать боевые корабли Тихоокеанского флота, якобы устаревшие или недостроенные и не нужные для охраны морских рубежей России.

Узнавал об этом и весь мир, и все больше негодяев садилось за решетку, а Дмитрий с радостью потирал руки, считая свои трофеи в этом священном бою.

Он вершил свой суд предателям народа и Отечества и верил, что суд этот сродни тому страшному суду, который, как гласит Евангелие, будет вершить Господь при конце света.

В то время, когда «Русалка» проходила вблизи берегов Англии, Дмитрий вывел русский крейсер на просторы Средиземного моря, подставил бока корабля штормовому ветру и открыл замок крепежной колодки одного из сорока самолетов-истребителей, находившихся на палубе крейсера. И один из сорока самолётов,— они тоже были закуплены в России,— вмиг соскользнул с палубы корабля.

Это было третье действие спектакля. Дмитрий опустил занавес и приказал крейсеру следовать в Персидский залив.

Теснота на лодке диктовала стиль жизни экипажа, накладывала печать на характер взаимоотношений. Камбуз оккупировали женщины, там они варили, жарили, пекли, но многое делалось и на обеденном столе в кают-компаниях. Здесь чистили картошку, месили и разделяли тесто, шинковали овощи и фрукты. И в этой работе принимали участие мужчины, а сегодня ножом вооружился и Дмитрий.

— А что, братцы! — восклицал он весело. — Поживем под водой год-два и станем поварами! Вернемся в Питер и устроимся в рестораны.

— Два года? — удивилась Мария. — Это новость. Я состарюсь под водой, и кто меня тогда возьмет замуж?

— А вы замужем, — сказал Дмитрий. — К тому же подводная жизнь омолаживает человека, и вы станете тут еще краше. Вон посмотрите на Петра Николаевича — он уж почти десять лет плавает под водой, а румянец точно у красной девицы.

Капитан зарделся от смущения, румянец и точно выступил у него на щеках. Он сидел напротив Катерины и не смел поднять на нее глаза. Он раньше, хотя и был близко знаком с Дмитрием, но сестру его никогда не видел, и как только появился на лодке — еще там, в Малиновке, — так сразу же почувствовал магическую силу ее ласковых материнских темно-серых глаз. Именно материнских — такой эпитет пришел ему на ум при первом же знакомстве с ней. Она смотрела на него мягко, ласково и — улыбалась. Летами он был старше ее, а она говорила с ним, как с младшим, и угощала его как маленького, и просила не стесняться, а быть как дома. Сказала:

— Мы поплывем с вами вместе. Будем как одна семья.

Одно только его настораживало и пугало: близость к ней Саида. Этот «черный», он мысленно его так называл, распоряжается всем как хозяин и от Катерины не отходит ни на шаг. «Неужели... — являлась страшная мысль, — она его любит?.. И как можно любить чужого, далекого человека?..»

Подводник даже хотел принять крутые меры, если Саид будет домогаться ее любви и вздумает на ней жениться. Петр пока не знал, что это будут за меры, но решение это было у него непреклонным.

Если бы он мог заглянуть в душу Саида, то увидел бы там целый пожар страстей. Он любил Катерину и был уверен, что «русская красавица» станет жемчужиной его гарема, народит ему детей и целых десять или пятнадцать лет будет любимой женой, но, конечно, мысли эти скрывал и очень боялся, что их кто-нибудь и как-нибудь обнаружит. Любуясь собой в зеркале, он находил себя очень красивым, а положение сына Владыки давало ему право на любую женщину. Так он был воспитан, такая у него была психология. И хорошо, что Петр о ней ничего не знал — он бы не стал медлить со своими «крутыми мерами».

Все эти бушующие страсти в сердцах двух молодых людей не были известны Дмитрию, о них не ведал флегматичный и всегда спокойный Евгений, и даже Катя о них не подозревала, но их слышала мудрая проницательная женщина Мария Владимировна. Она видела и больше того: тихое, но упорное влечение к Катерине со стороны Евгения. Этот русский, атлетически сложенный богатырь, чем-то напоминавший древнеславянских воинов, редко смотрел на Катерину, еще реже с ней заговаривал, но даже и тогда, когда синие его глаза смотрели в другую сторону, Мария видела в них желание смотреть только на Катерину, слышать ее голос, служить ей и быть с ней рядом. Чутье такое встречается только у женщины, и Мария в высшей степени обладала даром угадывать тайные движения мужского сердца. Сама же она...

Но о ней мы расскажем позже, и еще много будем говорить об этой удивительной женщине, которую в новом для нее семействе все полюбили, но толком не знали за что. В ней было много тайн, но в сущности природа сотворила ее на редкость бесхитростной, простой и открытой.

Собравшись за столом — то ли на обед, то ли для приготовления пищи, или же просто побеседовать, любили ее рассказы о «новых русских» — о том, как они в одночасье стали богатыми.

Не боялась говорить о своем муже. Не называла его национальности, но все понимали, что он не русский. И только однажды она проговорила: Аркадий ее имеет двойное гражданство.

— С воцарением Ельцина,— рассказывала Мария Владимировна,— к нам ночью позвонил Аркашин друг. Сказал:

— Утром подъезжай к «Стройбанку». Получишь кредит.

— Какой кредит?

— Ну, какой? — обыкновенный! Тебе дадут миллион.

— Миллион?.. А как же я отдавать его буду?

— Объявишь себя банкротом, и долг с тебя спишут.

— Ладно трепаться! Никуда я не поеду.

— Аркадий! Не будь идиотом. Завтра в один день мы сделаем сто тысяч миллионеров. И все они будут нашими людьми. Так решили там, в Кремле.

И заключил:

— Извини. Мне некогда. Нужно другим звонить.

И положил трубку. А муж мой сидел на постели и от волнения ворошил свои черные кудряшки.

Утром он поехал в банк, написал бумагу о том, что открывает какую-то фирму и просит кредит. Ему открыли счет и положили на него миллион рублей. Это еще тех рублей, старых, когда рубль был дороже доллара. И в тот же день я уже знала: почти все дружки моего мужа, одного с ним племени, получили по миллиону, а иные из них — это уж избранные! — вывезли из банков слитки золота и отправили их за границу. Это те, которых теперь мы называем магнатами. Они скупают заводы, нефтяные, газовые месторождения. Мечтают о покупке земли.

Однажды Петр сказал Марии:

— Зачем вы нам это рассказываете? Ведь если так прихватил наши денежки ваш супруг, значит, и вы соучастница?

Мария покачала головой, сказала:

— Вроде бы оно и так, но я, Петя, случайно оказалась с ними в одной повозке. Я там чужая, я русская. А русский, если ты даже и породнился с евреем, всегда будешь для них изгоем.

Сказала это просто и так искренне, что все ей поверили и оценили ее откровенность. У каждого после таких бесед прибавлялось боли за ограбленную и растерзанную страну, а вместе с болью раскаленным металлом вливалось в грудь желание крушить врагов России, мстить за ее беды. Вот только Маша... Трудно было согласовать ее признания с ее положением; ведь она была представителем президента и пост свой высокий наверняка получила через посредство своего мужа. Кого же она обманывала: новых друзей своих или муженька?..

Беседу прервал телевизор: на экране появился диктор и голосом трагическим, почти загробным начал вещать:

— В Персидском заливе неожиданно для всех приграничных стран, и для американцев, и для англичан появился могучий военный корабль, не имеющий вымпела, но по многим приметам это авианесущий крейсер, принадлежавший некогда Советскому Союзу. Странно и непонятно ведёт себя этот корабль. Он будто бы потерял управление и каким-то таинственным образом лишился флага. И ещё говорили, что это тот самый русский боевой корабль, который был продан Малой Азии адмиралами, сидящими теперь в камере предварительного заключения. Крейсер в нейтральных водах ходит по кругу, и никто не может вывести его на линию нужного курса.

Потом ведущий предоставил слово корреспонденту, находящемуся на крейсере. Тот показал картинку и на ней могучий громадный корабль, идущий с большой скоростью по кругу.

— Этот снимок,— говорит корреспондент,— мы сделали с вертолета. Сюда прилетел вице-президент Малой Азии, и он любезно предоставил нам место на борту вертолета. И вот мы опускаемся на борт атомного корабля...

Матросы на крейсере двигаются вяло, точно тени. Они уходят от разговора и только качают головой. Офицеров не видно. Вице-президента никто не встретил. «Да что тут происходит, черт вас побери!» — вскричал разгневанный вице-президент. Но его вопрос остался без ответа.

С трудом отыскали каюту командира. Адмирал, раскинув руки, лежал на диване. Говорить он не мог, а только махал рукой, показывая на дверь. Вице-президент, потрясённый увиденным, долго стоял в дверях и не знал, что делать. Мы с коллегой кинооператором тоже оцепенели от страха. Наконец, двинулись к каюте, где располагался пульт управления кораблем. У двери нас встретили старший офицер и компьютерный оператор. Он выставил вперед руки, сказал: «Не заходите, опасно». — «Что значит, опасно!» — вскричал вице-президент. «Там... Там русский дьявол!.. Он написал слова: "Вздумаешь отключать систему — уничтожу!"» — «Вы идиот! — кричал вице-президент. — Я отправлю вас в тюрьму, и вы будете гнить там до конца жизни». И двинулся к пульта, но каюта вдруг наполнилась голубым свечением и вице-президент упал на ковер. Старший офицер и оператор схватили его за ноги и вытащили из каюты. Прибежал врач и долго приводил его в чувство.

Потом мы сидели в кают-компании в окружении нескольких офицеров. Никто из них не решался отвечать на вопросы вице-президента. Одно повторяли: «Русский дьявол, он нас потопит». И вице-президент, получивший нокаут, уж не кричал на офицеров, не возмущался, — он, казалось, и сам поверил в сверхъестественную силу, вселившуюся в корабль.

— Этот русский дьявол сидит в Австралии, — говорил оператор, — и оттуда посылает команды на компьютер крейсера.

— Кто? — не понял вице-президент.

— Он, дьявол. Его зовут Митяй. Он много писал мне слов. Говорил, что корабль не наш, его построили русские люди и поселили в нем свою душу. Он сбросил в море два самолета...

— Кто?

— Этот русский, который в Австралии.

— А почему он в Австралии? Русские живут в России, а этот — в Австралии. Вы, братец, заговариваетесь. Видно, разум ваш от страха помутился.

— Не помутился. Я читал его команды, и каждая его команда исполнялась. И вам не советую ему перечить. Скажите президенту, чтобы вернули корабль русским. Если не вернете, то будет много бед. Корабль этот живой. Он очень страшный...

Вице-президент с удивлением смотрел на оператора и не мог понять, в здравом ли он рассудке. Повернулся к старшему офицеру:

— А вы что скажете?

— Я прошу поскорее снять экипаж и оставить в море этот проклятый корабль. Он несет на борту атомные и водородные бомбы, русский дьявол пришлет из Австралии команду, и бомбы полетят на нашу страну. Мы все погибнем, и это случится скоро. Вызывайте вертолеты, и пусть они нас забирают.

— Молчать! — вскочил высокий начальник. — Вы предатель, и я прикажу вас повесить! Принимайтесь за дело и все — на вахты. А я... доложу президенту.

Последние слова он произнес уже на ходу. Мы побежали к вертолету и взмыли в воздух. И вот видите... мы показываем крейсер с высоты. Он продолжает свой ход по курсу, заданному в Австралии. Похоже, он обрел разум и возмущился тем, что судьбу его решили жулики в адмиральских погонах.

И еще нам казалось, что этот могучий корабль, несущий в своем чреве силу, способную целые страны смести с лица земли, уж более никому не захочет подчиниться.

Просьба Дмитрия заходить к нему почаще ничего не изменила в том порядке, который сам по себе стал складываться в экипаже. Мария и Катя, как и прежде, заходили

к нему редко, и то лишь в тех случаях, когда он их приглашал. И Дмитрий скоро понял, насколько такой порядок разумный и необходимый в их положении. Командир корабля и Саид ни разу не переступили порог Катиной каюты,— и этим обеспечили ей полную свободу и комфорт быта. Что же до Евгения, этот человек, кажется, и ни к кому еще не заходил. Он с раннего утра осматривал все механизмы лодки, прослушивал двигатели, измерял энергию аккумуляторов. Когда выходил из каюты командир, то они сидели или в рубке рулевого или в кают-компании под иллюминатором.

Лодка управлялась в автоматическом режиме, как самолет автопилотом.

Поначалу думали, что подзарядку аккумуляторов и пополнение продуктами сделают в Англии, но при подходе к ней решили, что пойдут дальше к берегам Испании и там где-нибудь встанут на профилактический осмотр и заготовку продуктов. Денег у них хватало. Полмиллиона долларов прислали из фонда президента, сто тысяч долларов дал отец Дмитрия и Катюши, и двадцать пять тысяч долларов вложил в кассу «Русалки» Саид.

Позади остались воды Средиземного моря, впереди по курсу открывался Персидский залив. «Козьме Минину» Дмитрий убавил ход, а на экран корабельного пульта послал команду: «Экипажу следовать в Персидский залив и занять позицию в двадцати милях к западу от американского авианосца ”Эйзенхауэр“».

Позвал Марию. Та вошла серьезная и лишь одними глазами чуть заметно улыбалась.

— Чему вы смеетесь? Я вижу, вам всегда весело.

— Ой, Митя! Мне так хорошо с вами. Я в своей жизни не была так счастлива, как теперь.

— И вы не соскучились по дому?

Маша вдруг погрузилась, ее прекрасные темно-синие глаза сузились.

— Я, Митя, домой не вернусь. Не могу я там; больше не могу.

— Но вы официальное лицо. Режим доверяет вам.

— Не режим доверяет, а друзья мужа. Это они копошатся в Кремле, как пауки. Они меня послали.

— Но вы мне говорили: я нужен России. И они приказали беречь меня, организовать охрану. Кстати, они легко отпустили меня в плавание. И вас послали со мной. Не совсем я их понимаю.

— Они дали мне строгую инструкцию: не мешать вам и ничем не стеснять. Только постоянно при вас находиться и держать с ними связь.

— Вы называете их пауками, но я не чувствую к себе их злой воли. Они мне помогают. Вот и деньги хорошие дали на плавание.

— Ох, Митя! Их и сам дьявол не поймет, чего они держат на уме. Я так думаю, вы для них как хорошая дубинка. Когда нужно будет кого в чувство привести, они вспомнят о вас.

— Но как же они меня в плавание отпустили?

— Я им доложила: ненадолго уходим. Северный полюс — это для рекламы, а так-то и до Англии не дойдем и назад вернемся.

— Выходит, обманула своих хозяев?

— Да, Митя, обманула.

— И меня вы можете обманывать?

— Нет, Митя, тебя я обманывать не могу. Тебя я...

Она запнулась и опустила глаза. Хотела бы сказать: «Тебя я люблю, Митя», но, конечно же, никогда она не скажет ему этого. В то же время ее мучила неясность, боялась она его равнодушия. Вдруг как он и не думает о ней, и не нравится она ему. И смотрела ему в глаза, и ловила каждое слово; во взглядах, в интонации, в том, как он ее встречает, провожает, и в тысячах других мелочей пыталась уловить его чувства, распознать любовь или хотя бы простое дружеское расположение. Но нет! Он весь преображается, когда она

к нему входит, зовет ее, если долго не была у него в каюте. И хотя ей прямо не говорит, но Катю не раз просил, чтобы заходили к нему чаще, чтобы о том же сказала Машеньке.

Катю она пыталась: «Он так и сказал: Машеньке»? И та горячо и с преданностью верной подруги отвечала: «Так, так — чего же еще тебе?..» А однажды вскричала: «Да любит он тебя, любит, да только не может сказать об этом. И никогда не скажет, потому как он сильно застенчивый. Я-то уж знаю своего братца».

Мария как-то спросила: «Неужели у него никого нет?.. Столько лет парню, а ни к кому не прикипел». У Кати и на это был ответ: «В школе нравилась одна глупая большеглазая чухонка, да и ей ничего не сказал. Замуж она выскочила. А Митя заболел вскоре».

Всей душой привязалась Маша к Катерине. Все время они вместе: то на камбузе, то в кают-компании на стол накрывают, а то в каюте уединятся, девичьи грезы словно кружева вяжут. Маша-то тоже душой в девушках осталась: лет-то уж много, а любви не знала.

Спрашивает ее Дмитрий:

— Вы вот о «новых русских» хорошо рассказываете. Не можете ли назвать особо удачливых — тех, кто золото из банков выгреб. Ведь во времена застоя у нас две тысячи тонн было, а теперь всего лишь двести осталось. Как это им удалось, кто им помогал и много ли слитков прихватили?

Маша точно ждала такого вопроса, многих мужниных дружков она знает: наблюдала за ними, слушала их речи и делала вид, что с ними она, что так же, как они, мечтает жить за границей, сколотить кругленький капиталец и поместить его в надежном банке, — желательно не в одном. И ценные бумаги приобрести, акции, закладные, и стричь отовсюду проценты.

— Я как Штирлиц была в их лагере, и похоже ждала своего часа. И вот он пришел! Я, как и ты, Митя, хочу теперь службу сослужить своей Родине.

Маша знала, как Дмитрий любит свою Родину, Россию. Он долгое время не хотел верить, что на глазах у него рушатся границы империи, рвутся на части громадные территории, которые раньше на протяжении столетий собирались русскими людьми, сплачивались в единое могучее государство. Лежа в кровати, неизлечимо больной, он больше страдал не от того, что скоро умрет, а от того, что не может помочь своему народу. Давно знал, что от природы унаследовал большие, почти фантастические способности к постижению тайн компьютера, видел в нем силы почти божественные, но от сознания невозможности реализовать свой талант страдал еще более. А тут к необычайной радости своей он стал поправляться. И в сердце его с новой силой закипела боль за судьбу Отечества. И, словно былинный богатырь Илья Муромец, он поднялся на ноги. И ощутил в себе мощь сокрушать врага.

Вечерами сидел у телевизора, а все ночи напролет слушал радио и заносил в память компьютера всех богачей, называвших себя «новыми русскими», включил свой компьютер в систему Интернета — и там собирал информацию о новых хозяевах России, вычислял города за границей, где они отдыхают, покупают дворцы, запрашивал банки, счета, и делал это не от себя, а от Центрального банка России, от других банков, которым доверяли те, заграничные банки... Копил и копил информацию. Снабжал ее комментариями, объяснял природу бешеных денег... Он, как пушкинский дьяк, писал и писал свою летопись, но в отличие от того древнего летописца, который свои сказания уж подводил к концу, Дмитрий историю крушения России только начинал.

А теперь вот судьба ему подарила и еще один источник, на этот раз живой, особенно ценный.

Маша сидела в удобном кресле, сделанном специально для Дмитрия, еще не совсем поздоровевшего, рассказывала, а Дмитрий, как всегда, сидел за компьютером и раскладывал ее информацию на полках бездонной памяти безотказного друга.

Свой рассказ Мария начала издавека — с того дня, когда она познакомилась с Аркадием. Произошло это пятнадцать лет назад.

— Однажды на улице Горького недалеко от памятника Пушкина меня за локоть тронул незнакомый дядя.

— Девушка! Можно вас на минутку? Отойдемте вот сюда, в сторонку.

Пожилой дядя, лысый, с рыжей бородой тянул меня на скамеечку возле памятника. Я растерялась и шла за ним как заколдованная. Наконец, спросила:

— Что вам угодно?

— Вы так меня испугались, что я не знаю. А я режиссер и хотел бы предложить вам сыграть роль. А?.. Вы разве не хотите быть знаменитой, как Раневская?

— Раневская мне совсем не нравится.

— Да? Чем же такое?

— Она играет себя: пошлую вульгарную женщину.

— Хо! Это странно мне даже слышать. Вы молодая, а судите — ай-яй-яй! Я таких суждений не слыхал и в Одессе на Дерибасовской, а там уже можно встретить и такое, что вам делается весело.

— Позвольте, но какой же вы режиссер, если не умеете правильно говорить. Странно вас даже слушать.

— Ой-ей, уже и критика! Я приехал с Одессы, и у меня немножко акцент.

— Надо говорить из Одессы, а не с Одессы.

— Вот-вот, это очень хорошо, что вы можете учить. Я вам дам роль и заведу в Олимп, сделаю знаменитой, а вы мне дадите правильную речь. Таковую, знаете, московскую, чтобы я уже был не одесситом, а москвичом. Мы сейчас делаем спектакль о жизни великого диссидента. Он хотел уехать, но ему сказали: Пастернак тоже хотел уехать, но — умер. Тебе тоже надоело жить? И он не поехал. Вот такой сюжет. И там есть девушка Маша...

— Я тоже Маша.

— Да, значит, небеса хотят, чтобы ты сегодня же была к нам.

— Послушайте! — возмутилась я. — Ну, как это вы говорите: небеса хотят, я была к вам...

— Хорошо, хорошо. Вот пойдете в театр, и вы будете учить, а мы для вас дадим роль.

И я пошла. Как идиотка, потащила за ним. Ну, а потом... Из нашего альянса вышла одна гнусность. Я была несовершеннолетней, и мои родители подняли шум. Хотели подать в суд за растление малолетней. Он предложил мне руку, и я совершила новую гнусность.

Ну, а театр его процветал, и я играла в нем главные роли. А с приходом к власти демократов его потащили наверх, и сейчас он министр.

— А как же с речью? Он так и говорит «небеса хотят»?

— Немного поднаторел, но москвичом так и не стал. Зато и я с ним преобразилась: немного стала одесситкой.

И Маша громко, заразительно рассмеялась.

Пришла Катя, принесла им только что сваренный душистый кофе.

Сидели втроем. Маша продолжала:

— Говорят, страну развалил Ельцин, пришедшие к власти демократы. Даже называют цифру разрушителей: одни говорят — тридцать, другие — шестьдесят. А теперь я все чаще слышу: их было триста человек. И при этом вспоминают слова Генри Форда, который будто бы сказал: уберите шестьдесят банкиров и мир изменится. Это все не так. Я так думаю, что Россию стали разваливать еще в прошлом веке; еще цари-батюшки, которые сплошь были немцы, а последний Николай так и помыслить не мог, чтобы жениться на русской, — так вот еще цари, еще Александры второй и третий стали запускать под рубашку России зловредных насекомых: банкиров Поляковых, Гинзбургов

да редакторов газет и издательств. И Чехов, и Горький, и Куприн задыхались от «ненациональной критики», от поносителей типа «свистуна» Нордау. А уж в нашем-то веке и министры, и генералы были сплошь немцы да масоны. Недаром же царь Николай перед тем, как сложить корону, сказал: кругом одни предатели. Вот эти-то предатели и спихнули его с трона, отдали власть Ленину, а уж он-то, как я слышала, готов был положить девяносто процентов русских, лишь бы произошла мировая революция. Я уж этих рассказов наслышалась, все пятнадцать лет в моей квартире в Москве, и на даче в подмосковных Снегирях, и на родовой вилле в Крыму...

— Родовая? У вас там родовая вилла?

— Так ее называет муженёк. Мы ее недавно купили за двести тысяч долларов, и там поселились родители Аркадия,— потому она и родовая. Ну так вот... Мы туда частенько на недельку-другую летаем. Особенно, летом.

— Живёте же! — изумилась Катя.— Но как это — частенько? Министр ведь! У него, наверное, дел невпроворот.

— Ах, Катенька! Наивные вы все. Да новая власть разве работает? Она властвует, да всякую дань собирает. Тащат они что ни попадя. Где что плохо лежит, то и подбирают. И тотчас в доллары обращают, за рубеж переводят. Деньги им нужны, у них одно на уме — деньги, деньги. Они ведь что за люди? Временные! Дачники! Верно их Горький назвал — дачники. Он-то вроде бы и не их имел в виду, а вышло — о них сказал. Так оно и есть: дачники они. Сегодня для них сезон — живут на даче, а завтра заглодало — подались дальше. Куда? А они и сами не знают. Им лишь бы ехать, и как можно дальше. Я так понимаю: страх их гонит. Чем дольше они сидят на одном месте, тем беспокойнее. Вот и муженёк мой: ни с того, ни с сего вдруг галдеть начинает: поедем да поедем. А я спрашиваю: куда и зачем мы поедем? И кто нам квартиру такую даст. У нас ведь двенадцать комнат, да бассейн из голубого чешского стекла, да сад зимний на сорок квадратных метров. А он знай свое: поедем, у нас деньги есть.

Ночью просыпается и ходит по квартире. А то в зимний сад пойдет, у стеклянной стены стоит, смотрит, смотрит, словно с жизнью прощается. Чудные они люди! Нам их не понять.

Дмитрий сидел за компьютером, а Катя у иллюминатора и наблюдала за стайками рыб; маленькие рыбки как звездочки — летели и летели навстречу лодке, и не было конца этому звездному хороводу, а большие двигались из темноты точно метеориты и, мелькнув за стеклом, пропадали где-то сзади в крошечных глубинах. Катя могла часами наблюдать это вечное движение жизни и многое не понимала в происходящем за окном их подводного дома, странной и фантастической казалась ей игра света и тени на глубине. Он то откуда-то появлялся и освещал воду то бледно-голубым, а то зеленоватым мерцанием, а то тянулся почти белой полосой и обрывался вдруг, будто лодка валилась в яму. И рыбы, рыбы... Они летели, и не было им конца.

— Да, Митя, я знаю почти всех сверхбогатых людей в новой России. Они хотят покупать заводы, а без подписи моего мужа нельзя купить ни Магнитку, ни Уралмашзавод. Они потому приходят к нам, приносят мне невообразимые подарки, а я делаю вид, что принесли мало, могли бы и больше отстегнуть от своих краденых миллиардов. Да, я не оговорилась: у них миллиарды. Особенно много их у Кахи Лапчатого. Я его зову Гусь Лапчатый. И даже в лицо ему сказала. Он обиделся, но от мужа не отстает. Ему нужно никелевые рудники да нефтяные промыслы скупать. Вот и стелется этот богач под ногами.

— А где же он свои миллиарды прячет? — спросила Катя.— И что за деньги у него — рубли или доллары?

— Да что ты, Катенька! Рубль — они такого слова не знают. Счет ведут на доллары. У Кахи-то я и в Москве на всех квартирах была, и под Москвой на даче. А в прошлом году мы с Аркашей у него в Америке гостили. Там в Нью-Йорке на тридцать втором этаже квартира семикомнатная — так он нас в ней поселил. Сказал, что за

полмиллиона долларов купил. И вилла на берегу океана — тоже полмиллиона стоит. А у него-то денег не один миллиард будет. Ты и представь теперь: он за один миллион какие богатства накопил, а в миллиарде тысяча миллионов. О, господи! С ума они спятили. У нас детишки с голоду помирают, а они все тянут и тянут миллиарды. Может, ты мне скажешь, Митя: кончится такой кошмар когда-нибудь или нет?..

Ждала ответа, но Дмитрий молчал. И тогда заговорила Катя:

— У нас в институте профессор сказал, что в две тысячи десятом году русских людей в России двадцать пять миллионов останется.

— Может и так статья,— согласился Дмитрий.— Могут нас выморить: водкой, голодом, болезнями да холодом; могут! Я даже думаю — выморят! Уж больно великие силы на нас брошены. И оружие у них такое, какого Гитлер не имел: водка, радио, газеты, сатанинское телевидение в ход пустили. Народ наш русский против такого оружия слаб. Он даже и не может понять, что это оружие. Но вот кое-чего не учел и наш многоопытный и многомудрый противник. Двадцать-то пять миллионов, которые у нас останутся, вдруг вспомнят, что они русские, и поймут, что и водка, и телевизор, и газеты на их потраву направлены. И вот тогда-то каждый русский человек превратится в Илью Муромца, и таких молодцов только у нас в России будет двадцать пять миллионов! А еще сто миллионов в других странах останется. А?.. Что вы на это скажете?.. Недаром же у русского народа пословица такая есть: худа без добра не бывает. Вы из нас дух вышибли, в стадо баранов превратили, а стадо это, почуяв смертельную опасность, в армию героев превратится.

Помолчали собеседники, но потом Дмитрий, словно очнувшись, сказал:

— Напугал я вас, девочки! А вы меня не слушайте, это я так, в минуты слабости, а вообще-то мы не сдадимся и врагу очень скоро свернем шею. И в борьбе этой нам с вами не последняя роль уготована. Расскажите-ка мне, Маша, чего больше всего боится ваш этот... Гусь Лапчатый. Мы его и пугнем отсюда.

— Отсюда? — удивилась Маша.

— Да, отсюда. Они нас телевизором бьют, а мы их... У нас тоже против них есть оружие.

И он любовно оглядел свой компьютер.

А Маша ему сказала:

— Каха-то? Да я его и без всякого оружия чуть разума не лишила. Человеком-невидимкой его пугаю. Ты разве не слышал, говорю я ему, что ученые духи такие изобрели: побрызгаешь на себя и в невидимку обратишься. Сейчас эти невидимки против новых русских работают. Встанет где-нибудь в уголке и смотрит на тебя. Ты его не видишь, а он тебя... всего насквозь просматривает. И думает, как бы и чем тебя пронять. Ты, к примеру, засыпаешь, а он как крикнет над ухом...

— Ну, хватит, хватит! — машет Каха руками.— Раскаркалась! Я и так ночами заснуть не могу.

А я и того пуще...

— Понятно! — обрадовался Дмитрий.— Ты, Маша, гениальный ход мне дала.

Маша поднялась, сказала:

— Нам нужно стол накрывать. Пошли, Кэт.

Катюшу она иногда называла на западный манер — Кэт.

Богатые и сверхбогатые, политики и сверхполитики были давно разложены на полках электронной памяти Дмитрия. Он собирал о них информацию много лет,— и в худшие времена своей болезни не прекращал копить факты обвинения. Готовил страшный суд, в который верил и который сам же приближал. Много материала выбалтывали они сами в теле- и радиопередачах. Новые русские, как и все примитивные люди, были болтливы и много хвастались. Они даже показывали туфли и называли их цену, совали в нос дикторам и корреспондентам часы, браслеты и говорили: «А это я купил за десять

тысяч долларов, а это — за двадцать...» И не подозревали, что есть в мире человек, который все заносит в память своей фантастической машины и ждет часа, когда выложит на стол судей неопровержимые доказательства.

Но однажды он решил вершить суд сам! И вот уже «разыгрывает» свои компьютерные спектакли.

Каха Лапчатый ему известен давно. Он даже знает, в каких банках он держит свои миллиарды и сколько у него этих наворованных миллиардов. Вот только природу их происхождения не знает. Подозревает, что Каха, как и многие подобные богачи, стал магнатом в одночасье: ночью ему позвонили и позвали в какой-то из государственных банков — и там отвалили слитки золота. Или ценности национального значения: бриллиантовые короны, камеи, ожерелья.

Машеньку Дмитрию словно Бог послал: она сообщала ему детали из жизни богачей. Часами они сидели в каюте Дмитрия, и она с радостью и удовольствием говорила и говорила...

Дмитрий придвинулся к компьютеру, начал разыгрывать спектакль, который тотчас же составил у него в голове.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Через спутниковую систему, в которую Дмитрий самовольно, без ведома властей, включил компьютер, он вызвал на свой экран изображение экрана компьютера Кахи Лапчатого. Тот был включен,— значит, Каха дома. Передал ему:

Каха! Вчера вечером на даче Зины (Зиной звали Зиновия Крейна) решено тебе объявить войну. Они про тебя говорят: «Небритый грузин, и мы зря ему дали чемодан ваучеров». Кстати, почему ты не бреешься и таращишь глаза так, словно чего-то сильно испугался? У нас так же таращит глаза министр иностранных дел Козырев. Но ему скоро дадут по шапке, потому что слишком глуп и явно неприличен. Ты тоже хорош! Захватил всю цветную металлургию Подмосковья и не хочешь с ними делиться. Тебя решили узить. В квартире и всюду, где ты бываешь, установлены «ушки». Они очень маленькие, изготовлены для разведчиков — ты их не найдешь. Все твои речи и речи твоих подельников прослушивают. Время от времени вместе с тобой в квартиру и на дачу приходит человек-невидимка (ты знаешь, теперь есть такие), и он сидит в сторонке или стоит в углу комнаты, где ты с друзьями обговариваешь свои гешефты. Зачем мне это надо? Потом увидишь. Но ты не вешай носа. Обо всем я буду тебя информировать. Смекаешь? Я хочу работать на них и на тебя — и со всех брать мзду. За каждую информацию ты будешь платить. За неуплату начислю штраф, и в таком размере, который тебе не понравится. Не веришь? Хорошо. Потом поверишь. А теперь напиши, как тебе понравился мой дружеский разговор? У меня такой компьютер, который твое милое письмо примет сейчас же.

Митяй

Ответ не замедлил последовать:

Козел ты вонючий! Мне плевать на твои угрозы. Вся твоя информация — чушь собачья. Катись подальше, и ни одного доллара ты не получишь. Чтоб тебя колесом проехало, как говорят у нас в Тбилиси. Все!

Митяй такой оборот ожидал. И ответил на него вежливо:

Каха! Я тебя еще и пальцем не тронул, а ты уже ругаешься. С тех пор, как ты сделал большие деньги, ты стал дергаться. Очевидно, боишься «Матросской тишины». Не бойся. Там сейчас стало просторнее и недавно помыли полы. А на твою грубость я не обижаюсь. На первый раз накажу тебя небольшим штрафом, но помни: будешь мне дерзить, штраф увеличу.

Привет с острова Кергелен. Поцелуй Крейна. Здесь холодно и дует ледяной ветер. Но в моем замке тепло. У меня есть камин и хороший компьютер.

Твой Митяй.

Каха грязно выругался и стер кошмарную переписку. Поднялся, потер кулаками виски. Так он делал, когда у него болела голова. В волнении стал ходить по комнатам, а их в его квартире много. Недавно в ней сделали евроремонт, и полы блестели. Работали турецкие мастера, они же прихватили с собой художника, который для каждой комнаты подбирал люстры и освещение. Сейчас все его раздражало, и он жалел, что пригласил именно турецких мастеров. С ужасом ощутил боль под лопаткой: симптом предынфарктного состояния, а там и инфаркта. Инстинктивно прибавил шагу. Но тут же остановился, подумал: а что собственно случилось? Какой-то интриган послал на компьютер гнусную угрозу. Послал?.. Но как он мог послать? Компьютер же не факс! На его экран может написать тот, кто сидит у его пульта.

Подошел к экрану. О, боже! Письма Митяя вновь на экране! Он же их стер — ясно помнит.

И снова стер письма Митяя.

Прошелся по комнате, и вновь к экрану, а на нем те же письма. Это уж проделки черта, как в повестях Гоголя. Снова стер. И сидит, ждет. А из глубины экрана вновь выползают письма.

Каха вскочил и побежал в спальню. Закрылся одеялом и лежит, тяжело дышит. А сердце болит и болит — теперь уже нестерпимо. И Каха дрожащими от страха пальцами жмет на клавиши сотового телефона, вызывает «скорую»...

Загадочный человек с еще более загадочным именем Бартис Фагот считался среди своих дружков «новых русских» самым удачливым. Он благодаря отчиму Медвежатову в точности уловил момент начала приватизации нефтяных промыслов и «сел» на трубу. Указал адреса, по которым следует качать тюменскую нефть — их дал ему отчим, работавший в Госплане, и за это посредничество ему «отстегивалось» восемнадцать процентов ото всех прибылей. Деньги свои он не считал; назвал банки за рубежом — и туда на его имя закачивались миллионы. Любители трясти чужие карманы серьезно утверждали, что Братец, так называли Фагота, самый богатый из новых русских.

У него на даче, где он безвыездно жил, вдруг, как резаный поросенок, завизжал компьютер.

Фагот испугался: такого визга он у себя на даче никогда не слышал. Подошел к аппарату, прочел: «Я знал, что ты скотина, но не до того же!».

«Кто же это написал такое?..— думал Братец.— Не иначе, как моя супруга».

У него только что была Галина, с которой он затеял бракоразводный процесс — конечно же, она такую гадость нарисовала. Больше никому.

Стер дурацкую шутку и пошел в ванную. Настроение было испорчено, и — на целый день. Вроде бы и неважно, что она о нем думает, но все же — противно. Договорились: он на ее имя переведет десять миллионов долларов. Она довольна, ну и — катись колбасой. Чего тебе еще нужно?..

Долго стоял под душем, тер мочалкой свое непомерно толстое тело, разглядывал красно-коричневое, чем-то напоминавшее спинку клопа лицо. Думал: «Не имей я больших денег, они бы не относились ко мне с такой злобой. Завидуют, сволочи! Все завидуют!..»

Пошел в комнату, где компьютер. Что за чертовщина! Опять эта... грязная шутка: «Я знал, что ты скотина, но не до того же!».

Стёр и с минуту сидел у экрана. На его зеленоватом поле черными жуками опять вылезло: «Я знал, что ты скотина...».

Снова стёр запись. А из глубины плывет: «Я знал, что ты скотина...»

Метнулся в кабинет, позвонил Галине. Спросил:

— Ты мне писала что-нибудь на компьютере?

— Нет, не писала.

— А если серьезно? Мне это очень важно знать. Скажи, пожалуйста. Я не обижусь.

— Ну, что ты, Бартис, я и не подходила к нему. Честное слово.

Позвонил специалисту, рассказал обо всех фокусах своего компьютера. Тот сказал:

— Такого не может быть. Вы что-то путаете. Если никто не писал, так неоткуда и взяться тексту. А если его стерли, так уж и подавно.

Бартис положил трубку и свесил на грудь голову. Потом снова к компьютеру — там жирно светятся и, мигая, как бы дразнят его те же слова. В ярости выдернул вилку из розетки. Экран погас, но дерзкие слова, хотя и не так ярко, но еще продолжали чернеть на экране. Лег на диван и устремил взгляд в потолок.

Впервые он всем телом ощутил холодок одиночества. Детей нет, с женой развелся, отец его раздражает... Были приятели, но у них одно на уме: деньги, виллы, курорты, девочки. А в последнее время замечать стал: глаза у них, как у волков, горят; на деньги его зрялятся. А иной так и спросит: «Братец, зачем тебе так много? Это ведь опасно». — «Что, опасно?» — «Деньги большие — вот что! Могут киллера подослать, а могут и сами...»

После одного такого разговора Бартис и об охране своей задумался. Много ее у него, этой охраны; квартиру в Безбожном переулке день и ночь стерегут, на трех дачах под Москвой десятка три толкутся, но охрану и перекупить могут. Дадут больше, чем он платит, а те и накинут на голову черную тряпку и поволокут куда надо. Теперь же и чеченцы в Москве орудуют; вон недавно с поезда двух молоденьких чеченок сняли, а у них под юбкой между ног автоматы Калашникова, а в лифчиках бомбы пластиковые.

Мысли эти далеко ведут. Спросит иной раз себя: а и в самом деле — зачем такие деньги?.. Без них-то мне легче жилось, и веселее.

Кинул на плечи теплый махровый халат, пошел к компьютеру. Включил его. И тотчас на экран выплыли слова: «Я знал, что ты скотина, но не до того же».

Сверху на низ поползли и другие строчки:

Слушай приказ. Завтра же ты должен сделать четыре перевода: первый — пятьсот миллионов долларов в Петербург на счет завода «Людмилы», второй — столько же, во Владивосток на поддержку населения Приморья; и третий — в таком же размере, то есть пятьсот миллионов, в Министерство обороны России на закупку современной боевой техники.

Не жадничай. У тебя еще останется три миллиарда восьмьсот миллионов двести пятьдесят тысяч рублей.

Не вздумай уклониться. Вздую.

Митяй с Кергелена

И приписка:

Надумаешь приехать ко мне в гости — милости прошу. Здесь, конечно, не рай, собачий холод, но зато свежий воздух. Обними и поцелуй Крейна. И еще: облобызай Каху.

Дмитрий, затевая этот спектакль, знал, что денег они никому не дадут. Но он думал так: «Я сделаю их сумасшедшими, а затем отниму деньги». Заготовил операцию в семи

банках — как раз там, где эти два российских магната свои доллары держат. Операция сложная, с расшифровкой множества кодов и компьютерно-защитных головоломок, но Дмитрий ее давно заготовил. Прибавил он к своим прежним планам навеянные Машей психологические атаки.

Шалость граничит с уголовным преступлением, но Дмитрий имеет дело с преступниками и считает себя вправе наказывать их таким образом.

Предусмотрена одна важная особенность: если разгневанный абонент «вырубит» из сети свой компьютер — он некоторое время все равно будет кричать, как малое дитя; если же компьютер выбросят и установят другой — и этот закричит. А без компьютера они жить не могут.

Это был первый эксперимент, проводимый Дмитрием по системе «поросенка». Установил срок окончания опыта: неделя. И попросил Машу звонить по два раза в день Аркадию, спрашивать у него новости и передавать приветы Кахе и Бартису.

— Я хочу знать,— сказал он Маше,— как они живут, здоровы ли, все ли у них в порядке. А если хочешь им открыться и включиться в мою игру, то скажи, что Дмитрий, к которому ты приставлена от президента, никакой не Дмитрий, а зовут его Митяй, и недавно мы перелетели с ним в Австралию на остров Кергелен. Пусть они ломают голову, надо их путать и дурачить, как они дурачат нас. У них ведь задача: все в нашем государстве запутать, посеять хаос и беспорядки. И отнять у нас деньги. Я делаю с ними то же самое. Вот теперь пусть они испытают на себе свою сатанинскую философию.

Так он говорил Маше. И она с азартом своей молодой, склонной к авантюрам природы включилась в игру. Сам же Дмитрий каждый день звонил Аринчину и Слепцову, спрашивал, не перевели ли деньги на счет «Людмилы»? Деньги по его командам аккуратно переводились, зарплату рабочим выдавали, но появились тревожные сигналы: будто Спартак Пап, их хозяин, продает «Людмилу» какому-то греку, а сам приказал готовить к отправке в Италию особо ценные станки и целые технологические линии. За них он будто бы уже получил деньги. Назвали банк в Америке, куда текут капиталы на счет Папа. Этот паук уже имел сотни миллионов долларов. Дмитрий сказал, чтобы приказ Папа не выполняли, обещал с ним разобраться.

Маша не вдавалась в подробности, ни о чем не спрашивала, хотя видела по глазам, что друг ее взял богатеев на мушку и трясет их карманы. В душе она ликовала. Каха и Бартис были ей ненавистны, и будь ее воля, она бы самолично учинила над ними расправу.

Покончив с богатеями, вернулся к «Козьме Минину». Вызвал его на свой экран, смотрел, что там происходит.

В Персидском заливе бушевал шторм. Рыбачьих суда он бросал как щепки, теплоходы с пассажирами укрылись в бухтах и ждали, когда шторм утихнет. «Козьма Минин» спокойно ходил по кругу, подставляя гигантским волнам то один свой борт, то другой. Качку он испытывал, но она была на нем своеобразной: мелкой и противной. Весь его исполинский корпус содрогался так, будто тысяча вибромолотов били по днищу. Команда измучилась: кто только был свободен от вахты, лежал на подвесных койках и не показывал носа на палубе.

На седьмой день после начала шторма ветер стих и небо прояснилось. А на компьютерном пульте появилась команда: «Козьма Минин» пойдёт в квадрат, где облюбовал позицию авианосец «Эйзенхауэр».

После обеда Катя и Маша зашли в каюту Дмитрия. Маша едва сдерживала порыв радости.

— Последние известия! — подняла она руку с сотовым телефоном. — Аркашины друзья в панике. Все они узнали о чудовищной катастрофе со вкладами Кахи и Бартиса: с их счетов какая-то нечистая сила сдернула часть вкладов и отправила Бог весть куда.

Аркаша спрашивает: не знаю ли я, что происходит? Они, конечно, догадываются, чьих это рук дело, но говорят: команды идут из южной части Индийского океана. И вот еще что — это очень важно: эта самая нечистая сила поселилась в их домах и ужасно кричит. И днем и по ночам. Они бы выбросили компьютеры, но там у них все расчеты с клиентами, все дела. Аркаша умоляет: жальтесь, ради Бога! Каха и Бартис живут в гостиницах. Но и служащие не могут находиться рядом с компьютерами. Они боятся.

— А твое начальство? Ну, те, что рядом с президентом? Ты с ними говорила?

— Как же! Говорю каждый день, по два, по три раза. Они довольны. И еще зовут поскорее домой. Они боятся, как бы ты не сбежал к королю Хасану.

— К Хасану?

— Ну, да. Они ведь знают, как ты их не любишь.

— Кого?

— Ну, их! Ребят, которые убежали в Кремль. Они ведь все там Кахи да Бартисы. Но ты им очень нужен — вот в чем дело! Все время просят, чтобы я тебя берегла. Так и говорят: отвечаешь головой за этого умельца. И еще называют тебя компьютерным дьяволом.

Маша под села к Дмитрию ближе, провела ладонью по его волосам, сказала:

— Может, ты и вправду — дьявол? Только я бы хотела, чтобы ты был просто Митей, моим Митей.

Он повернулся и на ухо ей тихо проговорил:

— Я тоже хочу быть... твоим Митей.

Скоро «Русалка» достигла порта дружественной Ливии Триполи. Всплыли на поверхность и закрепили лодку у причала. Командир «Русалки», капитан третьего ранга Прибылов, Евгений и Саид тщательно осмотрели судно, почистили и заменили смазку двигателей, и лишь только через три дня позволили себе выйти погулять по улицам восточного города. К тому времени Дмитрий, Катерина и Мария заканчивали отбор консервов, копченого мяса, овощей и фруктов, а также всяческих сладостей к чаю. К ним на помощь подоспели вернувшиеся с прогулки три главные мужские силы. До полуночи они работали, а потом разошлись по каютам. На берегу остался один Дмитрий.

Из лодки вышла Маша. И, как тень, медленно сходила по трапу на землю. Столь продолжительное гулянье Дмитрия ее начинало беспокоить. Подошла к нему, тронула за локоть. Он взял ее руку и тыльную часть ладони прислонил к своей горячей щеке.

— Беспокоишься за меня? А это и хорошо. Я и хочу, чтобы ты обо мне беспокоилась.

— И с этой целью бродишь тут в одиночестве?..

У входа в Персидский залив в небольшом порту «Козьма Минин» и «Русалка» встретились.

— Командиру с двумя офицерами явиться ко мне, — последовал приказ Дмитрия.

Через несколько минут к берегу пристал катер, и из него вышли командир, одетый в яркий раззолоченный мундир азиатского государства, и с ним два моряка. Саид встретил их и приветствовал по-английски. И показал на стоявшего на пригорке Дмитрия:

— Вот наш начальник.

Командир крейсера Ким ду Хо вытянулся и бравым строевым шагом подошел к Дмитрию.

— Господин Великий Адмирал! Имею честь доложить: крейсер «Козьма Минин» прибыл в ваше распоряжение.

— Молодцы, ребята! — сказал Дмитрий, пожимая руку Ким ду Хо. — Все ли у вас в порядке, все ли боевые части в строю и готов ли крейсер к отражению атак?

— Смею доложить, что у берегов острова Сардиния к нам приблизилась атомная подводная лодка, но она все время меняла курс, металась из стороны в сторону, как будто

потеряла управление. Потом на горизонте показался отряд эскадренных миноносцев, но и он тоже имел какой-то странный ход: то приближался к нам, а то вдруг шарахался в сторону, будто его уносило ветром. Мы еще подумали: как странно ведут себя итальянские корабли! Подавали нам радиосигналы, но это был набор каких-то непонятных слов. Мы просили их говорить внятно, и они пытались, но мы лишь могли понять первые слова.

Дмитрий понимающе кивал головой, улыбался.

— Итальянские корабли имеют хорошую боевую форму, но на этот раз я не разрешал им выполнять команды своего адмирала.

В небе раздался рокот, и все повернули на него головы. Маленький вертолет с морскими знаками на боку приземлился на соседнем холме, и из него вышли грузный пожилой адмирал в русской форме и молоденький щеголь-офицер. Адмирал, увидев катер и возле него группу людей, направился к ним. Как раз в этот момент к Дмитрию подошел командир «Русалки». И адмирал, видя перед собой русского офицера и офицера-азиата, обратился к Прибылову. Но тот, взяв под козырек, показал на Дмитрия:

— Начальник экспедиции.

Адмирал повернулся к Дмитрию, нехотя представился:

— Военный атташе русского посольства. Не могу понять, кто из вас представляет корабль и кто...

— Не трудитесь, адмирал,— с достоинством заговорил с ним Дмитрий.— Я вам все объясню. Это,— он показал на азиата,— командир крейсера «Козьма Минин». Как вы помните, ваши коллеги из Тихоокеанского флота продали его за гроши в Малую Азиатию. Теперь крейсер по моему приказу вернется на Родину и будет охранять морские рубежи России. А вот Мария Владимировна...— представитель президента. А это...

Он показал на капитана третьего ранга Прибылова:

— Командир подводной лодки «Русалка», где я имею честь быть начальником экспедиции. Ну, вот... кажется, теперь вам все понятно?

— Да, спасибо,— сказал адмирал. И повернулся к Марии, представился:

— Военный атташе контр-адмирал Сазонов!

Мария протянула руку, назвала себя и сказала:

— Кажется, вы служили на Севере. Это единственный флот, за которым мы не числим никаких компрометирующих эпизодов.

— Да, да,— подтвердил Дмитрий.— На Северном флоте меньше всего адмиралов, попавших в мой черный список. Однако и у них там есть... К сожалению, есть.

Адмирал сжался, как от удара, но промолчал. Он плохо понимал, о чем говорит этот долговязый и не очень складный на вид парень, которого все принимают за самое важное лицо.

— Адмирал Ким ду Хо! — обратился Дмитрий к азиату.

— Ваше превосходительство, я офицер,— наклонил голову Ким ду Хо.

— Да, вы офицер. Я это знаю, но для пушей важности и для устрашения американцев будем называть вас адмиралом. К тому же... тут у нас полномочный представитель президента России.

Повернулся к Марии:

— Надеюсь, вы не станете возражать?

— Я не имею права присваивать такие высокие звания, но сегодня же запрошу Москву.

— Вот и отлично! Итак — адмирал Ким ду Хо! Приглашайте нас на борт крейсера.

Ким ду Хо с восточной галантностью сделал жест рукой:

— Пожалуйста.

Минут через тридцать катер их доставил на борт крейсера. Матросы были в строю, в ниточку тянулись по левому и правому борту. Ким ду Хо подал им команду на своем языке и, чеканя шаг, подошел к Дмитрию:

— Ваше превосходительство, Великий Адмирал! Экипаж построен для встречи с вами. Докладывает командир корабля... Ким ду Хо!

Дмитрий никогда не бывал на военных кораблях, но он служил в армии и потому крикнул:

— Здравия желаю, ребята!

И крик приветствия — незнакомый, но торжественный и радостный, прокатился над морем. Дмитрий, а за ним и вся свита, подошли к другой линейке матросов, и здесь обменялись приветствиями, и после этого Великий Адмирал разрешил матросам разойтись.

Ким ду Хо пригласил гостей в кают-компанию.

Адмирал Сазонов шел сзади всех; он еще мало чего понимал, и ему казалось, что все это происходит во сне. Больше всего его заботило то, что посланные командованием нашего флота навстречу крейсера подводные и надводные корабли не сумели остановить его и произвести досмотр. Командиры наших кораблей с ужасом наблюдали, как все их команды на ходу изменялись какой-то неведомой, всемогущей силой, и это ставило их в тупик. Они задавали курс кораблям, дистанции сближения, а корабли шарахались в сторону и отлетали от крейсера словно мячики. Весь этот кошмарный спектакль командиры скрывали от Москвы и очень боялись, как бы там не узнали все подробности этого конфуза.

Адмирал надеялся прояснить таинственные обстоятельства этого явления.

Кают-компания крейсера поразила всех своим великолепием. Отделана красным деревом, ореховая мебель с мягкой зеленой обшивкой, черный блестящий стол под огромной люстрой... И на стенах картины морских сражений. Кажется, писал их сам Айвазовский.

Ким ду Хо пригласил всех к столу и место командира корабля с похожим на царский трон креслом предложил Дмитрию.

Несколько матросов появились с большими подносами, и стол был мгновенно, словно по мановению волшебной палочки, накрыт.

Справа от Дмитрия сидела Мария Владимировна, слева Ким ду Хо. Обращаясь к нему, Дмитрий спросил:

— Продуктов из запасов НЗ вам хватило?

Ким ду Хо отвечал по-английски, но тут все знали этот язык:

— Да, Адмирал, хватило. И денег в сейфе командира достаточно, но мы их не трогали.

Адмирал Сазонов до сих пор не мог понять всего здесь происходящего. И — главное, почему этот молодой человек для командира крейсера — Великий Адмирал? Такого звания нет в русском флоте. Почему крейсером командует молодой офицер? Уж не было ли здесь бунта? И вообще — кто такой этот молодой человек? И почему он, начальник какой-то экспедиции, а командует боевым кораблем?..

Смущала его и представитель президента России. Молодая, красивая, она скорее походит на возлюбленную начальника, чем на важного чиновника.

Дмитрий словно подслушал смущающие адмирала вопросы. Сказал Марии:

— Адмирал Сазонов здесь представляет официальное командование — покажи ему свое удостоверение.

Маша достала из кармана своей юбки удостоверение личности с золотым гербом России на обложке, протянула адмиралу. Тот читал: «Полномочный представитель президента России...»

Возвращая документ, почтительно наклонил голову. Маша подала ему визитную карточку:

— Будете в Москве — милости прошу в гости. Постараюсь помочь вам и в служебных делах.

И за это адмирал благодарил Марию. И обратился к Дмитрию:

— Вы меня извините, но я в толк не возьму, каким образом крейсер «Козьма Минин» очутился здесь? И вообще... для меня тут много загадочного.

Дмитрий на это ответил:

— В нашей жизни теперь много загадочного. А разве вот этот факт... ну, то, что сильнейший в мире корабль, флагман русского флота, продается кому-то без ведома депутатов Думы, народа...— разве это явление вам кажется менее загадочным? А то, что в вашем Северном флоте пять атомных подлодок пошли под нож, будучи еще вполне пригодными для боевых действий, а четыре корабля вы недавно сдали на слом...

— Они выработали ресурс...

— На сорок три процента!.. Иностранцы предлагали вам за них сотни миллионов долларов — продали бы их, наконец!..

— Меня там не было,— глухо проговорил адмирал.

— Да, вы туда недавно прибыли из Главного штаба. И там, слава Богу, не запятнали себя предательством, не ставили подписи... Но другие русские адмиралы, ваши коллеги, они своими руками рушат мощь флота, списывают добротные корабли, сокращают отряды, увольняют целые экипажи...

— Это не русские адмиралы,— тихо проговорил Сазонов.

— Да, не русские. И это мне знакомо. И знаю я, кто и на ком женат... Вот недавно отгремела позорнейшая из войн — чеченская. Где это видано, чтобы малочисленные горские отряды одолели великую русскую армию! Но только потом мы узнали, что армией русской командовал генерал, женатый на чеченке. А?.. Каково?.. Да у него дети чечены,— кому же он служил, этот горе-полководец?..

— Знаю я эту историю. Позорная! Ничего не скажешь.

— А вон в Иркутске на жилой квартал валится гигантский военный самолет. Но оказалось, и здесь замешана корысть генерала. Сам главком авиации к делу причастен. Мыслимо ли, чтобы генералы такие были во время войны у нас!

— Но вы далеко отклонились от темы. Расскажите мне, что здесь происходит. Почему корабль, управляемый нерусской командой, а подчиняется вам, русскому?

— Всего не расскажу. У нас для такой беседы времени нет. Я этот корабль вернул своей Родине и отсюда поведу его в южные моря. Вы знаете мощь этого корабля. Мне ее удалось увеличить в несколько раз. Так что вы нам не мешайте.

— Куда же вы пойдете, если не секрет?

— Вначале в Персидский залив, а там посмотрим.

— А Главный морской штаб в курсе ваших планов?

— Главный штаб не имеет к нам отношения: он продал этот корабль и теперь пусть готовится ответить за свое преступление.

— Не все адмиралы в Главном штабе...

— У нас есть список виноватых. Пусть они помнят главный закон юриспруденции: преступление наказуемо.

— Слишком многих надо наказывать,— проговорил адмирал.

— Накажем всех, кто виноват.

— Но, господа! — прервала их беседу Мария.— Ваш деловой разговор затянулся, а между тем, у нас так много вопросов к Ким ду Хо...

И беседа приняла другое течение, более приятное и экзотическое. Ким ду Хо стал рассказывать о злключениях экипажа крейсера с того момента, когда им стал заниматься какой-то злой дух, а по-русски — дьявол...

Вошли в Персидский залив. Впереди «Козьма Минин», немного в стороне от него и сзади — «Русалка».

Дмитрий все время находился в компьютерной зале на главном пульте управления крейсером. Он, во-первых, изучал сложнейшую компьютерную систему, установленную на корабле, вся она разрабатывалась и изготовлялась на «Людмиле», здесь был экран, на

котором изображалась вся морская обстановка, имевшая отношение к крейсеру, и даже можно было вызывать на экран морские штабы и командные рубки кораблей, вознамерившихся вступить в какое-нибудь взаимодействие с русским кораблём. Если, к примеру, на него вздумали нацелить ракету или послать самолет, вертолет или какой-нибудь другой летательный аппарат, экран сразу же засветит этот объект. И подаст звуковой сигнал...

Дмитрий с жадностью одержимого изучал расположение всех этих изумительных схем и приборов.

Крейсер и «Русалка» входят в ту часть Персидского залива, где стоит армада американских кораблей во главе с авианосцем «Эйзенхауэр». На поверхности моря качаются черные головы двенадцати атомных подводных лодок, на борту которых ракеты с водородными бомбами. Вся эта исполинская сила собрана здесь для устрашения непокорного арабского народа и короля Хасана, который отказывается отдавать задаром американцам нефть, пускать в свою страну поп-музыку и порнографическую литературу, а если говорить коротко: не хочет отдавать страну на погубление. Но американцы еще не знают, что с появлением здесь гигантского крейсера и крохотной подводной малютки вся их армада автоматически вышла из-под контроля своего командования и перешла в распоряжение русского молодого человека Дмитрия. Они, правда, удивляются, почему это вдруг прервалась у них связь с Пентагоном, но полагают, что виной тому какая-то поломка, и бросили всех своих мастеров на ремонт радиоэлектроники.

Мир еще не знает о крейсере «Козьма Минин», о том, что он бросил якоря неподалеку от авианосца «Эйзенхауэр», а «Русалка» направилась по реке Тигр к столице, где она встанет на длительную стоянку.

Американцы разглядывают крейсер, знают, что еще недавно он был русским, а теперь принадлежит Малой Азии, но вот что понять не могут: почему это крейсер не отвечает ни на какие сигналы, не желает иметь никаких дел с американцами? И уж совсем их удивляет отсутствие на крейсере вымпела. Он как бы ничейный.

Командующий американской эскадрой огромный медведеподобный адмирал с армянской фамилией Джигарян в большом смнении: не может он доложить в Вашингтон: я ничего не знаю о крейсере и не могу ничего о нем сказать.

Молчит и Малая Азия: ей и подавно совестно докладывать миру обо всем, что произошло на флагмане их флота. Что же до нашего русского штаба в Москве, то эти не только молчат, как рыбы, но и очень бы не хотели, чтобы мир чего-либо узнал о русском крейсере.

Однако нельзя вечно замалчивать такое событие. И адмирал Джигарян самолично идет на пульт управления своим авианосцем, пытается вызвать на экран командира крейсера. Экран необычно сильно засветился, и адмирал вдруг почувствовал головокружение, а в следующую минуту его огромная многопудовая туша рухнула на пол.

Адмирала вытащили на воздух, и он еле-еле отдышался. Послал на пульт своего заместителя — и с ним произошло то же самое.

Адмирал орал и бесновался: «Починить систему!.. Наказать виновных. Всех в карцер, матка боска!..»

Адмирал, хотя и носил армянскую фамилию, и служил американцам, но родом он из Польши, а какая у него национальность, решительно не знал. Один день он чувствовал себя греком, как у нас Гаврюша Попов, другой день — строителем, как московский мэр Лужков-Кац, но чаще всего чувствует себя сыном юриста, как наш Жириновский, а то случалась целая неделя, когда его мучила и шатала во все стороны какая-то биологическая смесь, роднившая его с российским президентом Ельциным. Вот эти дни он особенно не любил и боялся их.

Удар в голову он получил как раз в те дни, когда в нем кипело нечто, похожее на Ельцина. И в то время, когда нагнеталась истерия страха: арабам грозили разрушить их столицу.

На авианосце был агент короля Хасана: он докладывал своему владыке о таинственной силе, поразившей ненавистного адмирала.

Оправившись и отдышавшись на палубе, Джигарян спустил на воду адмиральский катер, отправился на крейсер с визитом вежливости. На корабль его допустили, но никто не встретил. Провели к Великому Адмиралу.

В кают-компании за черным блестящим столом он увидел Дмитрия и двух военных моряков: Прибылова и Ким ду Хо.

— Садитесь, адмирал,— пригласил его Дмитрий.

— Мне нужен командир корабля,— с вызовом сказал гость.

— Вы можете говорить. Я вас слушаю.

— Но... ваше звание? И какой стране принадлежит корабль?

— Вы явились с визитом вежливости, но ваша речь напоминает допрос следователя. Я человек русский. Меня зовут Дмитрий Михайлович. Чем могу быть полезен?

— Пусть меня съедят черти, если я чего-нибудь понимаю! Не скажете ли вы мне толком: чего вы залезли в это вонючее болото, кто вас тут ждал?

— Такой вопрос более уместен к вам, чем ко мне.

— Меня послал Большой Билл и велел начистить зубы этим черномазым обезьянам. Но вас-то кто сунул в эту лужу? И почему на вас этот жалкий пиджачок? Скажите мне, наконец!

— Если у вас нет других вопросов, я вас не задерживаю.

И Дмитрий поднялся, и вместе с ним встали и Прибылов, и Ким ду Хо.

— Ну, ну, не надо обижаться, ребята. Должен же я знать, что происходит у меня под носом. Моя электронная система бунтует, я будто в мешке.

— Ваша электронная система перешла в мое распоряжение,— спокойно заговорил Дмитрий.— Я не советую вам ее трогать. Вы можете ее разладить, и тогда даже я не смогу вам помочь. Вы, например, пошлете ракету на Багдад, а она шарахнет по вашей же палубе. Будьте благоразумны, адмирал. Мы вступили в век, когда техника обретает функции человека и может работать против своих хозяев. Особенно, если хозяева ничего не понимают в электронике.

— Вы меня оскорбляете!

— А что, разве вы что-нибудь понимаете в электронных системах?

— Я-то не смыслю в них ни шиша! Но мои ребята...

— Ваши ребята тоже мало чего понимают. Отстраните их от системы — она у вас взбунтовалась и теперь подчиняется только мне. А теперь — до свидания, адмирал. Нас ждут дела.

Адмирал, в недоумении пожимая своими медвежьими плечами, удалился.

Джигарян, взбешенный, поднялся на борт флагманского авианосца. Приказал позвать к нему высших командиров. И они уже вошли в кают-компанию, рассаживались по своим местам, а Джигарян, содрогаясь от возмущения всем своим тучным телом, хотел произнести первую грозную фразу, но тут заверезжал торчавший в грудном кармане сотовый телефон.

— Адмирал! Это я, Дмитрий. Мой аппарат расшифровал страсти, кипящие в вашей голове, и вы уже готовы облечь их в грозные команды. Советую остеречься. У меня есть все средства охладить ваш пыл. Одна попытка причинить мне вред — и я лишу вас связи со всем внешним миром. Вторая попытка — накажу строже. Третья повлечет за собой катастрофу.

Глаза адмирала налились кровью, бычья шея сделалась малиновой.

— Вы слышали, что мне наболтал этот вшивый юнец? Я спрашиваю: вы слышали?..

Адмиралы и старшие офицеры мотали головой: нет, они ничего не слышали.

— Так я вам доложу: он нам угрожает. Матка боска! Я проучу эту грязную штафирку! Бенси Глен! — обратился он к сидевшему на краю стола командиру атомной подводной лодки.— Стукните его по башке ракетой с химической начинкой. И немедленно. Сейчас же!

— Кого, сэр?

— Ах, кого, кого? Ну, этого мальчишку в коротеньком пиджачке, который там, на русском корабле.

— Но мы еще не знаем, кому принадлежит крейсер.

— Черт бы вас побрал! Вечно вы, Глен, затеваете дискуссии. На корабле нет вымпела — это и хорошо. Мы вправе выпотрошить его как пирата.

— Но вы же знаете, что такое крейсер «Козьма Минин». У него лазерные пушки страшной силы. Они разрежут ракету в момент вылета из шахты. И тогда обломки посыплются нам на голову.

— Да, да — вы правы. Но там команда из косоглазых. Разве этим вонючкам доступна такая техника?

— Да, сэр! Их обучали русские офицеры. Они проворны, как белки, и смекалисты, как собаки. Нам лучше не связываться.

— Ну, хорошо. Тогда вы, Билл, поднимите в воздух ракетоносец, зайдите в небо Израиля и оттуда швырните в него ракетой средней мощности. Мы тогда посмотрим, как они там запрыгают, на этом заблудшем корыте.

Билл поднялся, но идти не торопился. Однако и не решился возражать адмиралу. Вышел из-за стола, но тут вдруг раздался стон и хрип. Оглянулся. Адмирал валился с кресла на пол. Все бросились к нему. Кто-то позвал врача. Но Джигарян лишь одну минуту корчился в судорогах. Потом он затих и лишь бессмысленно пучил глаза на своих подчиненных.

— Что со мной происходит, ребята? Я же здоров как бык и такого со мной никогда не было.

С трудом поднялся и втиснул свое тело в кресло. И тут в кармане вновь затрещал телефон.

— Адмирал, это я, Дмитрий, как ваше самочувствие? Я пытаюсь вас образумить. Повторяю: не делайте глупостей. Ракетоносец поднять в воздух я вам разрешу, но из этого для вас выйдет один конфуз.

Адмирал решил все-таки проучить наглеца с русским именем Дмитрий.

Самолет поднялся и взял курс на Суэцкий канал. Там развернулся и вошел в небо дружественного американцам Израиля. И, соединив в прицеле две точки над крейсером «Козьма Минин», нажал кнопку пуска. Ракета рванулась вперед, и огненный хвост от нее быстро растаял в жарком небе Израиля.

Адмирал заказал вина и угощал офицеров. С нетерпением и тайным страхом он ждал известия. И телефон в кармане зазвонил снова.

— Это я, Дмитрий. Ракета приближается, выйдите на палубу, и вы увидите результат вашей глупой шалости. Я ее мог взорвать над Израилем в момент пуска, но не стал этого делать. Не хочу людских жертв. И сейчас мог бы опустить ее вам же на голову...

В этот момент офицеры и все матросы, бывшие на верхних палубах авианосца, увидели голову огненного змея и за ней ослепительную полосу. Ракета пронеслась над кораблем, скрылась за горизонтом, но через несколько секунд снова летела на авианосец. И так она челночила несколько раз. Дмитрий сказал:

— Адмирал! Вы хотите, чтобы я послал вашу ракету вам же на голову — и тогда она, как корова языком, слизнет все самолеты и палубные надстройки, или вам угодно, чтобы я опустил ракету в воду?

— В воду, в воду! — захрипел адмирал.

Ракета взмыла вверх и оттуда с большой высоты устремилась в море. Сначала казалось, что она летит прямо на авианосец, но у самого его борта со страшной силой ударилась в волны.

Адмирал похолодел от ужаса. Красное лицо его покрылось потом.

В телефоне вновь раздался голос:

— Адмирал! У нас, у русских, говорят: это еще только цветочки, а ягодки будут впереди...

Дмитрий сделал паузу. И добавил:

— ... если вы, конечно, будете баловаться своей допотопной техникой.

В мощные оптические приборы, установленные на крыше дворца, за полетом ракетноносца, а затем и самой ракеты, наблюдал король Хасан. Рядом с ним в плетеном кресле сидела Катя, а у нее за спиной стоял Саид. Получив у короля аудиенцию, он ее представил:

— Эта девушка помогает мне учиться. Она же родная сестра командира крейсера «Козьма Минин».

Король внимательно и пристально разглядывал русскую гостью, и то, что она была сестрой начальника экспедиции,— о нем уже подробно рассказал Саид,— королю очень понравилось, и он проявлял к ней отцовское благорасположение. Посадил с собой рядом и время от времени подносил к ее глазам оптическую трубу.

Увидев ракету, летящую на крейсер, он сильно встревожился, но тут же заметил, что летит она не на крейсер, а на авианосец. Король хотя и человек серьезный, и держит себя с подобающим величием, но и он способен радоваться, как все обычные люди. Может быть, он и не хотел такой катастрофы для ненавистного корабля, вторгшегося без приглашения в морские пределы своей страны, но ракету-то запустили сами американцы.

Затаив дыхание, он наблюдал, как ракета, пронесшись над флагманом американской эскадры, еще раз пролетела, и еще раз, а затем, взмыв в высоту, описала параболу и, как отличный прыгун, нырнула в море у самого борта авианосца.

Сцена показалась ему неправдоподобной, и он усиленно тёр свои виски. «Уж не сон ли это, а если не сон... Вот теперь раскричатся газеты! И чего только они не напишут своим читателям! Конечно же, все решат, что мне помогает сам Аллах».

Пригласил Катю и Саида в свою любимую залу, где для дорогой русской гостьи накрыли стол. Посадил ее рядом и осторожно, с восточной неторопливостью наводил разговор на её брата. Правду ли говорил ему Саид о его таинственном и божественном могуществе? И если правда, то в чем же оно заключается, его могущество? И, конечно же, очень бы хотел знать король об истории корабля «Козьма Минин», и о том, как это удалось обыкновенному русскому парню Дмитрию захватить такой корабль у Малой Азии и стать его капитаном?..

Король уже успел поговорить с послом своей страны в Москве — тот, к его удивлению, ничего не слышал о корабле; говорил и со специалистами по России — и они ничего не слышали. Как раз в это время в стране гостил странный политик из России, яростно нападавший на российского президента, но в трудные для президента дни так же яростно кидавшийся на его защиту. Но и этот флюгер ничего не знал о корабле. И американская печать о нем молчала. Что же это за корабль такой и что там у него за капитан? Очень бы хотелось королю знать все это.

Саид много уже рассказал королю, но, казалось Владыке, что в его рассказе не было и капли правды. Но может быть, эта прекрасная девушка что-нибудь прояснит?

Катя ничего не скрывала, была по-детски простодушна в разговоре с королем. Кажется, она даже и не смущалась близостью такой высокой персоны.

— Мой брат — изобретатель, он сделал какое-то открытие, которое очень важно для государства, и наш президент прислал ему своего полномочного представителя.

— И он здесь, в экипаже вашей подлодки?

— Да, ваше величество, она очень милая женщина и пошла с нами в плавание.

— А президент знает о вашем плавании? Вы ему докладывали?

— Знает, но, видимо, и не очень знает. Он болен, и Мария Владимировна старается не загружать его работой. Митя же давно собирался в плавание, и мы отплыли тайно — об этом журналисты узнали только в последнюю минуту. Мы им сказали, что пойдём к Северному полюсу, а направились в восточные моря, а потом вот — к вам.

— Мария Владимировна?

— Да, это представитель президента. Если хотите, я ее приглашу к вам.

— Нет, нет, не надо беспокоить такую важную персону, но если бы мне позволили посетить ваш корабль...

На столе лежал сотовый телефон. Катя, показав на него, спросила:

— Можно, я им воспользуюсь?

— Да, конечно. Но куда вам нужно звонить? Он берет на небольшие расстояния.

— У Мити аппарат... принимает слабые сигналы. С ним и по этому телефону можно говорить из Англии, и даже из Америки.

— О-о!.. Это чудесно. И он подал телефон Кате. Она набрала номер.

— Митя, нас с Саидом принимает король. Он бы хотел посетить крейсер.

— А ты можешь дать ему трубку?

Катя, отстранив телефон, спросила:

— Ваше величество! Мой брат хотел бы с вами поговорить.

Король взял трубку и сказал:

— Я вас слушаю.

— Ваше величество! Я прошу прощения, что без соизволения привел два корабля в ваши воды, но мы пришли к вам с благими намерениями.

— Два корабля? Но разве в наши воды зашли два корабля?

— Да, ваше величество: крейсер «Козьма Минин» и подводная лодка спортивного класса «Русалка».

— Ах, да. Конечно, конечно. Два корабля. И я рад вашему визиту. Хотел бы вам быть полезен. Готов встретиться с вами.

Дмитрий Кособоков пригласил короля на крейсер «Козьма Минин».

Король был смелым человеком — решил полететь на личном вертолете.

— Это опасно! — сказал ему Саид, сын нефтяного магната Мансура, младшего брата короля.

— Ага! — воскликнул дядя. — Трусишь ты, парень. Вот оно, новое поколение. Куда же вы годитесь?

— Не за себя боюсь. Ваша жизнь нам дорога. Вы ведь теперь лидер всего арабского мира.

— Вот потому я и не боюсь никого. Меня Аллах бережет.

Саид ушел в отдельную комнату и позвонил Дмитрию. Не сказал ему прямо, а дал понять: король полетит к нему на вертолете.

Дмитрий не сразу ответил, но, помедлив, сказал:

— Пусть будет так!

И пошел на пульт крейсера. Включил все блоки слежения за подводной, наземной и воздушной обстановкой. Но на всякий случай поставил на рабочий режим излучатель коротких электронных пучков. И тотчас же он уложил сидевшего за пультом авианосца

оператора. Но ненадолго, на несколько секунд. Тот, очнувшись, пополз к двери и, очутившись на палубе, долго и трудно дышал.

— Проклятая нечистая сила! Опять ударила в голову.

И не поднимал тревоги. Боялся гнева адмирала. Гулял у двери главного пульта и посматривал по сторонам: не идет ли какой-нибудь офицер?

Вертолет шел со стороны моря — курсом на крейсер. И что там думали сторожевые американские корабли, какие запросы летели на флагман — никто не знал, а только вертолет, как гром с ясного неба, свалился на авиационную палубу крейсера. Из него радостный и счастливый вышел король. Он, как всегда, был одет в свой традиционный армейский костюм, на голове берет. Он дружески развел руки, заключил Дмитрия в объятия.

Такая чувствительность не предусматривалась этикетом, но король видел доблести русского парня, восхищался им и на английском языке сказал:

— Дмитрий! Я бы хотел иметь такого сына.

— А я, ваше величество, был бы счастлив иметь такого отца.

И они снова обнялись.

— В моей стране,— продолжал Дмитрий,— знают и любят вас все от мала до велика. Вы подаёте нам пример мужества и чести. Мы так же, как вы, хотели бы любить свою Родину.

— Россия — страна героев. В годы войны с немцами вы спасли мир.

— В годы войны — да, наши отцы и деды были героями, но с моим поколением что-то приключилось. Мы без боя отдали свою страну жалким бродягам, и сейчас еще русский медведь спит и не может проснуться. Проснёмся ли? А, может, нам суждено погибнуть?

— Русский народ не может погибнуть. Аллах нам говорит: держитесь поближе к русским. Только русские могут быть верными друзьями.

— Спасибо вам, ваше величество. Прошу в кают-компанию.

Дмитрий предложил королю место капитана, но король сказал:

— Я немного служил на флоте и знаю законы моря: на корабле капитан хозяин и никто не может его заменить. Если позволите, я сяду здесь.

И показал на стул справа от капитана. Дмитрий узнал Владыку по фотографиям газет и телепередачам. Он и здесь был точно такой же. И даже берет сидел на крупной красивой голове так же ладно и молодецки, но вот образ короля-тирана и грубого повелителя, каким его представляли угодные Вашингтону журналисты, а в России они все такие, сразу рассыпался. Это был вежливый, мягкий и даже скромный человек, умеющий слушать и говорить, внимательно наблюдавший за собеседником. Он даже как-то умело и тонко мог прятать свое величие, не давить авторитетом. Ждал, когда говорить начнет собеседник, и, казалось, готов был выполнять его просьбы и пожелания. Но, видя, что Дмитрий не решается заговорить первым, сказал:

— Как живет ваш экипаж? Довольно ли у вас продовольствия?

Он очень бы хотел спросить, а почему у вас, русского капитана, экипаж нерусский? Но из чувства такта не спросил этого. Но Дмитрий заговорил об этом сам.

— Вы, очевидно, заметили, что экипаж крейсера нерусский?

И рассказал историю корабля, не пощадив чести флотского начальства.

— Да, я слышал, что крейсер был продан Малой Азии, но я не предполагал, что такой грозный корабль, способный быть флагманом любого флота, можно продавать иностранцам как породистого скакуна.

Тут зазвонил телефон, и Дмитрий, извинившись, поднёс его к уху. Евгений сообщал с «Русалки», что адмирал Джигарян вошел в пульт управления авианосцем.

— Ваше величество! Не угодно ли вам на несколько минут пройти в помещение Главного пульта?

— Конечно, конечно. Мне будет интересно посмотреть, как управляется корабль.

Через минуту они входили в просторное помещение, где за пультом сидели два оператора. Они встали и приветствовали короля и капитана. Дмитрий подсел к своему маленькому компьютеру; он привез его с собой на корабль и подключил к электронной системе. Второй компьютер — такой же — оставался на «Русалке». За ним сейчас сидел Евгений и был готов выполнить приказы Дмитрия, а при надобности принимать и свои решения. У них был еще и третий компьютер, но тот находился в резерве и был спрятан в сейфе «Русалки».

Дмитрий вызвал на экран кают-компанию авианосца «Эйзенхауэр». Медведеподобный адмирал словно бы забыл обо всех злоключениях, недавно у них происходивших, был дерзок и нагл. Пропившимся голосом вещал:

— Я проучу зеленого мальчишку! Билл, поднимите в воздух истребитель, и пусть он прошьет из пулемета прилетевший к ним вертолет. Как доложил мне наш резидент, на нем пожаловал к русскому шенку важный королевский посланец.

— Сэр! Мы еще ничего не знаем об электронных средствах русского крейсера. Нам бы повременить...

— Вы для жены оставьте свои советы. Выполняйте приказ. Надеюсь, ваши летчики еще не разучились стрелять. Если же не достанете вертолет из пулемета, угостите его небольшой ракетой.

Джигарян поднял руку и сделал жест: идите. И Билл пошел, но на экране дублирующего пульта, установленного в каюте, появился Дмитрий. И раздался его голос:

— Адмирал! Вы забыли мое предупреждение. Я не привык повторять своих команд.

Джигарян и все офицеры авианосца вытянули шеи, напряглись. Голос русского парня был для них страшен. Они помнили, как он вертел над их головой их же собственную ракету. Но Джигарян заорал:

— Выполняйте команду, чёрт бы вас побрал!

И Билл вышел из каюты.

Самолет взлетел тотчас же. И едва он набрал высоту, как из него катапультировался летчик — над ним раскрылся парашют. Самолет же пошел свечкой вверх, но скоро оттуда стал камнем падать. У самой воды взорвался и скрылся в пучине.

— Адмирал! — раздался голос Дмитрия.— Я пощадил жизнь летчика, но в следующий раз буду строже.

И потом, помолчав, добавил:

— Вы человек умный, а до сих пор понять не можете: ваша техника поступила в мое распоряжение. Не советую и дальше испытывать мое терпение.

И Дмитрий «ушел» с экрана авианосца. Поднялся и в покорности склонил голову перед королем. А король, не спуская с него восхищенных глаз, проговорил:

— Ты, Дмитрий, могуч, как Аллах!

Они прошли в каюту.

Дмитрий продолжал свой рассказ. Впервые он не таился, не боялся собеседника; он обычно раньше в разговоре с представителями власти,— своей власти, российской,— петлял, напускал туману и никогда ничего не открывал им. Знал, что служат они чужому Богу, и тщательно от них прятал свои открытия. Здесь же, в далекой и, казалось бы, совершенно чужой земле, он слышал родное дыхание, видел в короле близкого человека,— и это потому, что оба наши народа имели одного врага, одну судьбу, родственный характер, гордый и свободолюбивый.

На Родине, у холодных берегов Невы, Дмитрий чувствовал себя неуютно, все время ждал удара в спину и думал только об одном: как бы побыстрее закончить строительство подводной лодки и уплыть на ней как можно дальше от своей матери-Родины, ставшей для него вдруг мачехой.

Обо всем этом он рассказывал королю Хасану. И видел, как все большим теплом загораются глаза Владыки, как он благодарен этому не очень-то складному, лишенному лоска и позы русскому парню.

— Вы знаете, о чем я теперь думаю: может быть, впервые вижу перед собой русского человека. Я, конечно, встречаюсь с дипломатами, политиками,— вот и недавно у меня были два ваших видных деятеля: председатель какой-то партии Гальюновский и лидер какого-то движения генерал Гусь. Я их принимаю, благодарен им за поддержку моей борьбы с американцами, вот только не слышу в них русской души, русского характера; того самого, о котором читаю в романах Толстого и Тургенева, Чехова и Достоевского. Такой характер я вижу у вас. Мне даже кажется, что вы сошли со страниц русских сказок, русских песен и романов. Когда я видел, как снимаете с неба вражеский самолет, я думал: вот таким, наверное, был Илья Муромец; когда я слушаю вашу беседу, я поражаюсь вашей открытости и смелости и думаю: такой у них, русских, характер. Такой, наверное, и главный герой их сказок Иванушка-дурачок.

— Такой, ваше величество, такой; это вы верно подметили. Мы все русские — дурачки; верим проходимцам и сажаем их за стол, отдаем последний кусок. Они, проходимцы, потому и власть у нас всю забрали, и все имущество, накопленное отцами, к себе пригребли. Мы — дети, и все как есть дурачки, мы даже женщин своих не умеем беречь.

Дмитрий смутился и замолчал: не наговорил ли он чего-нибудь лишнего? Но нет, король не хмурится, взгляд его карих широко открытых глаз становится еще теплее. И это поощряет Дмитрия ко все большему откровениям.

— У нас, ваше величество, где-то на севере народность есть такая: хозяин, оставляя на ночь гостя, жену свою ему предлагает. И в русском народе сейчас едва ли не так же все получается: мы своих женщин не защищаем, а с легкостью отдаем чужеземцам. Завидуем вам, видя, как вы женщин бережете. Ведь святость женщин — это святость рода, племени,— это нация!..

Король, слушая молодого человека, понимающе улыбался, а Дмитрий решил, что он окончательно запутался и не знает, что говорить. И замолчал. Чувствовал, как по щекам его гуляет румянец смущения, и оттого терялся еще более. Но король пришел ему на помощь. Он, морща лоб в глубокой думе, заговорил:

— Поражает меня сила вашего ума, вы смотрите в корень, говорите о главном,— видно, так же пронизателен ваш ум и в мире техники. Вы, Митя, гений, и сами того не замечаете. И чтобы вас уберечь от всяких случайностей, я должен позаботиться о вашей безопасности. Надеюсь, вас не стеснит охрана. Я буду рад, если вы в моем Отечестве проживете долго. Считайте меня близким другом и отцом вашим. А?.. Я не слишком многого требую?..

Беседа их лилась все в том же роде, и они не замечали, как бегут минуты их счастливого общения.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Король улетал домой. Провожая его, Дмитрий показал направление вертолету, объяснил все летчику, сказал:

— Не беспокойтесь. Я пойду на пульт и приму меры. Пожимая Дмитрию руку, король с не свойственным ему приподнятым возбуждением проговорил:

— Отныне вы мой самый дорогой гость, вам будет обеспечена охрана во главе с двумя генералами. Один из них говорит по-русски и будет при вашей персоне моим представителем.

— Мне, право, неловко озадачивать вас, но я с благодарностью принимаю вашу заботу.

Они простились, и Дмитрий пошел, почти побежал к своему месту на пульте. Тут он увидел, что и адмирал Джигарян принимает меры. На взлетной площадке авианосца приготовлен ракетносец-невидимка — очень дорогой самолет, гордость американского воздушного флота. Адмирал и три высших офицера эскадры сидят в кают-компании у включенного экрана. На главном пульте в готовности номер один прильнули к своим панелям четыре оператора: полный состав счетно-решающей команды.

Дмитрий негромким и мирным голосом сказал:

— Ребята! Вижу, вы затеваете недоброе. Я не хочу вам зла — покиньте помещение пульта. Я хозяин всей вашей электроники, и пора бы вам с этим смириться. Не побуждайте меня к крутым мерам, а своего толстого и глупого адмирала пошлите к чертям собачьим. Не то получите от меня удар.

И ребята дружно поднялись со своих мест, но тут на правой стене, где размещен большой экран, высветилась туша Джагаряна и раздался его хриплый пропитый голос:

— Сидеть! Я отдам вас под трибунал, и вы будете торчать в тюрьме до второго пришествия, матка...

Адмирал не договорил: все четверо операторов повалились на пол. Удар на этот раз был слабее прежних, и ребята быстро оклемались. Но к пульту не подходили.

Дмитрий обратился к адмиралу:

— Послушайте, Джига!..

Так звали его в быту офицеры эскадры...

— Мне жалко ваших ребят, но что же делать, если ты такой непонятливый. В голове твоей мякина, и я не знаю, зачем Большой Билл...

Так звали матросы президента...

— ...назначил тебя командовать эскадрой. Предупреждаю последний раз: покорись судьбе и не рыпайся. Иначе я нанесу удар по твоим самолетам или подводным лодкам, и они все лягут на дне залива. Тебя сгноят в тюрьме, а я, как ты знаешь, не хочу человеческих жертв.

Адмирал сидел оглушенный и молчал как рыба, молчали и офицеры. А с площадки рванулся на взлет ракетносец. И в момент отрыва стал невидимым — такова у него была способность: превращаться в невидимку в момент отрыва. Эту способность давало ему редкое вещество — фулерен, открытое русским ученым Виктором Ивановичем Петриком. Америка за большую цену купила в России это вещество и сделала несколько самолетов-невидимок. Петрик предсказал такую способность фулерена, но в России в это не поверили, и вот... дали против себя грозное оружие. Дмитрий искал метод нейтрализовать такую способность американских самолетов, но средства для этого пока не нашел. Однако его компьютер «видел» невидимку и мог нейтрализовать его электронику. Что и не замедлил сделать. Летчик пытался управлять самолетом, направить его на вертолет с королем на борту, но..., к ужасу его, ракетносец на форсированной скорости летел по курсу на Каир. Через полчаса американский боевой самолет появится над Каиром и запросит там аварийную посадку. Дмитрий же адмиралу скажет:

— Ну что, Джига! Ты этого хотел? Большой Билл тебе намылит шею. А от меня получи постельный режим на недельку.

И Дмитрий нанес ему электронно-лучевой удар с расчетом вывести человека из рабочего состояния на неделю.

Его лептонная пушечка работала безотказно. Много потрудился Дмитрий над её открытием, а затем и совершенствованием. Изучал природу биотоков человеческого мозга и уловил закономерности «свечения» его клеток, составил коды и тем открыл для себя путь движения коротких электронных волн на большие расстояния. Он теперь мог наносить удары по мозгу человека, и сила его ударов может быть смертельной. Понимал страшную сущность своего открытия и решил не давать его в руки людям. Ведь научись

они, как он, наносить такие удары, и завтра же удар может получить его любимая Катя, или Маша, а там и самого его в одно мгновение отправят к праотцам. Вот это то самое открытие, которое ученый может совершить, но отдать его даже в руки своего национального правительства было бы неразумным. Эпоха таких открытий уже наступила, и тут таится опасность гибели для всего человечества. Дмитрий теперь думал над тем, как уберечь подобные средства от обладания ими враждебных сил. Решения такого, к сожалению, не видел.

Пока Дмитрий и Саид общались с королем, «Русалка» жила своей жизнью. Саид вначале оставался на лодке, затем ушел в город.

Женщины в это время были от Саида в восторге, а Маша даже высказала предположение, что Саид — сын короля, принц, и тем еще более воспламенила не только себя, но и Катюшу, которая втайне гордилась тем, что принц ее любит и стоит ей захотеть, как она и сама станет принцессой, и даже, может быть... в недалеком будущем — королевой.

А тут еще новый наряд Саида. Близость к королю обязывала быть одетым надлежащим образом. Король сам хотя и носил бессменную полувоенную форму, но не любил, когда приближенные одевались небрежно. Короли все одинаковы: они полагают, что весь мир состоит из двух половин: первая — это он, а вторая — все остальные. От всех остальных он требовал к себе уважения.

В кармане Саида появился сотовый телефон, и женщины, не спрашивая, частенько выдергивали его из новенького, пошитого в королевской мастерской, пиджака, звонили Дмитрию. Они, конечно, пользовались и телефоном командира лодки, но Петр Николаевич был всегда в капитанской рубке и ждал звонка Дмитрия.

И вообще...— капитан есть капитан. Саид свой, с ним было проще.

А однажды утром у причала появился роскошный, длинный, блестящий черным лаком, серебром и позолотой автомобиль. Маша с Катей сидели на лавочке у причала и были изумлены, увидев важно выходящего из машины Саида.

— Саид! Покатай нас по городу. Я тысячу лет не ездила в автомобиле,— крикнула ему Маша.

Он растворил дверцу заднего салона, галантно наклонил голову:

— Пожалуйста, дамы!

И они, ничего не сказав капитану, поехали.

А капитан, наблюдавший эту сцену из верхнего отсека лодки, сказал Евгению, бессменно сидевшему за пультом компьютера,— он даже и спал у пульта:

— Женя! Я отлучусь на часок.

По трапу сбежал к причалу, остановил такси и показал шоферу на черный лимузин:

— Следуйте за ним!

Шофер кивнул и увеличил скорость. Прибылов был в штатском: в белой рубашке с короткими рукавами, серых парусиновых брюках. Дальним чутьем он услышал возможную опасность и решил следовать за Саидом и женщинами по пятам; он по долгу службы отвечал за всех членов команды, в том числе и за жизнь и безопасность Дмитрия. Командир экипажа знал, конечно, что находятся они в дружественной стране, видел на компьютерном экране встречи Дмитрия с королем, слышал их задушевные беседы, но про себя думал: Восток есть Восток, тут ухо надо держать востро. Не нравилась ему и кипучая активность Саида: побывав во дворце, он стал ездить на автомобилях, и каждый раз на новом и с разными людьми. Люди эти — здоровые молодые парни, одетые в штатское, но с военной хваткой, нагловатые, бесцеремонные. И на Катю, на Машу смотрели с откровенным и чисто мужским интересом. Видел все это и Евгений и однажды сказал:

— Не нравятся мне эти парни. Они чем-то похожи на наших кавказцев.

Примешивалась тут еще и ревность. За время плавания Петр почувствовал сильное влечение к Катерине. Он знал, что такое же влечение испытывают к ней и Саид, и

Евгений, но Евгений почти в каждом порту, где они выходили на берег, получал из дома письма, и всем рассказывал, что жена его устроилась на работу, она бухгалтер и трудится в каком-то большом магазине, а прежняя страсть к наркотикам отступила, и дети очень рады и счастливы со своей любимой мамочкой. Это обстоятельство не могло не радовать его, и хотя любовь его, возникшая еще там, в Малиновке, здесь, казалось, стала неодолимой, он глубоко и тщательно прятал свое чувство, считал себя не вправе рушить свой семейный дом, под обломками которого пострадали бы его горячо любимые девочки.

Трудно было гасить в своем сердце пожар любви, но Евгений решил молчать. И он молчал. Скрывать же от всего мира это великое чувство еще никому не удавалось. И все знали, что Евгений обожает сестру шефа. И еще знали: он остается верен семье. Знала об этом и Катя. Ей тоже давно нравился этот обстоятельный человек, большой мастер-строитель и высочайший специалист электроники. Вместе с Евгением она боролась за отвращение его жены от наркотиков. И теперь с радостью ловила приветы из Питера, которые ей посылали малютки-девочки.

Вот такой сложный запутанный узел человеческих страстей стягивался все туже на маленьком пятачке спортивной подводной лодки. И здесь, в жарком восточном городе, где было так много непонятого и таинственного и где они вынуждены были жить без Дмитрия, Петр и Евгений вдруг почувствовали особую ответственность за Катю и Марию. И вот — первое испытание. Куда они устремились?.. Можно ли так легко и безоглядно доверяться Саиду?..

Черный лимузин, миновав несколько узких улочек и закоулков, вылетел на главный проспект, где было много народа и с левой и с правой стороны светились на солнце витрины магазинов, скоро свернул в переулок, а из него выкатился на простор, где дома стояли реже, и весь район походил на пригород наших небольших армянских или грузинских городов.

Зелени почти не было; лишь изредка попадались финиковые пальмы и острые, как пики, деревья — разновидность наших среднерусских елей. Снизу они были седыми от пыли, а вверху весело зеленели плотным игольчатым покровом.

Лимузин резко прибавил скорость и ушел вперед.

— Не отставайте! — тронул Пётр за плечо шофера.

— У нас мотор плохой. У них мотор хороший. Много денег стоит. Очень много! — пояснил шофер на плохом английском языке.

— Жаль. Очень жаль, — качал головой Пётр. — Мне бы хотелось знать, куда они едут.

— А это знать можем. Вон там, — вон видите, на горе дворец — брат короля живет. Богатый он человек. Много нефти в карман качает. Очень много! Его машина, я знаю.

— А сына его Саида знаете?

— Саида? Нет, не знаю. Во дворце гарем. И там много жён. И много детей. Всех можно знать?..

За три-четыре километра до въезда во дворец дорога втянулась в густую кипарисовую аллею, в стороне то тут, то там зеленели оазисы, были разбиты цветники, а возле дворца справа и слева искрились в лучах знойного солнца то ли пруды, то ли бассейны. И возле них одинокими грибами торчали цветные пляжные зонты, в беспорядке набросаны лежаки и будочки для переодевания.

Лимузин проскочил в открытые ворота, а навстречу Прибылову вышли два солдата. Попросили документы. Долго рассматривали паспорт, затем один из часовых спросил:

— Кто вы такой? Что вам нужно?

Прибылов попросил паспорт и хотел ретироваться, но часовой показал место машине и предложил пройти с ним. В каменном домике, удачно встроенном в забор, навстречу ему поднялся офицер и заговорил на дурном русском языке. Пётр объяснил, что

он — капитан русской подводной лодки и что ко дворцу подъехал без особой цели, а так, из любопытства. Офицер сказал, что он вынужден доложить о нем старшему.

Началась процедура проверок, допросов, выяснений. Она длилась чуть не до вечера и не на шутку встревожила капитана. Он не мог так долго отсутствовать и вынужден был сказать, что имеет отношение к крейсеру, прибывшему в залив, и что командир этого крейсера одновременно и его начальник. Это сообщение привело офицера в замешательство. На своем языке он что-то говорил другому офицеру, а потом к ним подсоединились еще двое,— один из них был старший, важный — он поначалу смерил Петра презрительным взглядом, но, когда ему сказали о крейсере, снова оглядел Прибылова, на этот раз растерянно и тревожно. И почтительно поклонился.

— Вы знаете командира крейсера «Козьма Минин»?

— Как это знаю! — воскликнул Петр, изрядно осмелев.— Я его заместитель! И требую, чтобы мне дали телефон. Я ему позвоню.

У Петра был такой телефон, но, уезжая, он отдал его Евгению. Сейчас же понял, насколько телефон ему необходим.

Старший офицер растерялся, не знал, что предпринять, но телефона Петру не давал. Почтительно наклонившись, спросил:

— Вам известно, что на крейсере побывал его величество король?

— Конечно, я знаю об этом! И прошу вас немедленно сообщить обо мне...

Он хотел сказать: королю, но передумал и сказал:

— Недавно здесь проехал Саид, сын брата короля, и с ним две девушки. Так вот одна из них — личный представитель президента России, а другая... сестра командира крейсера «Козьма Минин».

— Хорошо, хорошо!..— поднял руку офицер.— Прошу пройти со мной, и я вас представлю хозяину.

Брат короля генерал Мансур отдыхал после обеда, и его не решились тревожить. К Прибылову вышел сановник — похоже, очень высокий, но с видом испуганным и недоверчивым. Начал с того, что провел капитана в небольшую, расписанную цветным орнаментом залу и предложил кресло за столиком, на котором стоял фарфоровый кофейник и прибор.

— Вы русский капитан? — так мне доложили или...

— Так точно, я командир спортивной подводной лодки «Русалка».

— Но как же вы могли быть помощником командира крейсера?..

Пётр смекнул, в какое неловкое положение поставила его невинная ложь с заместительством. И тотчас же поправился:

— Да, это верно. Я заместитель начальника экспедиции. Он же командир крейсера «Козьма Минин».

Сановник таращил на Петра желтые круглые глаза и то влево наклонял голову, то вправо. Он явно затруднялся; не мог понять, как это можно быть и на крейсере, и на подводной лодке. Но, осторожности ради, решил не вдаваться в подробности, а попросил подождать и сам отправился в другие помещения дворца.

Вскоре Прибылов услышал в глубине соседнего зала чей-то резкий и властный голос, и оттуда, точно угорелый, вылетел знакомый сановник. Согнулся покорно и сделал жест рукой: дескать, проходите, пожалуйста.

Прибылов с достоинством и не торопясь прошел одну залу, другую, и перед ним растворили дверь комнаты, в которой за черным письменным столом сидел человек лет пятидесяти — смуглый, черноглазый, с проседью на висках и прядью совершенно седых волос, метнувшихся со лба и разделивших черную волнистую шевелюру на две равные части.

Человек этот сидел прямо, держался гордо и строго смотрел на вошедшего. Сесть не предложил и некоторое время выдерживал паузу, словно давая гостю оценить обстановку и собраться с мыслями.

Заговорил по-русски:

— Вы из России?

— Да, я русский.

— Офицер?..

Пётр запнулся, хотел сказать: да, офицер, но решил быть точным:

— Был офицером.

— В каких войсках служили?

— На флоте.

— Кем?

— Командиром атомной подводной лодки.

Пётр подумал: он чинит мне допрос, а я, как мальчишка, отвечаю. Потвердевшим голосом спросил:

— С кем имею честь говорить?

Хозяин кабинета ответил не сразу. С минуту прощупывал незнакомца недобрым, почти враждебным взглядом.

— Я хозяин земли, на которую вы ступили. Мне доложили, что вы имеете отношение к крейсеру «Козьма Минин»?

— Да, я командир подводной лодки, сопровождавшей крейсер.

— Вот как! Крейсер сопровождала подводная лодка? Откуда же и куда вы плыли?

— Мы шли... Но позвольте! Это уже допрос. И отвечать я не стану.

Хозяин кабинета не возмутился, не стал отстаивать свое право продолжать допрос и не открывал своего имени. Он был тут дома — и, может быть, сам генерал. Впрочем, в этом-то как раз и сомневался Пётр. Будь он братом короля, не стал бы вести себя так недружелюбно и скрывать свое имя. Капитан заговорил строже:

— Я вижу, вы принимаете меня за кого-то другого. Если у вас есть телефон, то позвольте мне позвонить на крейсер.

— Мой телефон не достаёт так далеко.

— Ничего. Телефон моего командира берет слабые сигналы.

Хозяин кабинета достал из стола сотовый телефон и, подавая капитану, уже более мягко сказал:

— Если будете говорить с командиром крейсера, скажите ему, что вы находитесь у брата короля Хасана.

Пётр набрал номер. И Дмитрий тотчас же ответил:

— Ты где находишься? Я тебе звоню на «Русалку», а тебя там нет.

— Случайно я оказался в гостях у брата короля.

— А где женщины? Они поехали покататься, но до сих пор не вернулись.

— Ты не беспокойся. Они с Саидом приехали сюда, во дворец отца Саида. Я сейчас их найду и тебе позвоню.

Петр положил на край стола телефон и некоторое время смотрел на генерала, а тот смотрел на него. Тонкие губы араба чуть подернулись слабой улыбкой, он примирительно заговорил:

— Прошу извинения. Я действительно принял вас за другого человека — за одного из террористов, которые за мной охотятся. Но теперь я вам верю и прошу рассчитывать на мою помощь. Я видел русских женщин, но не знал, что они такие важные персоны. Саид поехал с ними к себе домой. Я так думаю. Сейчас мы его разыщем.

И он стал звонить Саиду. Телефон не отвечал. В глазах шейха отразилась тревога, — вначале скрытая, едва заметная, но потом генерал стал нервничать. Позвал слуг, спрашивал, требовал, но на своем языке, и Пётр мог только догадываться, что и слуги не знали, где Саид и как его отыскать. Потом на «Русалку» позвонил Пётр. И там не было женщин, а Дмитрий, между тем, тревожился все сильнее.

Генерал поднялся и пригласил капитана следовать за ним. Они прошли по двору, посреди которого был большой бассейн, окруженный густо растущим и тщательно

подстриженным кустарником. Были тут цветники и деревья, похожие на киевские каштаны.

Сели в машину и поехали. Впереди шли еще две и три следовали сзади. Пётр уже слышал, что брат короля, отец Саида, владеет нефтяными промыслами и очень богат. У него несколько миллиардов долларов и много дворцов у себя на родине и за границей. Он сейчас был сильно взволнован, почти взбешен, и это его волнение наводило Петра на самые мрачные думы. У него холодело сердце от мысли, что с женщинами могло что-то случиться.

Генерал сидел в левом углу салона, Пётр в правом. Ехали на большой скорости, на очень большой — почти самолетной. И это еще более усиливало тревогу капитана.

Справа то приближался, то удалялся от них берег Тигра. Вдали у подножья плоских и невысоких гор рисовался огромный завод. Пётр сказал:

— Я вижу, и у вас есть большие заводы?

— Да, есть, но, конечно, не так много, как в России. Я недавно был в Омске и осмотрел нефтеперерабатывающий завод. Очень большой и современный, но там рабочие не получают зарплату. Я этого не понимаю. Мы платим регулярно, и зарплата у нас высокая. Почти каждый рабочий имеет автомобиль и собственный дом. Завод принадлежит мне, и я хотел купить еще и ваш завод, но в Москве нет согласия между министрами, и сделка не состоялась.

Генерал наклонился к Петру, тревожно, горячо спросил:

— Правду ли мне рассказывал Саид, что ваш капитан может помешать бомбардировке моего завода?

— Да, может. И вы не беспокойтесь. Но скажите мне, ваше величество: с нашими женщинами ничего не случится?

Мансур ответил не сразу:

— Саид дорого заплатит!

За него вступился Пётр:

— Саид — член нашего экипажа, он привез моему командиру какую-то мазь и помог ему излечиться от тяжелой болезни. Нам будет неприятно, если вы его накажете.

— А скажите, правда ли это, что одна из женщин — представитель президента России, а другая — сестра вашего капитана? Мой сын — порядочный балбес и может хорошо фантазировать.

— На этот раз он говорил вам правду.

— Но зачем же при вас представитель президента?

— Наш начальник — великий ученый, его берегут и охраняют. О его передвижениях все время сообщают президенту.

Генерал кивал головой и мрачнел еще более. Очевидно, он допускал возможность какой-то неприятности, а, может быть, и беды.

В густом лесном оазисе показался желтый, похожий на раскаленный солнцем камень, небольшой дворец. Двери, ведущие в усадьбу, заранее растворились, и машина подкатила к главному подъезду.

— Вы посидите здесь,— сказал Мансур капитану. А сам взбежал по лестнице.

Его долго не было, и Пётр уже терял терпение. Никогда еще ему не приходилось так переживать и нервничать, как в эти минуты. Если уж сам генерал не может помочь ему, значит, тут что-то нечисто.

Сложность ситуации нельзя понять, не зная отношений, сложившихся между людьми, живущими на этом пятачке земли. Территориально Мансур был близок к шейхам арабского района, доводился кому-то из них племянником, и сам был шейхом, но шейхи находились в оппозиции к королю Хасану. Однако Мансур был дружен со своим братом, служил ему верой и правдой. Он поэтому испугался, как бы люди соседних шейхов не захватили с собой русских женщин,— тогда бы король Хасан во всем обвинил бы Мансура.

Наконец в дверях в сопровождении шейха появились Мария Владимировна и Катя. Завидев капитана, они обрадовались, а Катя даже бросилась к нему на шею. И даже заплакала, но тут же справилась с волнением и сказала:

— Ничего, ничего. С нами все в порядке.

Маша заметила:

— Мы только поскучали в плену у Саида.

— А где Саид?

— Вот этого мы не знаем.

Шейх был мрачен. Он тоже не нашел Саида и, по всему видно, был им сильно недоволен.

Шейх Мансур предложил ехать в город на его машине. Слуги растворили дверцы, показывали места гостям. И, когда весь кортеж тронулся, шейх попросил у капитана номер телефона командира крейсера, вызвался сам позвонить. И сказал ему так:

— Господин капитан крейсера Дмитрий. Звонит генерал Мансур. Мне доставляет удовольствие сообщить вам приятную весть: мы разыскали ваших очаровательных дам и возьмем их в город. Пользуясь случаем, приглашаю вас посетить нас во дворце Секвойя. А сейчас передаю телефон...

Шейх посмотрел на дам...

— Мне дайте, мне!...— тянула руку Маша. И, когда телефон оказался у нее, радостно закричала:

— Митя!.. Мы не видели тебя тысячу лет. Когда ты к нам прилетишь?

— С вами все в порядке?

— Все, все!.. Вот тут и Катя. Заждалась своего братца. Скажи ей пару слов.

Катя взяла телефон. И говорила не так восторженно, но с той же теплотой и любовью. Отвечала на его вопросы:

— Саид?.. Он оставил нас в своем доме, а сам ушел. Куда? — не знаем. Он захватил нас в плен, и мы с Машей им недовольны. Но ничего, мы готовы его простить. Ну, что ты, Митя. Саид — хороший парень. Тут просто какое-то недоразумение. Ты скоро к нам прилетишь?

— На чем? У меня нет вертолета.

— А ты попроси у короля. Не хочешь? Тогда мы закажем в частной компании.

Шейх улыбнулся, в глазах его блеснуло торжество силы. Он протянул руку за телефоном. И сказал:

— Господин капитан Дмитрий. Запишите мой телефон и звоните по любому поводу. Вам нужен вертолет — пожалуйста. Пришлю свою личную машину.

Дмитрий попросил вертолет на завтрашнее утро. И пригласил шейха к себе на подводную лодку.

Кавалькада машин прибыла на пристань, где в стороне от множества судов под разными иностранными флагами, в уютном местечке у дощатого причала, покачивалась на волнах «Русалка». Верхний отсек, точно всадник на скакуне, плотно сидел на спине черного, блестящего от воды корпуса лодки. «Русалка» хотя и была размерами много меньше боевых подлодок, но всем своим видом напоминала боевой корабль, какие в последнее время оснащались атомными и водородными бомбами, ракетами страшной силы.

Капитан Прибылов пригласил шейха на корабль отпить чашечку кофе, но шейх отказался, пообещав приехать завтра, как сговорился с Дмитрием.

Беседуя с капитаном и прощаясь с дамами, он опытным наметанным глазом оглядывал молодых людей, зорко за ними наблюдавших и так же назойливо шнырявших возле шести машин его эскорта. Несколько поодаль заметил знакомое лицо — то был генерал из очень близкого королю клана. Генерал не спешил подходить к шейху, а лишь кивнул ему и улыбнулся. Шейх взмахнул рукой:

— Привет, Закир! Иди же сюда. Что ты стоишь, как деревянный?..

Закир оглядел сновавших тут повсюду молодых, атлетически сложенных парней и вялым неуверенным шагом приблизился к шейху. И сказал тихо:

— Ваше величество! Я при исполнении...

— А-а... Понятно. Теперь мне все ясно: братец принял свои меры, выставил такую охрану, что к лодке и мышь не проскочит. Но, надеюсь, не от меня же охраняют русских ребят?

— Нет, ваше величество, конечно, не от вас, но к нам залетела такая важная птица, которой мы еще никогда не видели. Это вас мы сюда пропустили, да и то взяли на себя ответственность. Что же до других — кто бы они ни были — хода тут никому нет. И порт в этом районе уже очищают от кораблей. По дну реки кругом ползают водолазы, под воду спущены батискафы... Словом, меры приняты самые крутые. А этой ночью и завтра будет усиленный режим.

— Да, завтра сюда прибудет командир крейсера. Я пошлю за ним вертолет.

Последние слова шейх произнес с нажимом,— дескать, я-то в курсе всех дел и от меня можете ничего не скрывать.

Кивнул генералу и сел в машину.

На пути во дворец шейх связался с братом, и по тону, и по всему строю речи почувствовал, что король недоволен его вмешательством, но Хасан, видимо, понял, что русский капитан постеснялся обратиться к нему с просьбой и воспользовался удобным случаем попросить шейха. Впрочем, отношения у короля с шейхом были вполне братскими, и он одобрил намерение Мансура посетить «Русалку».

Катя и Мария встали рано и принялись готовить салаты, поставили тесто для блинов, послали капитана на рынок за сметаной.

В восьмом часу на пристань приехал Саид, но его на лодку не пустили невесть откуда взявшиеся тут крутые парни в штатском. Он еле упросил позвать капитана и, когда Прибылов, одетый в яркую форму капитана третьего ранга русского флота, показался на пирсе, замахал ему рукой:

— Капитан Петя! Меня не пускают!..

«Капитан Петя» подошел к нему и, взяв за руку, повел на лодку. Охрана перед ними расступалась, почтительно наклоня головы.

Здороваясь с Катей и Машей, Саид краснел, заикался и что-то лепетал в свое оправдание.

— Мы отлично отдохнули в твоём...— Маша запнулась,— в вашем девичнике. Очевидно, там живут ваши сестренки — им можно позавидовать.

Катя уловила шуточный тон Марии, продолжала:

— Если и есть рай на белом свете, так это там... ну, где вы нас оставили.

— Нам тоже предлагали там остаться. Это было так мило с их стороны, да и с твоей — тоже. Там, конечно, нет мужчин и нам было бы скучновато, но зато сколько милых девочек! И все такие красотки.

Саид слушал, молчал, краснел и не знал, что отвечать. Что-то сказал насчет родственниц, упомянул какую-то школу, но все его доводы выглядели неуклюже.

— А скажи, пожалуйста,— не унималась Маша,— в этой твоей школе всем находится место или по выбору? Судя по тому, какие там красотки, учениц отбирают тщательно. Все они молодые, старшая из них лет двадцати. Вот Катерина в самый раз. А мне уж... путь туда закрыт. Ну и красотки! Глаза, точно сливы, большие и, как ночь, черные. А вот у Кати — синие. Не подошла бы. Разве что для разнообразия.

— Маша! Перестань,— сказала ей Катя. Она видела, как страдает Саид, и ей стало его жалко. Она была оскорблена и обижена своеобразным гостеприимством Саида, готова была забыть неприятный инцидент. Маша же, видимо, не хотела так быстро забывать обиду. Не было желания мстить Саиду, но и былого сердечного расположения к нему у

нее уж не осталось. Она не знала, что преследовал Саид, показывая им свой гарем, но от посещения его дворца остался у неё неприятный осадок.

В десятом часу к стоянке «Русалки» подкатила кавалькада шейха; его у трапа встретил в парадной форме капитан Прибылов и провел в кают-компанию. Здесь на середине стола в большой и красивой вазе ярко алел букет цветов. Женщины были на кухне. Саид вышел из своей каюты, приветствовал отца, но шейх нахмурил брови и не ответил на его приветствие. Всем стало ясно, что Саида ждет суровое наказание. Капитан обратился к шейху:

— Ваше величество! Саид — член нашего экипажа, и сейчас его ждут дела. Позвольте...

— Да, да — я не возражаю.

Саид пошел на пульт помогать Евгению. Там на большом экране засветился аэродром и бегающие по нему пилоты в американской форме.

В телефоне раздался голос Дмитрия:

— Я подлетаю к городу. Что вы видите на большом экране?

— Аэродром и самолеты. Летчики готовятся к вылету.

Капитан Прибылов почувствовал неладное, подошел к двери пульта. Отсюда был виден большой экран. Он начинал светиться лишь в тех случаях, когда складывалась тревожная обстановка и от оператора требовалось вмешательство. К нему приблизился и шейх. Он словно бы чувствовал надвигающуюся беду, жадно вглядывался в экран. Не заметил, как по трапу спустился только что прилетевший Дмитрий и сел за пульт компьютера. Не поворачивая головы, сказал:

— Мерзавцы! Все-таки решили нанести удар по заводу.

Слово «завод» электрической искрой пронзило мозг шейха. Американская армада с момента, как она вошла в залив, решала вопрос, по какой цели нанести удар: по городу или заводу? И вот — свершилось: сейчас они поднимутся и возьмут курс на завод.

Прибылов шепнул Дмитрию:

— Сзади шейх, приехал в гости.

Дмитрий повернулся к генералу, представился:

— Начальник экспедиции и командир крейсера.

Пожали друг другу руки. Дмитрий показал на экран:

— Сейчас взлетят. Пойдут курсом на завод, на ваш завод.

И вновь сел за компьютер. На этот раз у него была серьезная трудность: он во все программы заложил авианосец «Эйзенхауэр», раскрыл все коды кораблей, подводных лодок, а тут — аэродром какого-то государства. По всему видно — израильского.

Благо, что электронная система этого аэродрома была им раскрыта. Оставалось узнать высоту, курс и скорость, но эти данные компьютер лишь снимет после набора самолетами высоты.

И вот — взлет. Данные есть. Дмитрий наносит удар по всем самолетным компьютерам, в одно мгновение стирает их программы. Ракетносцы потеряли строй, шарахаются то в одну сторону, то в другую. Головной клюет носом, он будто пьяный. Потом из них точно мешки валятся летчики. И над ними раскрываются парашюты. Катапульты выбрасывают девятого, десятого... наконец, одиннадцатого... Это командир эскадры. Дмитрий выстраивает самолеты в линию. Возвращает в небо страны, пославшей их сеять на арабской земле смерть. Здесь они проносятся с громом и предельной скоростью над крышами домов. Делают один круг, другой, повергая в панику жителей. И затем уносятся курсом на залив, на американскую эскадру.

Шейх Мансур замер в напряженном ожидании. Саид рассказывал ему о чудесах, творимых русским парнем, но то, что он видел на большом во всю стену экране, поражало его и казалось нереальным. Подумал и о том, что спит, тряхнул головой,— да нет же, все он видит наяву. Самолеты летят, и сзади каждого из них все отчетливее проступает белый шлейф. То полосы разогретого воздуха хороводом фантастических змей стелются по небу.

— Скорость! Я им даю максимальную скорость,— негромко проговорил Дмитрий. И потом добавил: — Может быть, они начнут взрываться в воздухе.

И как только он это сказал, головной самолет, взявший особенно большую скорость, вспыхнул бенгальским огоньком, и снопы искр посыпались к морю. Взорвался и второй, и третий... Остальные, приблизившись к авианосцу, свечками взмывали в высоту, там делали горку и камнем летели вниз. И так поочередно, один за другим. И, как снаряды, вонзались в воду. Рядом с авианосцем, в ста метрах от него. Гигантская туша корабля лишь вздрагивала от каждого падения.

Дмитрий вызвал на экран кают-компанию авианосца.

— Джигарян! Все эти самолеты на вашей совести. Летчиков я вновь пощадил. Парни не виноваты; дома их ждут матери и жены. И вас пощадил: уложил самолеты рядом с авианосцем. Но однажды, когда мое терпение иссякнет, я пошлю самолеты вам на голову.

Повернулся к шейху:

— А теперь, ваше величество, прошу к столу.

И они направились в кают-компанию, где хлопотали Катя и Маша. Настроение у них было безмятежное, они и не догадывались о только что закончившемся сражении, в котором их обожаемый Митя в очередной раз оказался победителем.

Завтра об этих чудесах в жарком небе арабского Востока будут рассказывать все газеты мира.

По-нашему царь, генсек, по-западному президент, а у них король, шах, шейх — вот кого угощали сегодня Маша и Катя. И, конечно же, они волновались и смущались: вдруг не понравится салат, не по вкусу придутся блины?..

Молчали, стеснялись высокого гостя члены экипажа «Русалка», не смел заговорить первым Саид, а шейх по древним правилам арабского этикета ждал, когда заговорит хозяин. И только Мария мало думала о правилах, этикете,— угощала гостя блинами, пододвигала вазу с салатом, щебетала:

— Не судите нас строго, ваше величество, мы ведь не каждый день принимаем у себя королей, угощаем вас старинной русской едой — блинами.

— Признаюсь вам честно: никогда не ел блинов,— заговорил шейх,— и не понимаю, как это ваш писатель Крылов отравился блинами.

— Не отравился, а объелся, но и это неправда, ваше величество. Биографии русских писателей у нас чаще всего пишут нерусские люди, а вот из тех же, которые прислали вам в залив корабли,— они уж и не знают, как унижить и оболгать русских писателей.

— О-о... Вы очень образованны. У нас такие женщины встречаются редко.

— Но, может быть, им не очень-то и нужна образованность?

— Женщина красивая, да если еще и образованна... У нас богатые люди таких женщин выбирают себе в жены в Англии, да во Франции, но теперь там женщины пьют вино, курят, пристрастились к наркотикам. Нам придется ехать к вам в Россию выбирать себе жен.

— В жены надо брать свою родную женщину, тогда и нация будет сохраняться,— сказала Мария, мало заботясь об изящности и форме выражения своих мыслей.

Шейх склонился над тарелкой, он и сам был того же мнения, но то, что об этом говорила женщина, его, конечно, удивило, но он был ей благодарен за то, что она так просто и весело заполняла неловкую паузу, создавала обстановку непринужденного общения. Шейх, бывший на вершине власти и имевший огромное состояние, привык к мистическому поклонению, к трепетному отношению со стороны женщин, особенно его многочисленных жен, а тут обыкновенная русская,— правда, она представительница президента, но в это шейх пока еще до конца не верил,— и так просто, и даже будто бы с чувством снисходительного превосходства, с ним беседует.

В душе восточного владыки бушевали чувства, которые он едва сдерживал. Его распирало желание чем-то отблагодарить богоподобного человека — таким он сейчас представлял себе Дмитрия — сказать ему самые нежные слова признательности за то великое, что он только что на его глазах совершил для него, и для его страны, и для всего арабского мира... Но он не знал, как это сделать.

Обращаясь к Дмитрию, сидевшему рядом, шейх сказал:

— То, что я увидел — поразительно. Вы спасли завод и меня от разорения. Ведь если бы его разбили, нам не хватило бы никаких денег, чтобы его восстановить. А без него не могут жить все страны Персидского залива. Без него мы все обречены на нищету.

— Я старался, ваше величество,— проговорил с улыбкой смущения Дмитрий.— Мы рады, что оказались вам полезными.

— Но мне не дает покоя вопрос: если Россия имеет в своем распоряжении такое могущество, почему же она стоит на коленях, унижается, просит у Запада помощи?..

— Россия ничего и ни у кого не просит. Она настолько богата, что может и сама одарить целый мир. Но у нас во всех коридорах власти слишком много нерусских людей — они служат больше Америке, чем России. Вы, может быть, слышали про таких?

— Да, да, да,— поднял руки шейх и рассмеялся.— Я кончал Московский университет, и мне не надо объяснять такие истины. Мы тут все это понимаем, но хотелось слышать из ваших уст...

— Ну, вот вы и услышали,— сказала ему Маша, подкладывая очередную стопку блинов.

Шейх, глядя на нее, лукаво заметил:

— А вот вы русская, а и вам доверяет президент.

— Доверяет, это уж верно. Но муженек-то у меня — из той же шайки.

Шейх, словно мальчик, всплеснул руками. Воскликнул:

— Ах, вот она разгадка всех загадок! У нас ведь та же история! Стоит взять в супруги... и вас будет поддерживать Америка. Слава Аллаху!.. Молись ему, и он вразумит тебя мудростью веков.

— У вас Аллах, у нас Христос,— продолжал Дмитрий,— а он, Христос, вон еще когда их сынами дьявола назвал.

Шейх вышел из-за стола, торжественно произнёс:

— Сегодня у меня самый счастливый день. Я встретил человека, которому рад поклоняться. Скажите мне, что я для вас могу сделать?

Дмитрий, пожимая шейху обе руки, сказал:

— Наступает время, когда мы, русские и арабы, должны быть вместе. И китайцы, и индусы должны объединиться с нами. Иначе нас ждёт рабство. У нас разные религии, но Бог един, и воля его одна.

Шейх пожимал Дмитрию руки и смотрел на него со слезами на глазах. Он едва сдерживал порывы любви и благодарности.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Наступила осень, но не та осень, которая бывает у нас в России. Жара спала, но в ясные солнечные дни тут по-прежнему тепло и на многочисленных пляжах Тигра можно загорать, как у нас в Крыму или на Кавказском побережье. Ветреные дни редки, и лишь по ночам со стороны Персидского залива заметно тянет влажной освежающей прохладой.

Экипаж «Русалки» теперь живет в небольшом роскошном особняке — любимой городской резиденции шейха Мансура. Всемогущий шейх отдыхал здесь от житейских бурь, редко принимал женщин и лишь приглашал сюда близких друзей, да иногда уединялся с королем. Мысль о том, что он когда-нибудь и кому-нибудь надолго, а уж тем

более, навсегда презентует этот роскошный маленький дворец, могла показаться ему нелепой, а потому и никогда не приходила в голову. А тут он вдруг воспламенился желанием подарить Гнездышко Мана — так по имени шейха называли в городе дворец — русскому парню Дмитрию. И сделал он это по-восточному. Пригласил Дмитрия во дворец, тот восхищенно оглядывал вазы, картины, лепные орнаменты и все говорил: «Какая красота!».

— Вам нравится? — спрашивал шейх.

— Как же может не нравиться такое чудо! Да я такого великолепия никогда не видел.

— Петербург — город дворцов, я давно мечтаю побывать у вас. Неужели и там нет таких домов?

— Есть, конечно, но я не все дворцы видел. Да, пожалуй, у нас и нет такого.

— Ну, если мой дом так вам понравился, я его дарю вам.

Дмитрий уставился на шейха своими круглыми голубыми глазами.

— Ну, зачем же? — только и мог сказать.

— Как зачем? Пусть и в нашей стране будет у вас дом. Это же счастье, если вы и ваши друзья обретете у нас жилище.

Дмитрий опустил в раззолоченное кресло, задумался.

— У меня есть немного денег — я бы, если мне позволит король, купил в вашем городе домик. Не такой, конечно, а маленький, в каких живут простые люди. Я, ваше величество, признаюсь вам: не желаю возвращаться на Родину, пока там хозяйничают чуждые мне люди. Вчера я смотрел телепередачу из Турции, тамошний журналист сказал: в Кремле сидят люди Ельцина, русский народ им не доверяет. Я не очень хорошо знаю историю своей страны, но, кажется, не было еще, чтобы нами правила такая гнусная нерусь.

Шейх сел с ним рядом, хлопнул в ладоши и вошедшему слуге велел принести кофе. А Дмитрию сказал:

— Митя, друг мой сердечный, мы с братом королем много думаем о вашей стране, мы русский народ не осуждаем. Он, как и наш, как и многие другие народы, а ваш — особенно, доверчивый, он как дитя: ему говорят, а он верит. А в наш век, когда негодяи всех мастей так наторели: у них газеты, телевидение... в наше-то время обмануть людей ничего не стоит. Вот они и надули вас. Поманили к хорошей жизни, расставили капканы, а вы и отдали власть чужим людям.

Шейх плохо знал русский язык, он, конечно, говорил иначе, но Дмитрий для себя его речь переводил именно так.

— Что же, ваше величество, покориться нам, что ли?

— Ну, что ты, Митя, как можно! Да так и думать нельзя. Русский народ долго еще кашлять будет, много сынов он своих изведет, но настанет время прозрения. Не знаю уж, как это будет конкретно, но, что прозреет он, мы в это верим. Стальную ленту, чтобы она распрямилась, согнуть нужно. И чем больше будут ее сгибать, тем она быстрее на место встанет, и при этом звон издаст. Так и народ ваш: его сейчас злые силы через колена гнут. Гнут, но сломать не смогут. Ну, а если уж вас вселенские бродяжки одолеют... нас-то они скоренько живьем в мешок побросают. Арабский мир сейчас ослаблен, он на тысячу злобных сект разделен, они, фанатики, готовы всем неверным головы рубить. Но лидер наш король Хасан, и весь наш мир разумный, мудрецы-старцы наши с надеждой на славян смотрят. У вас и техника, и культура, и ум под светлыми волосами вашими великую силу имеет,— с вами мы пойдем, за вас держаться будем. В каждом из вас воин затаился. Помню, я в молодости кино ваше смотрел — «Александр Невский». Вот ведь вы какие!

— То прадеды наши. А у нас-то... был дух, да весь вышел.

— Нет, Митя, дух из нации не выходит. Он с генами передается. Русский он и есть русский. И никогда он ни грузином, ни турком не будет. Нам так Аллах говорит. И еще он говорит: русские — ваши друзья. В древности мы братьями были. Ну, вот, Митя, мы в вас

верим, а в тебе вера дрогнула. Себя ты не знаешь, а мы тебя узнали и вон как полюбили. А теперь...

Шейх поднялся, порылся в кармане и что-то маленькое, блестящее протянул Дмитрию:

— Вот тебе ключ от дома. Золотой ключик. Им ты будешь открывать мой тайничок, а дом тебе камердинер открывать будет. Дом свой и все, что в нем находится, дарю тебе в вечное пользование. И не возражай. Обижусь. Ты, Митя, и не такого подарка от нас заслужил. И народ наш всю твою жизнь одаривать тебя будет.

И они пошли к выходу.

Кабинет, спальня и еще три комнаты разного назначения — здесь разместился Дмитрий. Он теперь готовил особо важную операцию: решил «выпотрошить» еще сотню самых богатых магнатов России. Количество денег у них поражало: некоторые были богаче шейха Мансура, держали вклады в пяти, а то и в семи банках мира. Дмитрий еще там, в Питере, начал собирать о них сведения, здесь же завершил этот сбор, составил подробную программу и ввел ее в компьютер. Он даже знал сумму налогов, которые платил каждый из его клиентов.

Как всегда, операцию Дмитрий начал за полночь в первом часу. Набрал код под названием «Воздушный поцелуй». И нажал заключительную клавишу.

Атака его пошла с крошечного острова в Тихом океане Норфолк. И тотчас же всполошила шестьсот пятьдесят банкиров, по которым ударил Дмитрий. Со счетов слетели миллиардные суммы. И куда они пошли — был секрет, заложенный в программу компьютера. Те же банки в России, которые получили деньги, мгновенно и автоматически перевели их в конкретные адреса. Эти же адреса так же автоматически перевели вклады другим клиентам с приказанием немедленно приступить к реализации. Словом, «пошла писать губерния». И Дмитрий будет две недели наблюдать за распределением денег, посылать грозные приказы от имени Центробанка России. И будет штрафовать, наказывать каждого, кто захочет «поддержать» валюту, снять с нее так называемый «навар», то есть использовать в своих целях. Конкретных адресов, в которые посылались деньги, было несколько тысяч: города, заводы, институты... даже отдельные детские сады.

Началась длительная, изнуряющая операция. И в эту первую ночь Дмитрию удалось заснуть лишь под утро. А на обед его, как всегда, будила Маша. Она тихонько вошла в кабинет и села у изголовья на диване. Провела рукой по волосам. Дмитрий слышал нежное прикосновение ее рук, но глаза открывать не торопился. Хотелось продлить ни с чем не сравнимое удовольствие.

— Митенька! Вставай. Опять работал допоздна!..

Дмитрий открыл глаза, поцеловал руку Марии.

— Я не хочу есть.

— Все равно: вставай. В столовой тебя ожидает шейх.

Дмитрий поднялся и минут через десять был уже в столовой. Шейх встал и пошел ему навстречу: Дмитрий был единственным в свете человеком, которого он приветствовал стоя и к которому шел навстречу. Обожание было мистическим. Шейху иногда казалось, что в образе Дмитрия в его доме поселился молодой Аллах. Во всех других случаях высокомерный и недоступный, он в присутствии Дмитрия смирялся и забывал даже свое возрастное преимущество. С Дмитрием он был равным, и это доставляло ему удовольствие.

Маша сказала, что на улице неподалеку от дома дефилируют гости из России: лидер карликовой партии Гальюновский и лидер еще меньшего движения любителей пива генерал Гусь.

— Они хотят видеть тебя,— сказала Маша.

— А ты к ним выходила?

— Да, конечно. Была с ними в кафе, послушала новости. Они передали мне привет от многих друзей.

— От подельников твоего мужа?

— Не от подельников, а от друзей.

— У жуликов друзей не бывает. У них — подельники.

Шейх с удовольствием слушал острую, как бритва, речь Дмитрия. Она так не вязалась с восточной этикой поведения и была забавной. Так откровенно и бесхитростно говорят у них дети. Устами Дмитрия, полагал шейх, говорит само Божество. Ведь Богу не надо никого бояться и стесняться: Он вещает истину и в том состоит Его величие.

— Что нужно этим мерзавцам? — спросил Дмитрий.

— Митя! — увещевала Маша.— Ты хоть постесняйся его величества. Он их принимал вчера, и они мило беседовали.

— Но откуда ты знаешь, как беседовал с ними его величество?

— Они мне рассказали.

Шейх улыбался; он действительно принимал русских гостей и беседовал с ними дружелюбно. Ведь они поддерживают арабов, хорошо говорят о короле Хасане и о нем, шейхе Мансуре, тоже не однажды высказывались, и каждый раз лестно.

— Я знаю, зачем они к вам напросились: им нужны деньги.

— Но если русским друзьям нужны деньги, почему бы и не дать им?

— Вы им даете деньги, а они вредят русскому народу. Они — предатели!

— Ну, Митя! — воскликнула Маша.— Ты слишком категоричен. И, мне кажется, не прав. У них сложное положение, им приходится крутиться.

— Они мерзавцы! Ну, ладно. Если их удостоил аудиенции его величество, то и я в знак солидарности приму их. Был бы рад, если бы вы, ваше величество, согласились присутствовать при нашей беседе. Тогда, может быть, вы измените о них свое мнение.

Маша обрадовалась и пошла звать гостей из России.

Прост, прост наш Митя, а и не очень. Не сразу вышел в розовую залу, где был накрыт стол для обеда. И весь экипаж уж сидел за столом, и даже Евгений пришел из подполья,— там установлен его компьютер,— и он занял свое место у высоченного цветного окна. Сидели тут и гости: Казимир Гальюновский, разбухший от сладкой еды и самомнения, еще недавно рвавшийся в президенты, а теперь поутих, словно из него выпустили воздух, и генерал Гусь с лицом квадратным и мясистым, так что глазки его зеленые, как у волка, едва светились из-за густых бровей.

Митя выдержал некоторое время,— пусть подождут! — и затем они с шейхом показались в дверях кабинета.

Политики рванулись было навстречу, хотели поздороваться, обняться,— соотечественники ведь! — но Дмитрий холодно кивнул им и сначала усадил шейха на почетное место, а затем сел и сам.

Дмитрий был принципиален: с врагами Отечества дружбы не водил, не лобызался. На гостей не глядел. Обратился к Евгению:

— Говорят, жена твоя Ирина письмо прислала, фотографии девчушек показал бы!

Евгений достал из кармана фотокарточки своих дочек и подал Дмитрию.

— Ах, шалуны! Как же они прелестны. Да ты, Женя, счастливейший человек!..

И Дмитрий показал фотографии шейху. И тот восхитился очарованию двух малюток.

— Да, господин Евгений, у вас действительно прелестные дети. Вы, конечно, скучаете по ним. Если они приедут к нам, я берусь устроить им отдых на берегу залива или на наших речных пляжах.

— Благодарю, ваше величество! Это пока не входит в мои планы. Жена моя работает в банке, а у нас новые банкиры не любят отпускать сотрудников на отдых.

— Да уж! — загремел басом генерал Гусь.— Банкиры наши еще тот народец! Я бы их всех на осине вздернул!

— А как же с супругой вашей? Она ведь тоже банкир.

— Враки все это! Журналисты выдумали.

— Ну, нет! — возразил Дмитрий.— Мы вашу супругу знаем. Она в Одессе русско-израильский банк основала, и капиталец у нее сейчас обращается кругленький: в полтора миллиарда долларов. Да вот и господин Гальюновский часть своих денежек у нее на счетах держит. И годовой процент, словно ручеек, набегаёт: сорок пять тысяч долларов. А? Ничего процентик?..

Гальюновский хотел возразить резко, до поросячьего визга, и даже водой в лицо Дмитрия плеснуть, как это он позволял себе на родине, но, взвесив все обстоятельства, промолчал. Это ведь «дьявол» — не человек; он может вклады его во всех банках потрясти. Уж лучше не задирать. Сидел, опустил голову. И даже покраснел малость. Гальюновский тоже мог краснеть, хотя, разумеется, и не сильно.

Шейх сосредоточил внимание на еде; манера Дмитрия резать противника без ножа его забавляла все больше. Не понимал он гостей из Москвы: они пасовали откровенно, трусили и виляли хвостом. Будто нашкодившие дети, с мольбой глядели на родителя и просили пощады. Вот уж политики — в чистом виде. Ради достижения своих целей готовы ужом стелиться. Но что это за цели?..

Вспоминал свою с ними встречу: весь разговор крутился вокруг денег: оппозиция бедная, она ничего не может — нужны деньги. И хотел уж перевести им солидную сумму, но теперь... повременит. Однако чего они хотят от Дмитрия? Ведь у него-то денег нет.

Шейх боялся, что они смают Дмитрия домой. И вместе с ним в Россию уйдет крейсер «Козьма Минин». Он стоит у берегов его страны как грозное предупреждение. Шейх давно слышал о чудовищной силе русского корабля, о каких-то лазерных пушках, электронном и лептонном оружии. Лептонное оружие будто бы бесшумно поражает врага. Это оружие страшнее водородной бомбы, действует оно на мозг человека. Король Хасан и он, шейх Мансур, подозревают, что такое оружие на письменном столе Дмитрия. У него в маленьком невзрачном компьютере заключена и другая сила — тоже никому неведомая: электронная. Большая часть кораблей уж ретировалась из залива, ушел в свои воды и весь отряд атомных подводных лодок. И адмирал Джагарян отозван в Штаты. Им сильно недоволен Большой Билл. И на его место прислал другого адмирала, будто бы своего дружка Сержа Крамера.

Так что же они хотят, эти лидеры карликовых партий?..

Гальюновский поднялся, торжественно возвестил:

— Кремль поручил мне сообщить вам приятную весть: Мария Владимировна повышена в должности; президент предоставляет ей чрезвычайные полномочия. Вы, Мария Владимировна, возводите в ранг посла.

Из папки вынул красную книжицу с золотым двуглавым орлом на лицевой стороне:

— Вот вам новое удостоверение личности.

Мария Владимировна, получая документ, поблагодарила за честь и доверие и сказала:

— Наверное, Кремль требует нашего возвращения домой?

— Да, конечно. Вы и так загостились. Дмитрия Михайловича назначают директором Петербургского института слабых токов.

— Демократы хотят, чтобы я застрелился? У нас в России директора институтов сейчас стреляются — от безденежья и от голода. Нет уж, дудки вам! Я домой не поеду. Вы отняли у меня и дом, и Родину. А если король Хасан и шейх Мансур откажут мне в гостеприимстве, я переберусь на крейсер и превращу его в плавучую крепость. Это будет второй «Летучий голландец», но только уж такой могучий, что никакая сила нас не возьмет.

Наступила тишина — длительная, гнетущая.

Генерал Гусь, сделав безуспешную попытку улыбнуться, возразил:

— Вы, очевидно, шутите, Дмитрий Михайлович. Мы — оппозиция демократам, а вы нас с ними в кучу...

— Оппозиция — да. Сидите у президента в кармане и твякаете, но так — негромко и беззлобно, чтобы никого не напугать. А когда надо было антинародную конституцию поддержать, вы, Гальюновский, прыгнули на сторону президента. И вы, генерал, на недавних выборах, точно козел с чикагской бойни, повели свое стадо в лоно демократов. Так какая же оппозиция?.. Для старушек малограмотных да юнцов безусых вы — оппозиция, а люди умные давно вас раскусили. И хотите, чтобы я за вами пошел. Да вас судить уж надо! За одного только великого ученого, моего учителя... который вчера застрелился, только за него вам прощения не будет.

— Дорогой Дмитрий Михайлович! — заговорил дрожащим голосом Казимир Гальюновский. — На вас стих нашел, вы, видно, в плохом настроении, а у нас серьезное поручение к вам имеется. Мы хотели бы крейсер «Козьма Минин» на Родину вернуть.

Его поддержал генерал Гусь:

— Мы армию укреплять будем,— гудел он трубным басом,— вы меня знаете: мне за державу обидно. Я могу останавливать войны, остановлю и распад России. Дайте только крейсер — нашему движению. Я сам командовать буду.

— Генерал хочет стать адмиралом. Похвально. Положим, крейсер перейдет в ваши руки, а как вы им командовать станете? Вы можете подчинить себе электронику?.. Да вы же завтра продадите его за бесценок. Вы же лавочники!..

И Дмитрий замолчал. Он больше с ними не говорил и даже не смотрел в их сторону. И никто из сидевших за столом с ними не заговаривал. И тогда Казимир обратился к шейху:

— Ваше величество! У нас есть, что сказать королю. Окажите содействие, устройте нам встречу. Весной он принимал нас и был любезен, но теперь...

— Король сильно занят,— уклончиво ответил шейх,— но я попробую.

И снова Дмитрий:

— Вас, господа хорошие, скоро во всем мире узнают. Шарахаться будут, как от прокаженных. Предателей во всем свете не любят и — боятся.

— Ваши шутки, Дмитрий Михайлович, не все понимать способны. Вы вот нас на крейсер пускаете. Предателей бы не пустили.

— Крейсер — живое существо. Я-то вам позволяю, а крейсер может и не принять вас. А если и примет — неизвестно еще, какую шутку выкинет. Он ведь знает, кто запродавал его в Малую Азиатию. Я бы на вашем месте еще и подумал бы: ступить на его палубу или воздержаться. Впрочем, если решили — летите. Мне вот его величество вертолет презентовал, так я вас туда живо отправлю.

Шейху этот жест Дмитрия был непонятен, и он боялся, как бы эти молодцы не завладели кораблем, но он знал и верил, что Дмитрий неспроста отправлял прожженных и ненавистных политиканов на крейсер, который он берег и любил как самое дорогое существо. Что-то он задумал.

Дмитрий наклонился к шейху:

— Ваше величество! Боюсь, мы утомили вас своей болтовней. Пойдемте в кабинет, у меня дело к вам есть.

Шейх поклонился дамам, потом гостям, и они с Дмитрием пошли в кабинет.

Дмитрий ничего не сказал гостям и даже не взглянул в их сторону.

Очутившись в кабинете, Дмитрий извинился перед шейхом:

— Я дурно вел себя за столом, ваше величество. Прошу прощения. И не думайте, что я такой грубый человек. Я этим молодцам умышленно говорил гадости. Агенты Большого Билла сильны в нашей стране, их много, но они бы не натворили столько бед, если бы им не помогали шабес гои — предатели из нашего стана. Эти два политикана —

большие мерзавцы, на них лежит вина за все наши несчастья. Скажите королю, пусть он знает об этом. В России очень любят короля Хасана, и нам бы не хотелось, чтобы он к нашим врагам относился как к друзьям.

— Но в таком случае, зачем же вы их приняли?

— Принимал их из единственной цели высказать им все, что я о них думаю. Пусть они знают, что мы их знаем.

— Могу вас успокоить: король Хасан не заблуждается. Он внимательно следит за всем, что происходит в России. Это я еще сомневался, потому и принял их вчера, даже хотел помочь им, но теперь...

Подумав, заметил:

— А вы не только ученый, вы еще и политик, Дмитрий. Короли и шейхи не могут говорить так прямо — даже с заклятым врагом, а надо бы... Вы преподали мне хороший урок. Но вот что хотел бы я знать: зачем вы их послали на корабль?

— Хочу проучить примерно, отомстить за предательство.

— Но каким образом?

— А приезжайте ко мне завтра к обеду. Я покажу вам судебный процесс.

Шейх согласился. И еще просил:

— Хотел бы я приехать с братом.

— Буду счастлив видеть у себя его величество.

Обед предстоял торжественный. Мария Владимировна и Катя теперь не возились на кухне — там работали слуги, но они хотели бы угостить короля непременно русской едой и решили приготовить сибирские пельмени. Сами ездили на рынок, покупали парное мясо, сметану, учили слуг готовить пельмени, о которых те и не слышали. Ирина из Калиновки прислала Евгению дары северной природы: морошку, клюкву, бруснику, соленые грибы. Все это они выставили на стол.

Приехал король — веселый, галантный — интересный мужчина.

В розовой зале ему встретились Маша и Катя. Дмитрий, представляя их королю, сказал:

— Катю, мою сестру, вы знаете, а Мария Владимировна имеет теперь статус посла и хотела просить у вас аудиенции, чтобы вручить верительные грамоты.

— Я рад принять вас в любое время. И был бы счастлив, если бы вы остались в нашей стране в роли посланника России. Но, как я слышал, вы посол по чрезвычайным поручениям.

— Да, ваше величество. Мне поручено неотлучно быть при вот этом...— она показала на Дмитрия,— молодом человеке.

— Это интересно: посол при отдельной персоне. У нас таких нет. И сколько я знаю другие страны...

— О вашей стране ничего не могу сказать, а что касается других стран — там еще не явился на свет такой важный человек, чтобы при нем неотлучно находился представитель президента.

— Но в таком случае вы рискуете забыть свою семью, близких...

Маша ответила смело и — с лукавой улыбкой:

— У меня в семье нет таких персон, которых бы я не хотела забыть.

Каламбур ее был понят и оценен как шутка, достойная дипломата.

Дмитрий пригласил короля и шейха в свой кабинет. Включая большой экран на стене, сказал:

— Судебный процесс будет открытым. На скамье подсудимых — два изменника, предатели Родины.

На экране высветилась кают-компания крейсера, в кресле командира генерал Гусь, рядом с ним Гальюновский и Ким ду Хо. Они все смотрят на экран, висящий перед ними

на стене, а на экране экзотический вид крохотного острова, затерявшегося в океане. Звучит голос:

— Вы узнаете этот остров? Нет. Здесь на скальном берегу в естественном гроте поместился Главный судья России — не тот судья, и не те прокуроры, которые в Москве. Те служат президенту, а не закону. Нет, судья подлинный, неподкупный — тот, что служит народу и Отечеству.

Итак, слушайте: в течение месяца вы должны вернуть народу все награбленные у него деньги, покаяться в преступлениях и назвать своих подельников. Знаю: вы этого не сделаете. И потому решил показать, что с вами произойдет, если вы меняслушаетесь. Сейчас вы получите дозу малую, она пока уложит вас на неделю.

Гусь и Гальюновский привстали, хотели бежать, но в каюте вспыхнули белые ослепляющие лучи — и оба они повалились с кресел.

Ким ду Хо не испугался, — он не однажды видел эти проделки своего командира, — спокойно вышел и позвал матросов. Они понесли поверженных в лазарет.

Дмитрий выключил компьютер.

Король и шейх с минуту сидели молча. Первым заговорил Хасан:

— Я слышал о лептонном оружии. Будто бы ученые ищут, предсказывают. А оно, выходит, у вас в руках.

— Да, я создал такое оружие, но вот теперь и не знаю, что с ним делать. Выпусти я его из рук — и оно ударит по мне же. Человечество в своем стремлении подчинить силы природы получило средство, готовое отомстить своему же создателю. Кажется, я раздосадовал Бога. Теперь хотел бы явиться в Псково-Печёрский монастырь и там открыть свои душевные тревоги великому духовнику архимандриту Адриану. Пусть он попросит за меня прощения у Бога. Хочу служить добрым людям, но так, чтобы деяния мои благословлял сам Бог. А вам я первым поверяю тайну своего открытия. Арабы и славяне в борьбе с дьяволом очутились по одну сторону баррикад. Давайте подумаем, как нам распорядиться этим оружием.

Король и шейх сидели в глубоком раздумье. Они смотрели на Дмитрия и не знали, как благодарить русского парня за это великое к ним доверие.

Прошла неделя; Казимир и Гусь оклемались от страшного потрясения, вернулись в город, и первое, что они сделали — зашли в ресторан и наелись до отвала.

Дмитрий приказал Ким ду Хо лечить их, но не кормить, давать лишь одну воду. И вот они, голодные, как волки, набросились на еду. Но тут их подстерегала новая опасность, еще большая: у них сильно разболелись животы. У дверей гостиницы их скрючило так, что они не смогли выйти из машины. Вызвали скорую помощь, их отправили в военный госпиталь. Врачи промывали желудки, чистили кишечник — всячески очищали изрядно зашлакованные тела.

Дмитрию позвонил король. Выразил беспокойство.

— Не тревожьтесь, ваше величество. На крейсере им не давали пищу, а, попав в город, объелись — и желудки их взбунтовались. Повара в ресторане ни при чем. Я там не однажды обедал, готовят на славу.

В госпитале они пролежали еще две недели, а когда выписались, ходили, как тени, возле особняка Дмитрия, просили принять их. Дмитрий выслушивал эти просьбы и оставлял без ответа.

Потом друзья вдруг исчезли. И как раз в это время произошло страшное несчастье: пропали Мария Владимировна и Саид.

Два дня их ждали, искали, а на третий Дмитрий позвонил шейху. Тот выслушал молча, пообещал принять меры.

На следующий день Дмитрия пригласил король. Принимал в потаенной своей комнате. На стенах портреты родителей, большая картина, на которой в полный рост изображена любимая, рано умершая жена.

Король был в тяжёлом, богато расписанном национальными узорами халате. Ему нездоровилось, болела голова.

— Извините. Я принимаю вас по-домашнему.

— Ваше величество, вы делаете мне честь, принимая меня без церемоний.

— Да, да, вот диван. Если вы утомились, можете и прилечь. Не знаю, как упростить наши отношения, но скажу вам: никого в свете я не любил так, как вас. И хотел бы, чтобы вы всегда были рядом. И ваш волшебный компьютер готов охранять сам — даже от посторонних взглядов.

— Это хорошая мысль, и я, пожалуй, вашим разрешением воспользуюсь. У меня смонтировано несколько копий, в которые я заложил и лептонные пушки. И если что случится со мной, так пусть хоть у вас останется моя техника.

— Пожалуйста! Выбирайте любое место и ставьте компьютер. И если уж он погибнет, то вместе со мной.

Король достал из шкафа графин, бокалы.

— Хочу угостить вас соком собственного производства: я его przygotowляю из свежих фруктов.

Сидели в креслах, тянули из соломинок ароматный напиток. Дмитрий похвалил:

— Я такого сока не пробовал.

— В молодости с отцом я жил в Африке. Там и научился. С тех пор, как ни объясняю поварам, все делают не так. Тогда я беру фрукты и сам готовлю.

Замолчал король и стал серьезным. Долго смотрел в одну точку на стене. И заговорил глухим, взволнованным голосом:

— Я очень вам сочувствую. Не знаю, что и думать, как случилась такая беда. Приказал своим людям: ищут — и никаких следов. Думаю, не обошлось тут без участия двух ваших подозрительных типов. А еще грешу на Саида. Он посещал людей, которых мы плохо знаем: их сюда матушка его натащила... Из Англии, Франции... Птички из масонских гнездышек. Она, его матушка, из религиозной семьи иудейской; мой-то братец не очень смыслил в таких делах, ну и — вляпался. Сынок-то от матушки многое взял. И если уж сказать по-честному: нам бы не хотелось видеть его в вашем экипаже. Однако и сказать об этом неудобно было. Вот они... наши церемонии. Боюсь, не масонские ли это штучки. Они, конечно, ничего дурного не сделают Марии, но и выцарапать у них ее будет нелегко.

— Спасибо, ваше величество, за откровенность.

— Братцу моему, ох, как неприятно!

— Понимаю вас. И, конечно же, сохраню наш разговор втайне.

Король прилег на кушетку и положил голову на изголовье. У него все сильнее болела голова, но он не хотел звать лекаря.

— Вы молодой,— сказал Хасан,— у вас голова не болит.

— Ну, нет, ваше величество, побаливает, и частенько.

— И как же вы ее лечите?

— Разные применяю средства; чаще всего самодельные, то есть которые сам придумал, например вот это...

Он запустил в шевелюру пальцы и стал массировать виски, затылок, лобную часть. Еще лучше, если такую процедуру проделает близкий человек. У меня таких два: сестра Катюша — я ее очень люблю, а теперь еще и Маша. И ее я... полюбил.

— Понимаю. Я это заметил.

— Как же?

— А так. Видно ведь, как она на вас смотрит и вы на нее.

Помолчали. Король продолжал:

— Она вас очень любит. Одно только прикосновение ее рук может излечить.

Понимаю вас. Я тоже любил. Очень...

Он посмотрел на картину, с которой глядело на них доброе улыбочатое лицо юной смуглянки. Поразительны были ее глаза: непомерно большие, чуть раскосые и с каким-то тайным внутренним огнем.

— Такую женщину нельзя не полюбить.

— Ей было шестнадцать лет, когда я ее встретил. И столько же она еще пожила на свете.

— Садитесь, ваше величество. Я сделаю вам массаж головы.

Дмитрий начал массировать лоб, потом виски, затем затылок и всю голову. Сильно не нажимал и не мямл, а больше водил пальцами по корням волос, как бы разглаживая кожу. И тихо, почти неслышно говорил: головка у вас круглая, красивая, умная, скоро пройдет, совсем пройдет, и болеть уж не будет, не будет...

И, когда закончил, утвердительно сказал:

— Легче стало! Я же вам говорил.

Король улыбнулся, покачал головой:

— Есть люди, которых нам на землю небо посылает. Вот и вы, Митя... Чудо-компьютер создали, лептонную пушку, но вы ведь и во всем такой. Для вас нет ничего невозможного. И вот еще что важно: вы — русский! Я, конечно, патриот своей страны, люблю свой народ, и он тоже талантлив. Но русские для меня с детства народ особый. У вас и женщины красивы по-особому: глаза у них точно цветы полевые, кожа нежная, как у младенцев, а если писателей возьмешь, художников, композиторов — образцы дали высшие. Мне еще отец говорил: с английской литературой знакомься, французскую изредка читай, а русскую изучай. Ещё советовал русскую музыку слушать. Она весь мир красотой наполнила. Народ русский при жизни нашего поколения вон какую высоту покорил!.. Сейчас его бессовестно надули, обокрали, заводы остановили, во многих городах тепло отключают, электричество и газ не подают — гибнет народ, как на самой страшной войне, а магнетизм его силы, само существование на земле дух жизни во всех других народах держит. Вы знаете, как теперь трудно моей стране: американцы коршуньем со всех сторон налетают. То запрет на продажу нефти учинят, то армию нашу разоружать примутся, а то армаду кораблей, как теперь вот, к берегам подтянут... Схватят за горло и душат, душат. И в самую трудную минуту, когда, уж кажется, и дух из нас вон — могучий голос из снежной России раздастся: не трогать Хасана! Арабы — братья наши!.. И черные силы отступают.

Снова прилег на кушетку король, смотрит в потолок, вслух размышляет:

— А в образе твоём нам ангел-хранитель явился. Большой Билл атомной бомбой на нас замахнулся. Думали мы, что вторую Хиросиму устроят, а тут вдруг на горизонте в Персидском заливе волшебный корабль по волнам летит. Прижал хвост кичливый адмирал Джагарян. А потом и сгинул из наших пределов. Опять за нас Аллах заступился. Аллах и — русский народ.

Король поднялся и тряхнул шапкой черных волос.

— И голову мне поправил посланец российской стороны. А теперь, Митя, пойдём пообедаем и займёмся поиском Марии.

Мария по характеру — большая проказница. Часу не могла сидеть на месте. И такая уж тяга у нее была ко всему новому, и такая ненасытная жажда впечатлений!..

Бывают среди русских такие характеры! Их не измеришь общей мерой, не выстроишь в линию их поступки; они как гейзеры в предгорьях Машука: плещут, плещут малыыми брызгами, а то вдруг вздыбят из-под земли фонтан горячего пара и кипящей воды. Отбежать не успеешь — опалят докрасна, до боли.

Непредсказуема и Мария. Ждет-пождет своего Митю, а он всю ночь колдует над компьютером, вершит суд над нечистой силой, а днем спит как сурок.

Уж как подвел и напугал их однажды Саид, а и то не боится с ним кататься в машине.

— Ну, садитесь, покажу вам город.

Катю не зовет — робеет. А Мария... Станный она человек, эта женщина! — думает Саид. — Какой важный сан имеет, а игрива и проста, как ребенок.

— Садитесь! — кричит он Маше, вышедшей на крыльцо. — В зоопарк поедем. Села Мария. Поехали.

В зоопарке двух друзей из России увидели. Подступились к Марии, вопросы задают:

— Не понимаем твоего подопечного! — вскинулся Гальюновский. — На крейсере на нас чертовщину наслал — едва отдышались мы, а тут нет бы извиниться, он даже и принять нас не хочет. Повлияли бы вы на него. У нас планы есть, обсудить бы надо.

Гусь гудел:

— Зря нос воротит. Не плюй в колодец, пригодится воды напиться. Вы-то ведь знаете: я войну в Чечне остановил. Меня весь народ знает! А что до слухов, что я нерусский — чепуха всё это!

Он еще не терял надежды стать президентом.

Подошли к клетке льва. Тот устало и с нескрываемым презрением смотрел на зевак. Гальюновский, скаля зубы, дразнил зверя. Лев смотрел на него с минуту, потом стал медленно разворачиваться. И в тот момент, когда Гальюновский в очередной раз рыкнул и язык показал, лев выпустил в него энергичную струю. Гальюновский поперхнулся, отскочил от клетки. Саид и Гусь от неожиданности замерли, а Маша, преодолев шок первых секунд, громко расхохоталась и свалилась на скамью. Смеялась она упоенно и искренне, до колик и до потери сознания — невольно заражала других.

Придя в себя, Маша сказала:

— Знал ведь, в кого целиться!..

— Ваши намеки, мадам!.. Шутки мужицкие!..

Но Маша его не слушала. Вновь зашла гомерическим смехом. Потянула за рукав Саида:

— Поедем.

И они пошли к выходу, где их ждала машина.

Выкатили на главную магистраль и хотели свернуть к универмагу. У Саида зазвонил телефон. Маша слышала голос в трубке:

— Приезжай. У входа вас встретит человек.

«Вас?.. Кого имеют в виду?..» — подумала Маша. Саид прибавил скорость, и через минуту они остановились.

У подъезда трехэтажного особняка над входными дверями вывеска: «Банк Интернейшнл».

— Зайдем, я возьму деньги.

Маша, ничего не подозревая, вошла в банк. Прошли коридором в угловую комнату. Здесь за большим письменным столом с атлантами на тумбах сидел молодой, розовый, похожий на московский батон мужчина. Со лба он был совершенно лысый, и кругленькие птичьи глазки едва угадывались в жирных складках отечного лица. На вид он не имел ярко выраженной национальности и признаков пола, но было ясно, что не араб. Сунув Марии пухлую, мокрую от пота руку, кивнул Саиду:

— Подойди к пятому окну. Там тебе выпишут деньги.

Маша осталась наедине с банкиром.

— Вы не сказали, как вас зовут?

— Вы тоже. Впрочем, я вас знаю — заочно, конечно. Вы представитель президента России и выполняете какую-то странную роль: стережете русского парня, у которого ни шиша в кармане. У вас, русских, много странностей. А зовут меня — пожалуйста, можете узнать: Соломон Флокс.

— Флокс? Интересно. Каких только фамилий не встретишь! Одному имя цветка дадут, другому — собаки. А у Булгакова есть Фагот-Коровьев. Вы читали роман «Мастер и Маргарита»?

— Булгаков? Кто такой Булгаков? Ваш писатель? Нет, я русских писателей не читаю.

— А своих читаете?

— Своих читаю. Шолом Алейхем, Лион Фейхтвангер, Белла Ахмадулина и этот... как его?.. Егор Гайдар, ваш президент.

— Гайдар никогда не был президентом. И писателем — тоже. У него бабушка писал для детей. И тот Гайдар не ваш, а этот Гайдар — ваш. Но книг он не пишет.

— Как же вас понять: тот Гайдар не наш, а этот — наш. Но он же внук того Гайдара.

— Да, внук. Но его бабушка и его матушка — они ваши.

— А-а... Понятно. Человека у нас признают по матушке, а батюшка — он может быть и проходящим: зашел, ушел — и до свидания. Так, так. Вы правы.

— А вы, я вижу, не очень-то выбираете темы для беседы с дамой.

— Дамой? Вы — дама? Вы представитель президента. А это уж кое-что другое.

— Ну, хорошо, — прервала его Мария, — покажите мне дверь. У меня нет желания продолжать с вами беседу.

— Дверь? Пожалуйста!

Он показал на стену, где была дверь, в которую они входили. Дверь эта за ними закрылась и была теперь незаметной на гладкой стене.

— Туда, туда идите!

Сделала несколько шагов и перед ней раскрылась дверь. Мария вошла, но очутилась в кабине лифта. Дверь за ней захлопнулась. Лифт бесшумно опускался. На глубине третьего или четвертого этажа остановился, Мария вышла и очутилась в маленьком коридорчике, где была лишь одна дверь. Вошла в нее.

Комната довольно уютная, с креслами, двумя диванами и восточными вазами по углам. Посредине накрытый шелковой скатертью стол и на нем ваза с цветами.

Мария опустилась в кресло, стоявшее в углу.

«Это западня, — сказала она себе. — Саид выполняет чье-то задание. Он — враг!»

Стиснула зубы. Мысленно повторяла: «Выдержка, выдержка...» И еще ей вспомнилась расхожая фраза: «Восток — дело тонкое».

Загремел лифт, и к ней спустился Флокс. Сел в кресло напротив Марии, заговорил каким-то масляным елейным голосом, в котором слышались визгучие нотки не то старика, не то старухи.

— Вам не надо ничего бояться, вы попали к своим — вы наша, мы ваши, вы будете тут жить, много отдыхать, а потом поедете домой.

— Кто вы такой? И что вы себе позволяете? Ваш король не любит подобных шуток, — заговорила Маша ледяным тоном, впрочем, без зла и без страха. В этом студенисто-мягком и бесформенном субъекте она почувствовала одного из многочисленных друзей мужа, и в голосе, лишенном воли и выразительности, услышала давно знакомые интонации. Так уклончиво, непонятно и без какой-нибудь мысли говорят обыкновенно люди, среди которых она живет много лет и которых слышит на расстоянии.

— Я посол по чрезвычайным поручениям, и вам придется иметь дело и с вашим королем, и с нашим президентом.

— Король — хорошо, и президент хорошо, но есть еще и люди, которых следует уважать. Вы, верно, забыли, что Гальюновский и генерал Гусь — наши люди, а вы позволили себе обойтись с ними плохо. Они — наши! Вы это понимаете?

— Какие еще ваши люди? Что за чертовщина! — наши, ваши... Говорите толком, что вам от меня нужно? И как вы смели меня сюда затолкать?

Маша подвинула к себе сумочку, в которой лежал семизарядный пистолет. В любую минуту она готова была пустить его в дело.

— Ай-яй!.. Не надо так волноваться и кричать. Вы какую квартиру получили в Москве в Безбожном переулке? А какую дачку отгрохали на пригорочке в Хотьково по Ярославской дороге? А?.. Может быть, все это свалилось вам по щучьему велению? Да?.. Нет, красавица, все это вам дали наши, наши — вы слышите?.. А если вы уже перестанете нас слышать, а найдете каких-то ваших — что вам за это положено? Может, за это вам построят еще одну дачку, дадут еще одну квартиру,— скажем, в Крылатском, где живет президент и еще другие его ребята, с которыми он играет в теннис? Там чистый воздух, и далеко от центра, от заводов, от этих самых москвичей, которые таскают флаги и что-то там кричат? А?..

— Ну, ладно,— сказала Мария упавшим голосом.— Пошел вон отсюда, жук навозный, а я буду думать. Придешь через час или два.

И, видя, что «жук» не трогается с места, крикнула:

— Ну!..

— Туша поднялась. Взмахнула короткими ручками:

— Ладно, ладно. Я еще не все сказал. Вам будет плохо, если...

— Пошел вон!..

«Жук» отпрыгнул и подался к двери.

Маша легла на диван, закинула руки за голову, смотрела в потолок. Она знала, с кем имеет дело, в чьи руки попала. Краем уха не однажды слышала, что муженек ее принят в Мальтийский орден масонов и там у него самая низшая ступень, но там и его друзья, и многие другие высшие чины нового режима. И, конечно, ее муженек и должность спроворил оттуда же, и чины, и деньги отхватывает немалые. Некоторое время он жалование получал баснословное: пятьсот или семьсот минимальных зарплат в месяц. Мария Владимировна и пила, и ела, и шубки заказывала в самом дорогом престижном ателье, да и должность ее из тех ручек...

«За все надо платить,— думала Мария.— Флокс не так прост, и не последняя сошка в ордене. У этого найдутся средства, чтобы с ней посчитаться. Да, найдутся».

И Маша решила действовать их же оружием...

Она успокоилась. И даже задремала.

Разбудил ее шум в комнате. Открыла глаза. В дверях, озираясь и оглядываясь по сторонам, не понимая, что с ним случилось, стоял молодой мужчина, по виду русский и будто бы знакомый.

Наконец, разглядел Марию.

— Вы здесь хозяйка?

— В некотором роде. А вы... я вас где-то видела?

— Я артист. Снимался в кино. Так что... немудрено. А вы, извините, не скажете ли мне, чем обязан я своим визитом к вам?

— Очевидно, вы шли в одну дверь, а попали в другую. Именно так оказалась здесь и я.

— Да, но я тороплюсь. Меня у банка ждет машина. Мы туристы, и там мои друзья.

— Меня тоже ждала машина, но банкир Соломон Флокс сунул меня в этот мешок и посоветовал ждать.

— Мешок? Но разве отсюда нет выхода?

— Попробуйте. Может, вам удастся.

Мужчина вышел в коридор и некоторое время искал там дверь, но скоро вернулся.

— Выхода нет. Но что за чертовщина! Я буду жаловаться.

— Кому?

— А в самом деле — кому?

Незнакомец подсел к столу, назвал себя:

— Максим Петрович Стеблов. Зовите — Максимом.
— Мария Владимировна. Москвичка. В отличие от вас догадываюсь, за что сюда попала.

— За что же?

— За непослушание мужу.

— Ну вот, а я, наверное, за непослушание жене. Однако меня ждут у банка. Должен же я отсюда выдраться как-нибудь.

Он снова пошел в коридор, ходил там взад-вперед, громко топал и даже стучал по стене кулаком, кричал. Вернулся раздосадованный, вскинул над головой руки:

— Вы, я вижу, смирились. Они что — и меня в этот колодец? Но за какие коврижки? Я не из тех, кто способен прощать такие штучки!

Загремел лифт, щелкнули замки двери. В комнату вкатился Флокс и за ним два парня-геркулеса. Они остались у входа, а Флокс подошел к бару, достал вино, воду, сладости и фрукты. Пригласил Марию и Максима. Поднял бокал:

— Как видите, не отравлено.

Максим сквозь зубы процедил:

— Что это значит? Вы мне ответите!

Флокс его не слышал. Продолжал:

— Вам теперь не будет скучно.

— Что вам от меня нужно? — спросила Мария.

— Немногого. Вы должны позвать сюда Дмитрия, но только одного. Без охраны. И здесь мы поговорим.

— Никогда!

— Тут на вашем месте многие так говорили, но еще не встретился молодец, который бы не выполнил нашего требования. Ваши друзья сбежали из страны, без виз, без разрешения, а вы, между прочим, на государственной службе, ответственное лицо.

— У нас есть визы — на посещение всех стран мира. Мы путешествуем, и придет время — вернемся на Родину. Наконец, у меня есть начальство, я с ним поддерживаю связь.

— То начальство, которое старшее, самое старшее — наше начальство, с ним вы связь не поддерживаете. Вы целую вечность не звонили мужу...

— Это наши дела, семейные.

— Вот, вот — семейные, но они-то и есть самые главные. Вы должны получать инструкции от мужа, а вы его забыли. Так нехорошо, мадам, вести себя. За это у нас наказывают — вы разве не знали?..

Он повернулся к Максиму:

— И вы также плохо себя ведете. Оторвались, забыли...

Он замолчал и медленными глотками тянул вино. Зоб у него, как у лягушки, то раздувался, то опадал. Он вдруг встал и, ничего не сказав, направился к двери.

Мария его окликнула:

— Флокс, постойте! Я хочу поговорить по телефону.

— А это — пожалуйста. Напишите текст.

— Зачем текст. Я буду говорить.

— Напишите текст. Вот бумага, карандаш — пишите. Я буду диктовать.

— Вы?

— Да, я. Самодеятельности мы не потерпим. Пишите: «Со мной все в порядке. Скоро буду. Не беспокойтесь». Написали? Ну, вот — умница. Так и дальше надо поступать. Я вам говорю, а вы делаете.

Он достал из шкафа маленький плеер.

— Говорите.

Мария проговорила эту фразу. Спокойно, негромко. И добавила: «До встречи, дорогой мой. Обнимаю всех».

Флокс вынул из кармана телефон, набрал номер. Он его знал. И, когда в трубке раздался голос Дмитрия, включил плеер. Мария слышала, как Дмитрий, прослушав ее голос, вскричал:

— Где ты, Машенька!..

Но Флокс положил телефон в карман. Повернулся к Максиму:

— Вам, молодой человек, пока не разрешим и этого. И добавил:

— Жить будете в соседней комнате. Пойдемте, покажу.

Максим несколько минут не приходил, но затем легонько постучал:

— Можно к вам?.. И, не дождавшись ответа, вошел.

— Похоже, вы смирились быстрее меня? — сказала Мария.

— Я не служил в армии, но, наверное, в боевой обстановке случается, когда сопротивление бесполезно.

— Ну, нет, я буду драться. Изо всех сил.

— Как? — позвольте вас спросить. С кем будете драться? С амбалами, которые стояли здесь по углам? Да они вас скрутят прежде, чем вы успеете дернуться. Я эту публику знаю. Ну да вообразим невероятное: вы их всех перебили. Что дальше? Как вы отсюда выберетесь? У лифта даже ключа нет. Он реагирует только на рожу этого... Пиона.

— Флокса.

— Да, Флокса. К тому же, каждое наше движение контролирует верх.

Мария собралась с духом и дала себе слово не расклеиваться. Держаться и держаться. За жизнь свою она не боялась, знала: не она нужна людям, стоящим за Флоксом. Им нужен Митя.

И потом думала: «Похоже, Саид осведомлен обо всем, что делал Дмитрий? Если так, то и они все знают. И Дмитрий им нужен живой и невредимый. И она так же...»

— Вы мужчина, должны же вы что-то предпринять!..

— Я? — очнулся от горьких своих дум Максим.— Да, конечно, надо что-то делать. Нет безвыходных положений... Ну, да ладно, пойду к себе в комнату. Дверь там, как и здесь, не закрывается. Заходите.

Максим ушел, а Мария впервые за эти долгие часы заточения решила осмотреть свое жилище. Тут были все условия для долгой и удобной жизни: туалет, ванная и даже небольшая кухня с электрической плитой. Осматривала шкафы, открыла ящик с провизией, встроенный холодильник,— в нем была ветчина, копченая рыба, масло, сыр. И много банок с разным вареньем. Подумала: «С голоду не дадут умереть». Мысль ее напряженно работала, но вот странно: в голове зияла пустота. Ей не приходили на ум никакие варианты,— разве что одна догадка мелькнула в сознании: если здесь появился Максим, значит появляются и другие люди. Похоже, тут своеобразная пыточная камера, в которую она так опрометчиво угодила. Каждому хочется жить, и каждый выполнит, что потребует Флокс. Но Дмитрия она не выдаст, и что же ее ожидает? Сколько будет тут жить и что с нею в конце концов станется?..

Мысли текли вяло. Она полагала: вот немного освоится, успокоится и обязательно что-нибудь придумает.

А Максим?.. Интересно понаблюдать, что он придумает и как будет себя вести.

Убрала со стола, перемыла посуду и снова легла на диван. Но на этот раз сон не приходил. Мысли ее бежали все резвее, она искала выход и была уверена: он есть, его только надо придумать.

Она засыпала, и последней мыслью было: посмотрим, что еще потребует от нее Флокс. Хорошо бы предложить ему и свои варианты, но так, чтобы не повредить Мите.

Исчезновение Марии парализовало всю жизнь экипажа «Русалки». Дмитрий продолжал суд над банкирами, но делал это вполсилы, с неохотой и равнодушием. И ночью, и днем подолгу валялся на диване, смотрел в потолок или на люстру и ни о чем не думал. Все попытки отыскать Марию оказались тщетными. Был уверен, что ее увезли, и

далеко. А прозвучавший вчера привет и просьба о ней не беспокоиться еще более усилили тревогу. Одно твердил себе: записали ее голос, привезли откуда-то и подключили к телефону. При нынешней технике это ничего не стоит.

Не знал, не думал, что так глубоко любит Марию и что потеря ее парализует волю и каждый день превратит в пытку. «Не уйти ли из жизни?.. Наставлю на себя сильный пучок электронов — и привет. Окончились все муки». Но думалось и о другом: приедет Мария, а меня нет. И уж потом только бежали страшные мысли о том, что народ его, Россия потеряют своего защитника.

После таких размышлений, а они случались все чаще, испытывал прилив сил, садился за компьютер, вызывал на экран клиентов, и с радостью наблюдал, как летят со счетов и возвращаются на Родину украденные миллиарды, превращаются в нищих вчерашние богачи. Все операции загонял в память — с тем, чтобы во время суда народного предьявить неопровержимые доказательства.

Труд вдохновлял, и он если и не забывал боль утраты, то отвлекался.

Катя приходила к нему реже. Она потеряла аппетит и подолгу не являлась в столовую. Петр часто бывал у нее, старался утешить. Он один держался бодро, ездил на «Русалку», осматривал механизмы, поддерживал лодку в рабочем состоянии.

Евгений сидел у компьютера, выполнял программы по «зачистке счетов» новых русских. За обедом говорил:

— Среди новых русских редко-редко встретишь русского.

Дмитрий дал ему задание: выявлять подлинную национальность богачей, отслеживать их родителей, дедов, бабушек — до седьмого колена, и особенно — родственные связи и тех, кто помог им в момент развала государства урвать куш в банках, получить должность в министерствах, фирмах, в разных парламентах, думах и конторах. Работа по своему объему космическая. Ни один архив мира, ни одна столичная библиотека не имела такой стройной системы, не могла в считанные секунды предоставить нужную информацию.

Король и шейх пытались найти Марию, но все их усилия разбивались о глухую стену молчания и отсутствия каких-либо следов.

Саида тоже не было. Шейх был уверен, что он сбежал в Англию, на свою вторую родину, к многочисленным родственникам по линии матери.

Но однажды Саид объявился в городе. Как и предполагал шейх, он был в Лондоне и прилетел оттуда на каком-то военном самолете, приземлился на американской базе, на автомобиле приехал в банк и — прямым ходом к Флоксу. Тот, как паук, сидел за письменным столом и плел свою денежную паутину. Навстречу Саиду не поднялся, как это он обычно делал, а приветствовал молодого человека словами:

— А-а, явился мой хороший юноша, который дал мне таких важных клиентов. Я вам говорил, что буду платить, говорил?.. Получайте чек, очень хороший чек, и вы будете еще давать мне клиентов.

— Чек — давайте, но мне нужны деньги.

— Странная мысль — ему нужны деньги. А кому они не нужны, эти деньги? Но вы мне скажите: сколько вам?

— Полмиллиона долларов.

Флокс поднял на Саида круглые, как у птицы, и покрасневшие, точно обведенные краской, глаза. Смотрел долго и не мигая. Повторил:

— Полмиллиона?

— Да, полмиллиона.

— Но это весь гонорар, который я вам выписал. Зачем вам так много?

— Я вам дал в двадцать раз больше. Один только Гусь перевел тридцать миллионов.

— Тридцать миллионов? Но откуда у него такие деньги? Вы жили в России — я тоже там жил, но только давно, в детстве, и слышал, как русские говорят: на гусе вода. Так вот: у Гуся больше воды, чем денег. Если он вложил десять миллионов, то это хорошо.

Флокс сильно занижал вклад Гуся, чтобы Саид не потребовал больше комиссионных. Саид привел ему этих двух новых русских — очень богатых! — и сказал, что этот банк надежный, потому что и его отец шейх Мансур держит здесь свои миллиарды. Те сделали вклады и обещали в конце года еще вложить. За эту выгодную операцию Флокс одарил Саида, но этот шалопай, как и все юноши мира, не умеет хранить деньги. Флокс взял у Саида чековую книжку, оторвал листок на полмиллиона и стал доставать из сейфа пачки банкнот.

— А теперь — приведите сюда Марию.

Флокс икнул от неожиданности, откинулся на спинку кресла.

— Вы много думали, чтобы сказать такое? Я приведу Марию, и ко мне придут солдаты и скажут: «Это вы уже такой банкир богатый — Флокс?.. Собирайтесь, пойдете. И твой дядя, и твой папаша отрубят мне голову. Но вместе с моей они захватят и твою такую молодую красивую голову. А?.. Вы этого не понимаете? Но я вам сказал.

— Все равно — давайте Марию.

Флокс похолодел. Он понял, что Саид не шутит. Что-то такое произошло, что он уже требует Марию. Но что? Что же случилось?

— Вы, может, скажете, почему еще недавно вы говорили, пусть сидит и зовет своего Дмитрия, а теперь — наоборот: пусть она идет, а нам с тобой секир башка? А-а?..

— Ведите Марию!

Глазки Флокса сузились до едва заметной щелочки, и он ледяным голосом процедил:

— Парень! Флокс не такой простак, как живут люди в России. Это их можно дурить, меня не надо. Вот кнопка, я нажму — и ты сам окажешься в подвале.

Саид достал из кармана пистолет — маленький, точно игрушечный.

— Марию! Иначе я продырявлю ваш пустой череп.

Саид говорил железным тоном, и пальцы руки его до белизны в суставах сжимали пистолет.

— Хорошо, хорошо. Я не буду нажимать кнопку и позову Марию. Только давайте поговорим, как нам избежать...

Пухлой ручкой он чиркнул себя по шее:

— А-а... И мне и тебе. Твой дядя шутить не любит. И папочка — тоже. Ну?.. А об этих людях в темных очках, что живут в Лондоне, ты подумал? Это они приказали нам вернуть Дмитрия в Россию. Их руки далеко тянутся — я знаю. Сегодня у меня много вкладов, и банк имеет процент, а завтра они уведут клиентов, и я сяду на мель. Но тогда и вы не получите свой гешефт! Вы этого хотите?

— Я хочу Марию! Немедленно — вот сюда.

И Саид вскинул пистолет.

— Хорошо, будет тебе Мария!

Флокс коlobком покотился к стене и исчез за дверью. А через три-четыре минуты в другую дверь, обычную, основную, вошли два дюжих молодца и тиграми подскочили к Саиду, но он увернулся и одному из них выстрелил в голову. Другой замер от неожиданности, — этим замешательством воспользовался Саид: кинулся на него и ударил в висок рукоятью пистолета. И этот упал на ковер, а Саид, зная, что всполошится вся охрана банка, побежал к выходу, и тут его ждал автомобиль. Ехал медленно, говорил по телефону с Дмитрием:

— Я Саид, знаю, где Мария. Пусть меня пропустит к вам охрана.

— Саид! Приезжай быстрее! Выхожу тебя встречать!..

Саид развернулся и повел автомобиль в сторону отцовского дворца. Там его ждал весь экипаж «Русалки».

Можно представить, какой удар постиг Флокса, когда он в своем кабинете увидел мертвого парня и другого еле живого с пробитой головой. Благо, что не было вокруг никакой суматохи; даже секретарша в приемной сидела на своем месте и, видимо, ничего не слышала или не хотела слышать.

Флокс вошел вместе с Марией и Максимом. Увидев страшную картину, он схватился за сердце, стал оседать и несколько раз повторил: «Никого не зовите. Не зовите...»

Положили его на диван и сели рядом; недоуменно смотрели друг на друга, не знали, что предпринять. Максим погрозил пальцем: дескать, молчите. Запустил руку в грудной карман Флокса, достал оттуда связку ключей. Подошел к тыльной стене кабинета, открыл дверь. Там была комната отдыха банкира, место приема близких друзей и женщин,— подхватили Флокса, затащили в эту комнату. И бросили на ковре. Потом туда же затащили раненого и убитого. Максим сказал Марии:

— Вы меня подождите, а я достану машину, и мы уедем. Максим ушел, а Мария, выждав минуту, подошла к двери и нажала ее; дверь не подавалась. Поняла: новая ловушка! И еще подумала: Максим с ними, он — подсадная утка.

Минут через десять явился Максим. Кивнул ей, и они пошли. Шли пустынной лестницей, какой-то глухой и темной. И вышли во внутренний двор. Здесь к Максиму подошел мужчина лет сорока, не араб,— судя по разговору, англичанин. Долго о чем-то спорили, но потом позвали машину, и Максим показал на нее Марии: садитесь!

— Я не хочу никуда ехать,— сказала Мария.

Максим уставился на нее с удивлением:

— Я отвезу вас, куда вы укажете.

— Не поеду. Дойду пешком.

Максим приблизился к ней, проговорил с нажимом:

— Делайте то, что я велю.

— Никуда не поеду!

— Вы мне не верите?

— Нет, не верю.

— Сюда приедет полиция, и вас заподозрят в убийстве.

Они стояли у самой стены, и их не видели из окон банковские служащие. Мария хотела выйти на середину двора, но Максим притиснул ее к стене, зажал ладонью рот. И в ту же минуту к ним подъехал автомобиль и Марию втолкнули в салон.

Автомобиль был с затемненными окнами, дверцы наглухо закрыты, а рядом сидел здоровенный парень, неизвестно когда появившийся во дворе банка.

Англичанина с ними не было.

Ехали по центральной улице города.

Максим сидел за рулем и лишь в зеркало изредка поглядывал на Марию. Лицо его было спокойным, и, наверное, все случившееся мало его волновало. А однажды он даже подмигнул Марии и чуть заметно улыбнулся.

Мария подумала: да, да — Максим с ними, но куда они меня везут?

Ей захотелось позвонить Дмитрию.

— Дайте мне телефон.

Максим повернулся к ней и улыбнулся, на этот раз широко и приветливо.

— Дмитрию вы будете звонить регулярно, но только говорить ему можно не все. Будем составлять тексты и писать на магнитофон. Фонограмма — надеюсь, вы знаете, что это такое.

Мария окончательно поняла, что для нее уготовлена очередная ловушка.

Почему-то надеялась: вырвется из нее скоро и обретет свободу.

Машина выкатила за город и набрала большую скорость. За окном едва угадывался берег реки. «Очевидно, Тигр. У них тут одна река — Тигр».

Дмитрий услышал Марию:

«Митя, родной мой! Я теперь в другом месте, но в совершенной безопасности. У меня хорошие условия жизни, я лишь не знаю, чего от меня хотят и когда выпустят. Но я чувствую, слышит мое сердце — выпустят, мы снова будем вместе, и впереди у нас много-много лет счастливой жизни. Ты только не волнуйся, работай, делай свое великое дело на счастье нашей горячо любимой Родины.

До скорой встречи! Любящая тебя сильно-сильно и нежно, твоя Мария».

Все послания Марии, каждое ее слово автоматически переводилось с телефона на компьютер, и специальное устройство, созданное Дмитрием, прочерчивало на экране линию летящего к нему голоса, то есть как бы курс самолета, обозначало точку, в которой находился говорящий, и эти координаты наносились на крупномасштабную географическую карту.

Возле Дмитрия сидел Саид, слушал голос Марии и разглядывал карту. Вычислив исходную точку, воскликнул:

— Мерзавцы! Они увезли ее в замок старика Флокса. Это отец банкира, где я учинил погром! Но вот что скверно: замок этот на чужой земле — там хозяин шейх Фарид, он враждует с моим отцом и втайне вредит дяде. Если он узнает, что Мария нужна им, он запрет ее еще крепче.

— Хорошо, что ты это сказал. Я теперь знаю, что делать.

Саид явился к Дмитрию три дня назад и рассказал всю историю, приключившуюся с ним и Марией. Попросил прощения.

— Или накажите меня, или простите. Это я привел Марию к Флоксу, но я только хотел взять у него деньги и не подозревал о планах жирного паука и о том, что он знает, кто такая Мария и что она близкий вам человек. Я отомщу Флоксу. Вы только меня простите. И, пожалуйста, не выдавайте меня отцу и дяде.

— Не казись, Саид,— сказал ему Дмитрий.— У тебя не было злого умысла, и ты уже отомстил за Марию. Мы верим тебе по-прежнему, и ты остаешься членом нашего экипажа. А Марию мы вызволим, и они за ее страдания заплатят дорогую цену. Только ты принимай мои условия: никому ни одного слова не говори о том, что с тобой приключилось. Флоксу же невыгодно поднимать шум, и он замнет всю эту историю, а незадачливых охранников закопает, как собак, и никто не узнает, где они зарыты.

Дмитрий, «играя» на клавишах компьютера, как на рояле, с минуту помолчал, а затем добавил:

— Знали бы твой отец и дядя, как богат этот Флокс! Вон, смотри на экран — там цифры: еще горбачевские шакалы забросили в его банк русского золота на восемь миллиардов долларов, бриллиантов и драгоценных металлов — на четыре миллиарда, да еще новые наши богатеи хранят у него два с половиной миллиарда долларов.

Вызвал на экран другую таблицу.

— А теперь посмотри вот эти цифры: годовые расходы Флокса — полтора миллиона долларов, а доходы от процента — два миллиарда триста семнадцать миллионов. Это брат, Саид, целая финансовая империя! Здесь кровь и слезы многих людей — и больше всего — моих соотечественников. Но ничего, ничего. Он посягнул на Марию и получил первый удар. Пока от тебя, Саид, но теперь... очередь за мной. Он знает, как велика сила денег, но вот на что способен русский человек — этого он еще не ведал.

Некоторое время Саид сидел возле Дмитрия, ждал, что еще скажет ему начальник, но Дмитрий все больше углублялся в свою работу и молчал. Саид тихонько поднялся и вышел.

В розовой зале, где обыкновенно собирался весь экипаж, сидела Катя и читала книгу на английском языке. Она теперь по заданию Дмитрия изучала язык и готовилась к работе на компьютере. Дмитрий уже составил для нее программу операций.

— Я не помешаю тебе? — спросил Саид.

— Нет, конечно. Расскажи мне еще раз, как ты в банке попытался освободить Марию. И что ты думаешь, скоро она вернется?

Подробности разгрома, учиненного Саидом в банке, были излюбленной темой разговоров для всего экипажа. И никто не сомневался в том, что Саид говорил правду. Все ждали сообщения из газет, но они молчали. И все понимали также, почему они молчат. Огромные деньги, которыми владел Флокс, могут творить любые чудеса. Флокс был вторым владыкой страны, и еще неизвестно, чья власть сильнее — короля или его, Флокса. Но все также знали, что в битву с этим гигантским спрутом вступил человек, наделенный божественной силой. И с нетерпением ожидали исхода борьбы.

В компьютер военного госпиталя была внесена запись: «Соломон Флокс, банкир. Сильнейшее психическое потрясение. Появились дефекты речи: заикание, потягивание шеи. Есть подозрение на микроинсульт. Проводится интенсивное лечение».

На компьютере банка — другая запись: «Соломон Флокс увезен в госпиталь. Операции со вкладками приостановлены. Право подписи никому не доверено».

Тут бы самый раз серьезно заняться банком, но компьютер неожиданно для Дмитрия забил тревогу: новый командующий эскадрой готовит операцию. Какую — неизвестно. На совещании с высшими офицерами адмирал сказал: «Будьте готовы к нанесению удара». И всё. Какой удар, по каким целям — пока неясно. Для Дмитрия и Евгения начались часы напряженного ожидания. Дмитрий следил за компьютерным пунктом авианосца «Форрестол», куда переместился командный пункт американской эскадры. Но там никто не появлялся. Уж не перенесли ли они командный пункт на другой корабль?..

И Дмитрий устанавливает слежение за всеми кораблями и даже самолетами. Включает систему звуковых сигналов: в случае опасности компьютер «закричит» в голос.

Посмотрел в окно и заметил во дворе и за оградой особняка оживление. Ребята из охраны задвигались, потянулись к шоссе, остановили движение. И тут же показался кортеж машин короля. Длинный лимузин свернул в ворота и подкатил к подъезду. Король Хасан легким пружинным шагом прошел в особняк, и тут в зале они встретились с Катей. Саид не хотел показываться на глаза дяде — шмыгнул в свою комнату, а Катя поднялась с дивана, пошла навстречу монарху. Хасан успел к ней привязаться, и, как он выражался, на свете еще не было таких прелестных созданий. Целовал ей руку, мило беседовал, хотя и чувствовалось, что король не спокоен и хочет поскорее уединиться с Дмитрием. Катя провела его в кабинет брата. И тут их оставила.

Король заговорил без предисловий, что нарушало обычный этикет восточного стиля беседы:

— Мои люди донесли: они готовят удар по моему Северному дворцу. И нанесут его с железнодорожной платформы. Есть у них такая. Они скопировали ее с русского образца, который считают самым скрытным, неуловимым и коварным. Платформа все время передвигается и выходит из поля зрения радаров. У них всего лишь одна такая, и они ее привезли сюда.

Король говорил быстро и волновался. Таким его Дмитрий еще не видел. Похоже, Северный дворец особенно ему дорог, а вот чем он дорог, Дмитрий не спрашивал.

Вызвал на экран компьютерный пункт железной дороги соседнего государства. И очень скоро поймал эту самую платформу. На ней смонтирована мощная ракетная установка. Это те самые ракеты — они тоже впервые появились в России; при подлете к цели они разделяются на пятьдесят других ракет, каждая из которых способна нести атомный снаряд или даже бомбу. Страшное это оружие! Одна ракета может смести с лица

земли город, промышленный район, а то и целое семейство близлежащих городов. Большой Билл наращивал силы в районе Персидского залива. Отстранив адмирала Джагаряна, он прислал на его место другого и приказал во что бы то ни стало проучить непокорного короля Хасана. И доставил сюда оружие,— может быть, самое сильное из всего американского арсенала. «Ну, что ж,— думал Дмитрий,— Билл хочет проучить Хасана, а мы попытаемся проучить его самого».

Король не сводил глаз с экрана; его поражала платформа со смертоносным оружием, и он тихо, почти шепотом, повторял: «Мерзавцы! Какие мерзавцы!..»

— Это вы о ком, ваше величество?

— О тех, кто предоставил им железную дорогу. Против братьев своих работают. Они же понимать должны: сегодня нас разбомбят, а завтра и до них очередь дойдет.

— Мы еще посмотрим, кого они разбомбят русской ракетой.

— Ракета американская, но изобретена в России.

— Ну, так. Однако — платформа. Все время движется. Вот коварство! Вон, видите: сейчас в нашу сторону идет. Хорошо, что мой компьютер способен следовать за ней по пятам, а больше-то таких систем ни у кого нет.

— У них, американцев, тоже нет?

— Американцы? Откуда им взять! Они если не украдут у нас или у японцев, то и не создадут. У них и приличных математиков нет. В Питер эмиссары приезжают и несчастного доцентушку за большие деньги покупают. А деньги из наших же банков выскребли. Такие они, американцы! Говорят, наши люди во время войны немцев ненавидели, а этих мы всегда не любили и теперь не любим. Речь, конечно, не о простых людях, а о тех, кто у них в Белом доме сидит.

Король улыбался. Ему все больше нравился этот русский бесхитростный парень.

Королю не однажды приходила мысль о неземном происхождении Дмитрия. «Аллах нам своего сына послал»,— думал Хасан. Находил он объяснение и тому загадочному факту, почему он не араб, а белый, русский. «Это для того так сделал Аллах,— всерьез размышлял Хасан,— чтобы скрепить союз арабов и славян. Знайте, мол, вы, мои дети, что врозь вам не выжить, а если будете со славянами вместе — никто вас не одолеет. Забудьте распри двух самых мощных религий в мире: христианской и исламской. Порознь вам не выжить. Объединяйтесь в единое братство. Приглашайте в свой союз китайцев и индусов. Иначе вам не одолеть дьявола».

Пока король размышлял таким образом, ракета на платформе стала подниматься, то есть задирать вверх свой острый, как пика, нос. И Дмитрий замер в напряжении. Король понимал важность момента и, кажется, дышать перестал.

Ракета взвилась в высоту, наклонилась и со страшной скоростью понеслась к Северному дворцу, но над самым дворцом сделала петлю и пошла в обратном направлении. И тут снизилась, несколько мгновений стелилась над землей... Удар!.. Столб огня поднялся над железной дорогой, и на месте, где стояла платформа, зияла громадная дымящаяся яма.

Дмитрий вызвал на экран кают-компанию авианосца «Форрестол». Там сидели высшие офицеры эскадры и во главе стола — новый командующий.

Дмитрий строгим голосом проговорил:

— Адмирал Крамер! Не будь таким глупцом, как Джагарян. Посмеешь в другой раз напасть на короля Хасана, накажу тебя ещё и посильнее. Митяй.

Соломон Флокс лежал в комнате для отдыха, и к нему никого не допускали. Входил и выходил только тот мужчина, который был во дворе с Максимом и втолкнул Марию в автомобиль, махнув им рукой: дескать, поезжайте.

Это был главный управляющий банка, доверенное лицо хозяина Дэвид Браун. Но права подписи на важных денежных документах он не имел; таких прав Флокс никому не давал, даже зятю своему Максиму Стеблову.

Флокс лежал на широкой тахте из черного африканского дерева, смотрел в потолок, и его сотрясала мелкая противная дрожь; дрожал он от страха, от леденящего сердце ужаса — и за свою жизнь, и за то, что болезнь может оказаться длительной и банк остановит операции по вкладам, кредитам, облигациям и ценным бумагам. Каждый день простоя может обернуться миллионами убытков, а этого он пережить не может; одна только мысль, что он потеряет миллион, бросает его в холодный пот.

Флокс думал:

«А что же со мной произошло?.. Уже ничего такого. Но почему я валяюсь, как старая шаланда на песчаном берегу?». В детстве Флокс жил в Одессе, и речь его, и мысль частенько оживляли образы родного города.

Да, конечно, с ним ничего не произошло: его никто не ударил, даже не толкнул — его и пальцем не тронули, а вон как расхотелись нервы, и сердце болит, и в голове какой-то странный, скрипучий шум, будто там асфальт и его подметают железной метлой.

Болит нос. И все сильнее, сильнее...

Но почему болит нос? Вот раньше, в детстве, ему не однажды разбивали нос, но и тогда он не болел, как сейчас.

Пришла Фатима — любимая жена Флокса. Он не араб, человек европейский, но многоженство ему нравилось. Гарема не держал; в трех городских квартирах, которые он имел, жили молоденькие девушки, красивые и никого, кроме него, не знавшие. Их стерегли евнухи и мамушки — стерегли строго, так, что ни одна тюрьма с его квартирами бы не сравнялась. Жены его были и в домах, а их, домов, дворцов и замков, было у него много: во Франции, Швейцарии, Германии, в Америке — и там были жены, и все молодые, возрастом до тридцати лет. На их содержание и на содержание домов, квартир он тратил двадцать пять миллионов долларов в год. Мог бы тратить и больше, но Флокс был человек бережливый, деньги считать умел.

Фатима готовила обед, а Дэвид привел другую жену — и она была любимой, — русская, очень молодая и очень красивая. Ей было всего шестнадцать лет и звали ее Кариной. Почему Карина — никто не знал, но она свое имя любила, потому что в нем было много музыки. В Арабию она приехала с матерью демонстрировать моды, и здесь ее увидел человек Флокса и пригласил в один из дворцов на берегу Тигра, пригласил вместе с матерью, уже пристрастившейся к алкоголю и наркотикам, и здесь произошла купля-продажа, то есть мать оставила свою дочь у Флокса, а вернее, продала ее за внушительную сумму.

Карина сидела у изголовья Флокса, прикладывала к носу примочку. А нос, между тем, болел все сильнее, краснел, распухал, расплзался вширь и становился мягким.

Вошел личный врач Флокса, сделал вокруг носа новокаиновую блокаду, дал выпить обезболивающую и снотворную таблетки. Флокс уснул, а врач, Дэвид, Фатима и Карина сели за круглый стол, стали обедать. Ели они молча и не смотрели друг на друга, думали каждый о своем. Боялись, как бы Флокс нечаянно не умер, не успев выделить для каждого сумму на пропитание.

Но Флокс умирать не собирался; он проснулся посреди ночи и закричал, словно его напугали. Обитатели комнаты повскочили со своих мест, зажгли свет и подбежали к хозяину. Флокс приподнялся на подушке и оглядывал каждого так, словно видел их в первый раз и не мог понять, зачем они тут. Он щупал руками нос и будто бы не находил его на месте. Поглядел в зеркало и — ужаснулся. Его нос из тонкого и горбатого превратился в сплюснутую лягушку и придал лицу совершенно иной вид: Флокс походил теперь на калмыка. Врачу сказал:

— Что это вы со мной сделали? Я не узнаю себя.

— Я ничего с вами не делал. Я дал укол, а нос усох сам по себе.

— Нос усох, а с нижней губой что случилось? Она вздулась так, будто её изнутри накачали воздухом. Такая губа бывает у персидской красавицы. Вы за свои проделки ответите, чёрт бы вас побрал!

Доктор пожал плечами и направился к выходу. Гонорар, на который он рассчитывал, лопнул в один момент.

Позвали другого врача. Тот никогда не видел Флокса и потому нос хотя и показался ему безобразным, но он про себя подумал: бывают и такие носы. А Флокс, с мольбой оглядывая врача, ныл:

— Плохо, мой друг! И голова болит, и нос. А-а?.. Доктор делал примочки и заставлял Карину держать мокрую вату у больного носа. Накапал снотворных, и Флокс вновь задремал. Но утром в комнату, как сумасшедший, влетел Дэвид Браун. Что-то зашептал на ухо врачу.

— Что вы там шепчете? — приподнялся Флокс.— Неприятность в банке? Говорите быстрее!

Дэвид подошел к нему и тихо, трагическим голосом проговорил:

— Кто-то перевел в Россию все вклады новых русских.

— Как это перевел? Как это все? Я не переводил. Но, может, ты переводил?.. Может, она перевела? — кивнул на Карину.— Включите компьютер!

С трудом поднялся, жёны набросили на него тяжелый бархатный халат, повели к компьютеру. Толстые пальцы банкира забежали по клавишам пульта. На экране открылся каталог: «Россия». Не тронуты старые вклады — дробные и тощие: семь тысяч долларов, восемь, одиннадцать... И — ни одного вклада нового.

Где девять миллионов генерала Гуся? Тридцать миллионов Гальюновского? Сто сорок миллионов Чернохарина?.. Пятьдесят два крупных вклада значилось в каталоге! И нет ни одного, все исчезли!.. Где? Где?..

Экран высветлил текст: «Флокс толстопузый! Не ищи деньги. Я перевел их тому, у кого их украли. Ты получил от меня первый удар. Последуют другие. Не зарься на грязные ворованные деньги. Не можешь быть человеком, так хоть не будь свиньей. Все! Фома с мыса Канаверал».

Экран замигал, заморгал и скоро совсем погас. Флокс, пораженный страшным известием, некоторое время ошалело смотрел на потухший экран компьютера. Машинально, ни к кому не обращаясь, он прошептал: «Фома? Кто он такой? И почему Фома?..»

Пересохшим языком лизнул толстые шершавые губы. Шумно потянул воздух, и — повалился на ковер.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Марию привезли в белый ажурный дворец, что стоял на склоне невысокого холма вблизи Тигра. Восемь фонтанов окружали бассейн перед главным подъездом. Струи воды поднимались высоко, образуя вверху сплошной серебристый зонт. Тут и там разбросаны скамейки из белого мрамора, а возле цветника из роз на свежзеленой траве удобно и призывно расставлен круглый стол и плетеные кресла. Мария вышла из машины, и перед ней тотчас же, словно из земли, выросла женщина, завернутая в белую ткань. Низко поклонилась гостье и сделала жест рукой, предлагая следовать во дворец.

Прошли залу, ничем не отмеченную, а только всю белую, с камином, с тремя хрустальными небогатыми люстрами и светильниками в простенках между окнами. По боковой лестнице поднялись наверх и тут попали в спальню, из которой одна дверь вела в ванную, а другая — в гостиную. Женщина молча показала все помещения и, ни слова не сказав, вышла. Мария только теперь, оставшись одна, увидела на вешалке цветной халат и под ним расшитые золотом комнатные туфли. Вспомнив, что несколько дней не принимала душ, пошла в ванную. А потом, наскоро сделав прическу, легла на диван и уснула.

Проснулась вечером. В раскрытых дверях стояла женщина в белом. Маша некоторое время смотрела на нее как на нечто неодушевленное, а затем спросила:

— Вы говорите по-английски?

— Да.

— Зачем меня сюда привезли?

Женщина молчала.

— Я могу выйти на улицу погулять?

— Вас ждет хозяин.

— Хозяин? Кто он такой — ваш хозяин?

— Хозяин.

— Логично. И — остроумно. А если я не хочу видеть вашего хозяина?

— Вас ждет хозяин.

— И это понятно. Коротко и красноречиво. А как вас зовут?

— Фазу.

— А сколько вам лет?

Женщина молчала.

— Ладно. Через полчаса приходите. Я буду готова.

И вот они идут по коридору в другое крыло здания. В круглой веранде с видом на Тигр за компьютером сидит мужчина лет сорока-пятидесяти. Он в сером европейском костюме, на хозяина не похож, а скорее оператор-компьютерщик или другой какой служащий во дворце. Заслышав шаги, поднялся навстречу Марии. Взял ее руку, поцеловал.

— Я был у вас в Москве, Ленинграде и в Новосибирске.

Развел руками:

— Летишь, летишь — и нет у вашей земли ни конца, ни края. Вас зовут Мария? Это красиво. Везде, в каждой стране есть Мария. Песню знаете «Аве Мария?»

Маша не отвечала. Была серьезной и даже строгой.

— А вы, извините, кто будете? С кем имею честь?..

Говорила на хорошем английском языке. Два года она жила в Англии и Америке — научилась.

— Я? — удивился незнакомец. — Я шейх, а по-вашему — царь.

— У шейхов бывает имя.

— Да, да, конечно: я шейх Фарид Дауд.

— Цари не крадут людей. И вообще — они ничего не крадут.

Веселое настроение слетело с лица Дауда, как легкое облачко. Глаза сузились и потемнели. И голосом, в котором звенел металл, он проговорил:

— Я никому не позволяю оскорблять себя — даже женщинам.

— Я тоже... не терплю насилия. Отпустите меня немедленно. Я личный представитель президента России.

— Мне сказали, вы — беженка, покинули родину, где вас ожидает смертная казнь. Я хочу спасти вас и предоставить кров.

— Я путешествую и не нуждаюсь ни в чьем покровительстве. Но если вы будете меня задерживать, вы рискуете потерять свое богатство.

— Богатство? Как?.. Каким образом я могу потерять свое богатство?

Последние слова он проговорил глухо, не отходя от компьютера.

— Вот здесь по Интернету... — показывал на экран, — сообщили о катастрофе, постигшей банкира Флокса. Это тоже дело ваших рук?

Мария молчала. Она подошла к окну и смотрела на Тигр. На противоположном берегу был пляж, и там загорали люди. «Наверное, наши — из Европы и России. Своим-то женщинам они не разрешают».

Шейх ей был противен, и она не хотела с ним разговаривать. И даже не смотрела на него. Он, видимо, не знал, что женщины могут держаться так гордо и независимо. И не мог сообразить, как повести себя с Марией.

А Мария, не взглянув на шейха, пошла к выходу. И он ее не задерживал, и никто не помешал ей выйти из дворца и направиться к берегу Тигра. Тут она нашла пятачок белого горячего песка, разделась и улеглась на спину, подставив лицо и тело лучам жаркого южного солнца.

Защитные очки в красивой золотой оправе позволяли Марии разглядывать высоко плывущие перистые облака. Она, как орел, смотрела и на солнце. Безбрежная даль неба навевала мысль о вечном,— о том, что смерти нет и нечего ее бояться. Придет время, она однажды уснет и проснется в другом мире, в другом состоянии,— в той безмятежной, блаженной невесомости, где нет тревог и забот, но где сохранится любовь как единственное и никогда не затухающее горение души. Ведь недаром говорят: любовь это Бог. Она допускает мысль, что в той жизни не будет Мити, она не сможет протянуть руки и погладить его волосы, не услышит дыхания, но он будет с ней рядом, и любовь к нему разгорится еще сильнее, и эта любовь превратит ее в существо, похожее на звездочку или на белую полосу, которую она сейчас видит под солнцем и которая, как ей кажется, плывет на север — в ту сторону, где под синими и еще более глубокими небесами лежит сказочная страна Россия.

Хорошие это были мысли, далеко от печальной и тревожной действительности уводили они Марию, и не заметила она, как подошел к ней Максим Стеблов, бросил на песок полотенце и улегся рядом. И не окликнул ее, не потревожил своим присутствием. А когда Маша его увидела, сказал:

— Простите, Мария Владимировна, мне тошно во дворце — я пришел к вам.

Не поворачиваясь к нему, Мария сказала:

— Станный вы человек! Даже и теперь, когда открылась ваша предательская роль, говорите со мной как ни в чем не бывало.

Стеблов ответил не сразу. И заговорил с ней тоже тихо, спокойно:

— Я вас не предавал. Наоборот, пытался спасти.

Потом они долго молчали. Марии его признание показалось лживым. Она подумала: «Какой коварный человек!» Но в то же время где-то под сердцем шевельнулось и сомнение. Было в нем что-то такое, что вызывало жалость, какая-то тайна.

— Как вы сюда попали? Чем занимаетесь? — расскажите мне.

И снова молчание. На эти вопросы, он, казалось ей, уж и совсем не станет отвечать. Но Максим ответил:

— Я муж внучки Соломона Флокса и правнучки — старого Флокса, ну, того, кому принадлежит дворец, в который мы вас привезли.

— А шейх Фарид Дауд? Я встретила его там и поговорила, кажется, не совсем вежливо.

— Фарид Дауд? Да, он властелин Южного Эмирата. Живет неподалеку. Ему сообщили, что банк Флокса терпит катастрофу — вот и пожаловал. Он крупную сумму держит в этом банке, естественно — беспокоится.

— А вы... — тоже беспокоитесь?

— Я?.. Как вам сказать?.. Старики Флоксы сыплются — у них одна наследница: моя жена. Казалось бы, должен зубами вцепиться — и в наследство, и в супругу, но я к миллиардам охладел; не знаю, что с ними делать.

— С деньгами-то?.. Есть и пить сладко. И жить в свое удовольствие. Сегодня на пляжах Ливана косточки греть, завтра — на Канары махнуть.

— Ливан, Канары... С моей-то женой! Девять пудов веса. Не во всякое кресло втиснется.

— Сто сорок четыре килограмма!

— Ну, да. Таких-то вот, как вы, трех на нее надо, а то и четырех.

— Зачем же вы на ней женились?

— Черт меня попутал! А к тому ж тогда-то в ней лишь сто пять килограммов было. Одно достоинство: внучка банкира. А бедному артисту, которому ни ролей, ни зарплат не давали, соблазн-то вон какой! Э-э, да что говорить! Тошно мне! А тут еще ваш подопечный и, как я слышал, дружок любезный по банку шарахнул. Все счета новых русских полетели...

— Не дружок он мне,— недовольно проговорила Мария,— а любимый. Я за него замуж выйду. А ударил он вас — за дело: за меня вы получили, и за тех, кого там, в России, ограбили. Вам-то, Максим, не совестно сородичей своих голодом морить и обирать стариков, детишек?.. И меня вот в плену держать?.. Ведь за всё это платить придется. Или вы в Бога не верите? А Бог-то — он есть, мы все под ним ходим, и от него всё в мире. Соломон Флокс уже получил свое, а там и женушки вашей черед придет. Да и вы заплатите. Он-то, Господь, и зло попускает, да только тех, кто дьяволу продаётся, всё равно накажет.

— Меня уж наказал: свободу жизни отнял, свет заслонил.

— Есть преступления, за которые ещё и построже карает.

— На что намекаете? На пушку лептонную? Говорил нам Саид... Неужели этот, как его?

— Дмитрием зовут.

— Неужели Дмитрий и по башке шарахнуть может? Но если так, то Россия-матушка какую силу обрела? Если пушку да военным отдать?..

— Военным пушку не отдаст, но сам распорядиться может. И первому вслед за Флоксами вам достанется. Ведь это вы меня у Флокса в подвале заперли, а теперь вот и сюда привезли.

К удивлению Марии Максим эту ее угрозу спокойно воспринял. Поднялся и пошел к реке. Долго купался, нырял и громко фыркал. Потом крикнул:

— Мария Владимировна! Идите купаться.

Мария встала, потянулась и тоже вошла в воду. Поплыла на середину. Максим ей крикнул:

— Далеко не заплывайте! Там опасно.

Мария вернулась. Спросила:

— Какая тут опасность?

— А вон катера ходят. Это они вас стерегут. Могут на борт поднять и сюда на берег доставить.

— А-а... понятно. И все это ваши проделки?

— Нет тут моей вины, Мария Владимировна. Я и сам у них пленник. Но об этом я расскажу вам позже. Долгий будет это разговор.

Он протянул ей руку, но Мария, не заметив его любезности, прошла к своему месту.

Солнце клонилось ко второй половине дня, небо становилось синим и прозрачным.

Мария теперь верила, что Максим ее союзник и при наличии счастливых обстоятельств поможет ей выбраться из плена.

Дмитрий и Евгений круглосуточно сидели за компьютером. Один ложился спать, другой дежурил — и так изо дня в день. Работы у них все прибавлялось. Адмирал Крамер, получив предметный урок, затаился, но что-то замышлял. В прессе и на радио нагнеталась истерия о каких-то смертоносных баллонах, якобы хранившихся во многочисленных дворцах короля Хасана и шейха Мансура. Общественность готовили к нанесению удара.

Однажды в полночь прибыл король Хасан. Сидел у Дмитрия в глубоком раздумье.

— Вы чем-то озабочены, ваше величество?

— Да, Митя. Боюсь, что ракета придет с какой-то нейтральной и очень далекой от нас территории. Говорят, теперь есть ракеты, стелящиеся по земле. Таковую-то и ты, наверное, не сумеешь поймать?

Дмитрий не торопился утешить короля. Он контролировал многие командные пункты Америки и стран НАТО, но не был уверен, что контроль его абсолютный. И король, услышав сердцем его замешательство, встревожился еще более.

— У тебя есть лептонная пушка.

— Да, ваше величество. Но малая оплошность — и она убьет человека насмерть.

Понимаю. Ты не хочешь никого убивать, я — тоже. Но нельзя ли ею попугать?

— Можно, конечно, но лептонное орудие способно спровоцировать большую войну. Ситуация выйдет из-под контроля, и я не сумею предупредить пожар. Лептонное оружие — это как граната в руках шалуна-мальчишки: неосторожное движение и взорвется.

Король понимающе качал головой. Он сидел в глубокой думе и не знал, что предпринять и как разогнать сгущавшиеся над его страной тучи.

Неожиданно сказал:

— От Марии Владимировны есть вести?

— Она звонит мне почти каждый день. Уверяет, что живет в прекрасных условиях и что никакой опасности для себя не видит. Но, сказать по совести, боюсь, как бы она в качестве заложницы не попала к американцам. Тогда они будут меня шантажировать.

— Вы не можете показать на карте точку, где она находится?

— Пока нет, не знаю.

Дмитрий говорил неправду: он знал, что Мария — пленница Флоксов и у них бывает шейх Фарид Дауд. Но скажи он об этом королю, так тот бы немедленно принял крутые меры. Конфликт мог перерасти в гражданскую войну, а этого Дмитрий не желал. Он искал свой вариант действий — не такой жесткий, бескровный.

Мудрый, проницательный король, казалось, понял тайные мысли молодого друга, оценил его благородство, но не успокоился. Судьба Марии волновала его все больше. Он тоже искал свои варианты.

Было уже поздно, а король не уходил. Он знал, что Дмитрий работает по ночам, не хотел покидать то волшебное место, где он чувствует в безопасности не только себя, но и свою страну, весь арабский мир, который в этот беспокойный век вступил в борьбу с самыми темными и страшными силами и пока несет в этой борьбе неисчислимые потери. Миллионы арабов лишаются крова, другие голодают, — вот и его страна не может продавать нефть и кормить граждан, не может торговать с выгодными партнерами. Запреты, запреты... А нарушишь — завешивают бомбу над головой, грозят учинить Хиросиму или Нагасаки.

Король прилег на диван, задремал, а Дмитрий «охотился» на компьютеры военных штабов Америки, ставил их на учет и на сигнализацию. Он хотел бы завершить такую программу, при которой каждое подозрительное «движение» американских военных вызвало звуковой сигнал тревоги на обоих компьютерах — у него и у Евгения. Боялся он двух вещей: ракеты, посланной с неизвестной ему базы, и — команды на отправку Марии в Америку или куда-нибудь подальше.

По Интернету пришел сигнал из Москвы. Просили к телефону Марию.

— Кто спрашивает?

Абонент замялся, что-то промычал в ответ.

— Пока не скажете, кто спрашивает, Марию не позову.

— Ну, я это, я... Муж Марии Владимировны, Аркадий.

— Я уже вам сказал однажды, чтобы Марию Владимировну не беспокоили, но вы меня ослушались. За это я вас оштрафую. Завтра утром свяжитесь с банками — ваши деньги хранятся в четырех банках — и вы узнаете сумму штрафа.

Вызвал на экран четыре банка, где этот паучок — невеликий по меркам правящих в России пауков — хранил деньги. Перебросил их шахтерам Кузбасса. Там до сих пор не выплачивали зарплату, а вклады всех пауков, и Аркашины тоже, продолжали расти.

У короля было много вопросов к Дмитрию, и многое он бы хотел сказать ему, но человек он воспитанный и крайне деликатный; все вопросы отложил до другого раза. Дмитрий тоже человек деликатный, но были у него к королю такие просьбы, которые нельзя откладывать. И он смело подступился с ними.

— Ваше величество! У меня есть неотложные проблемы научного характера, я их должен быстро решать.

— Хотите взять меня в лаборанты? Я готов.

— Вот здесь за стеной есть три пустые комнаты,— Дмитрий показал на стену.— Я хотел бы оборудовать лабораторию.

— Что же вам мешает? Нужны слесаря, плотники?

— Нужны приборы и оборудование. Они есть в России и Англии.

— Составьте список.

— Список есть. Вот он.

И Дмитрий вынул из кармана тетрадку. Король взял ее и сказал:

— Завтра же утром пошлю самолет в Англию. Там больше у меня своих людей.

Король стал прощаться, но Дмитрий вызвался проводить его до машины.

Саид сидел у изголовья Дмитрия и ждал, когда тот проснется. У него было срочное неотложное дело, но он не смел разбудить хозяина. И все-таки решился. Тронул Дмитрия за плечо, и тот мгновенно проснулся.

— Дмитрий Михайлович, я знаю, где Мария.

Посмотрел на часы:

— Скоро она выйдет на пляж и будет загорать до обеда. У нас с вами пять часов времени.

— Постой, постой! Говори не так скоро. Ты видел Марию?

— Да, видел. Я несколько дней наблюдал за нею в бинокль с противоположного берега. Там территория Флоксов, и у них на пляже загорает Мария.

— Она ходит свободно и ее никто не охраняет?

— Охрана огромная. Человек пятьдесят на нашем берегу и столько же на том. Посредине реки дефилируют катера. Но я знаю, как их обмануть. У меня есть план.

— Погоди. Я сейчас встану, и ты мне расскажешь, все по порядку...

Не прошло и тридцати минут, как они были на «Русалке» и пошли вверх по течению Тигра. Дмитрий занял место у входного люка в башне и в мощный дальномер смотрел на то место, где загорала и обыкновенно плавала Мария. Она сидела под зонтиком и читала книгу. В двух милях от нее Прибылов остановил «Русалку», и они наблюдали за четырьмя катерами, сновавшими взад-вперед, казалось, без всякой цели.

— Ты уверен, что они не королевские? — спросил Саида.

— Уверен. Я познакомился с людьми из охраны, дал им деньги и все у них выведал. За безопасность Марии Владимировны на воде отвечают катера. И стоит ей войти в воду, как они к ней приближаются и готовы в любую минуту прийти на помощь.

В голове Дмитрия тотчас же созрел план действий. Он подождал, когда один из катеров приблизился к «Русалке», ударил по днищу катера из лазерной пушки. Удар был бесшумный, но для катера роковой. Его носовая часть стала заполняться водой, и он в несколько минут затонул. Люди не успели раздеться и вообще не знали, что с ними произошло — в панике прыгали в реку и устремлялись к берегу. Со второго катера заметили неладное, шли на помощь, но и их постигла участь товарищей. Два остальных катера, очевидно, несли вахту в другой стороне — ничего не видели. И тогда Дмитрий приказал командиру лодки быстрым ходом направиться к Марии. Говорят, нет Бога, но кто же тогда подтолкнул Марию идти в воду и плыть на середину реки, как раз в то место,

где остановилась и стала всплывать на поверхность «Русалка». Дмитрий раскрыл люк и махал Марии рукой:

— Плыви сюда, скорее!

Мария его увидела и услышала и в считанные секунды была на борту «Русалки». Лодка погрузилась и легла на обратный курс.

В жаркую древнюю страну Арабию пришла поздняя осень. В небесах над Тигром и над Персидским заливом растаяла дрожащая в лучах солнца белесая кисея, прохладная синева разлилась от горизонта до горизонта, по ночам радостно, словно глаза младенцев, светились звезды.

Дмитрий, вызволив Марию из плена, много работал в лаборатории, а Евгений и Катя посменно сидели у компьютера. Катя закончила полный курс учебы у брата и в работе проявляла удивительные способности. Для нее была составлена программа «потрошения» российских богачей, укравших у народа миллиарды,— их на ее экране было восемьсот сорок, да столько же у Евгения. До Нового года карманы нуворишей надо было вычистить, деньги переслать в бедствующие районы России, и все эти операции заложить в память своего компьютера и послать в планетарную память Интернета.

Сам же Дмитрий и дневал, и ночевал в лаборатории. Лаборанткой у него была Мария. С нею он теперь не расставался и на час. Ей и комнату оборудовали рядом, и дверь не закрывалась ни днем, ни ночью. Они боялись, как бы злой рок снова их не разлучил, и потому хотели быть все время вместе.

Иногда Мария говорила:

— Я не мешаю тебе?

— Что ты, что ты! — вскидывался Дмитрий и уверял, что когда слышит ее дыхание, то лучше работает, и живет спокойнее, и вообще, чувствует себя увереннее, и силы его прибавляются.

Они не говорили о любви, в этом и не было необходимости. Им обоим казалось, что любят друг друга как-то по-особому, так сильно и горячо, что боялись словом неосторожным спугнуть это трепетное божественное чувство.

Не говорили они и о браке, хотя в первую же ночь после обретения свободы она постелила Дмитрию постель, да так с ним и осталась.

Часто приезжали король Хасан и шейх Мансур, просили рассказать подробности всего происшедшего, но Мария Владимировна никого не обвиняла, говорила, что с ней обращались хорошо и не в плену она находилась, а в гостях. Знала, что король и, особенно, шейх Мансур круты на расправу, и не хотела возбуждать их гнев. Боялась и за Саида, всячески его выгораживала, рассказывала о его благородстве и даже героизме.

И король и шейх тонко чувствовали тайные желания Дмитрия и Марии, восхищались величию их дел и помыслов.

Дмитрий ничего не скрывал, рассказывал о своих научных поисках и уже достигнутых результатах. Решал он две проблемы: первая — научить лептонную пушку не только убивать, но и наказывать, то есть злого человека выводить из строя действующих, и вторая — читать мысли и уже готовый текст вводить в память компьютера, а то и посылать в банк данных Интернета. Пусть знают люди носителей зла и своей гибели.

Король Хасан заметил, что своим присутствием не мешает Дмитрию, старался во всем оказывать ему помощь. Однажды Дмитрий писал на доске формулы, писал размашисто, вдохновенно; в отдельных местах с нажимом выводил цифры и что-то приговаривал одними губами. Повернувшись к королю, сказал:

— Вы, арабы, изобрели числа и научились складывать их и разделять, а мы, русские, далеко продвинули науку наук математику.

Дмитрий присел у грифельной доски, задумался. Обратился к королю с просьбой:

— Ваше посольство в Москве не могло бы прислать мне фотографии некоторых русских ученых? Я бы очень хотел с фотографий нарисовать их портреты, заключить в дорогие рамки и развесить на стенах лаборатории. А?..

Король подошел к нему, положил руки на плечи.

— Митя, друг мой! Ты же знаешь, как приятно мне исполнять твои желания. Назови этих ученых, и скоро их фотографии будут у тебя на столе. А ты хоть видел в глаза этих ученых?

— Нет, я почти никого не видел, но книги и монографии знаю. Я их ученик и хотел бы быть благодарным и почтительным. Хочу видеть их и мысленно говорить с ними.

Он снова задумался, а потом проговорил:

— Знали бы вы, как велики их заслуги перед человечеством!

— У вас на Родине, наверное, они известны.

— Нет, ваше величество, у нас на Родине их почти не знают. А недавно в подъезде дома бандиты убили великого учёного. И никто не нашёл убийцу. У нас в чести жуликоватые прохвосты от науки, ловкие проныры от искусства. Ах, что и говорить, ваше величество. Россия обернулась мачехой для лучших своих сынов. У нас не Родина, а королевство кривых зеркал: чем гаже человек, тем он выше вознесен по службе. Кремлевская власть особенно не любит, и теснит, и третирует русского человека. Такое и в страшном сне нельзя увидеть, но такое у нас наяву теперь.

Сидела тут рядом и Маша. Слышала она сердцем закипевшую в груди Дмитрия великую боль, положила руку на голову, гладила. А король смотрел на Дмитрия влюбленными глазами, кивал в знак согласия головой, а затем проговорил:

— Велик твой народ, Митя, коль имеет таких сыновей, как ты. И нельзя его победить, нет в мире сил, способных одолеть и тебя, и твоих учителей.

Поднялся король, взял из рук Дмитрия список ученых и бережно положил в карман. Сильно разволновался повелитель Арабии, боялся, чтобы чувства его не заметила Мария. Простился и вышел.

Фотографии были доставлены через неделю. А еще раньше король самолично привез Дмитрию этюдник, набор прекрасных кистей и краски. Признался, что в молодости и сам «баловался» живописью, да скоро понял, что таланта особого нет, а рисовать просто так, из прихоти, не захотел.

— У меня тоже нет таланта,— сказал Дмитрий,— но рисовать люблю. И рисую я портреты, одни портреты. Хочется мне заглянуть в душу человека и посмотреть, что там делается. Особенно люблю смотреть в глаза людям недюжинным, необыкновенным. Вот теперь я святого отца Адриана хочу написать, архимандрита Филарета, игумена Мефодия. Был я у них в Псково-Печерском монастыре, в душу они мне запали. Глаза их мне запомнились. Говорят, что глаза — зеркало души. Да, верно, но это лишь догадка, а читать в глазах всю информацию о человеке мы еще не научились.

— А нужно ли читать о человеке всю информацию? — возразил король.— Тогда и потеряется интерес к людям, исчезнет некая тайна, которая нас манит и волнует. Кажется, у нас, в Арабии древние люди говорили: «Тайны дразнят разум».

— Да, конечно, всё это так, и, все-таки, хочется заглянуть человеку в душу. Я, знаете, людей люблю. Особенно деток малых. На них наглядеться не могу.

После минутной паузы добавил:

— Я уже сейчас приступил к созданию математического кода, позволяющего миниатюрному компьютеру снимать информацию с сетчатки глаз. Компьютер заключен в оправу ваших очков, вы беседуете с человеком, заглядываете ему в глаза, а электронный прибор под камнем вашего перстня запишет все тайные мысли вашего собеседника.

Король в раздумье проговорил:

— Интересно бы знать, одобряют эти ваши замыслы наши боги — ваш Христос и наш Аллах.

— Думаю, одобряют. Они ведь боги и борются с дьяволом, а мой прибор поможет людям одолеть посланцев дьявола.

— Посланцы дьявола — это как вроде бы у вас — агенты влияния.

— Вот, вот, вы точно определили цели моего будущего прибора... если, конечно, мне удастся его изобрести.

— Вы тогда и обо мне не забудьте. Я и миллиарда не пожалею ради такой игрушки.

— Скоро я изготовлю первый экземпляр. И подарю его вам.

— А как же другие проблемы, над которыми вы трудитесь?

— Ваше величество, рад вам доложить: обе проблемы я решил. Нашел в гипоталамусе мозга крошечный участок, который, если его повредить, делает человека немножко инвалидом.

— Немножко?

— Да, самую малость. Правая нога выходит из строя, и чтобы сделать ею шаг, надо ее подтянуть. Ступня при этом шлепает так, будто ее уронили. Получается припляс,— разумеется, печальный, но в то же время и смешной. Человек будто танцует на одну ногу, а если к этому прибавить, что одновременно с приплясом он еще и шею тянет из воротника, то получается не просто па, но еще и с прибавлением кокетства.

Король привскочил от восторга:

— О-о!.. Митя! Дайте мне такой приборчик. И поскорее. Мне очень многих нужно научить такому танцу!..

Он подскочил к Дмитрию, обхватил его и стал кружить вокруг себя.

— Ах, что ты за человек! Да уж не сын ли ты самого Аллаха?..

Потом спросил:

— Но как вы узнали о таком действии своего открытия?

— Простите меня, ваше величество, но я испытал его на одном из ваших подданных.

— Он разве провинился чем-нибудь?

— Да, это он выкрал нашу Марию и взял ее в заложницы. Я и наказал его за это. Хотите, покажу вам свою первую жертву?

На стене вспыхнул экран и на нем кабинет Флокса. Хозяин банка сидел за своим столом и не был похож на прежнего Флокса. Нос лепёшкой, лицо как блин. Он что-то писал. Но вот он поднялся и стал ходить взад-вперед по кабинету. Ходил он быстро,— видно, тренировался, пытался избавиться от странного недуга, который у него ко всем прочим бедам вдруг появился. Боли прошли, но появился какой-то дьявольский припляс.

Дмитрий окликнул его:

— Флокс! Не пытайся выправить походку. Это тебе подарок за Марию. И за то, что прятал в своих подвалах деньги из России. Попытаешься еще нам сделать гадость, запляшешь на обе ноги. Благодарю тебя за то, что не заставил тебя вечно выбивать чечетку. А этот... художественный шаг будет у тебя до скончания века. Ну, бывай. Твой старый приятель Фома».

Король стоял перед стеной и продолжал смотреть на нее и после того, как экран погас. Его душил смех, но он не хотел ронять перед Марией королевское достоинство и лишь широко улыбнулся. В глазах его засветилась радость. Было видно, что он доволен тем, что именно банкир Флокс стал первой жертвой удивительного открытия. Он бы сейчас хотел сообщить Дмитрию целый список субъектов, которых бы он немедленно хотел наградить этой театральной художественной походкой, но, повинувшись тому же королевскому этикету, решил отложить свою просьбу до следующего раза. Поздравил Дмитрия с замечательным открытием и удалился. Не сказал, когда снова навестит русского друга, но для себя решил: приедет к нему завтра же.

Для экипажа «Русалки» начались осложнения, которых Дмитрий все время боялся и ожидал. Из России пришла первая ужасная весть: пропала семья Евгения. Она исчезла

ночью из Калиновки, где Ирина жила с девочками. На столе обнаружен принтерный текст на лощеной бумаге: «Дмитрий! С семьей Евгения ничего плохого не случится, но вы ее не получите до тех пор, пока не вернетесь в Россию».

По телефону содержание записки Дмитрий сообщил королю. Тот пригласил его во дворец. Хасан несколько раз прочитал записку; он изучал русский язык и пытался разобрать значение каждого слова. Наклонился к аппарату, сказал секретарю:

— Пригласите человека из Москвы.

И тотчас же в дверях появился знакомый до мельчайших подробностей русский политик, еще недавно занимавший пост главы правительства и поднявший в России цены в несколько тысяч раз. От двери до стола короля он катился колом, и было трудно различить, где у него зад, а где перёд. Дмитрий вспомнил шуточную песню одесситов: «Там где брошка, там перёд...» Руки, толстые и короткие, висели недвижно, и ногами семенил дробно, будто ехал на колесиках. Но особенно в нем поражали пустые немигающие глаза и чмокающий мокрый рот. Казалось, он только что поел блинов со сметаной и забыл вытереть губы.

— Кибальчиш. Да, меня зовут Герард Кибальчиш. Рад передать вам привет от президента России.

Руку ему король не подал. Кивнул на Дмитрия:

— Это мой русский друг. Я ему доверяю.

Сел на диванчик и рядом с собой показал место Дмитрию. Герарду предложил кресло напротив. Гость из Москвы еще что-то говорил о президенте, о других известных политиках, но король слушал его плохо.

— У вас в России много партий и движений,— заговорил Хасан,— вы, извините, тоже...

— Да, да, ваше величество, мы тоже создали движение, но совершенно новое — таких еще не было, и у вас в Арабии нет и не может быть по причине сверхновизны и глобального характера...

— О-о, продолжайте, пожалуйста, это что-то уж совсем интересное. У нас, конечно, нет такого движения, да и откуда взяться, если люди у нас заняты повседневными житейскими делами.

Король говорил с явной и не очень скрытой иронией,— он знал компанию людей, которой принадлежал этот любитель много и вкусно поесть, он и с папой его встречался еще в те времена, когда тот работал в «Правде» корреспондентом и, как жук навозный, ползал вначале по странам Латинской Америки, а потом и на Ближнем Востоке. Когда сынок правдиста вдруг вспрыгнул в кресло правителя России и начал свои головокружительные реформы, король поручил своим агентам изучить досье Герарда, и тогда на его столе появилась бумага, от которой он пришел в смятение: этот господин с мокрыми толстыми губами, очевидно по протекции папаши, был засунут в журнал «Коммунист» и несколько лет протирал там штаны, ничего не делая, потому что в журнале этом нечего было делать. А если бы и потребовалось что-нибудь написать, то все равно бы ничего не написал по той простой причине, что писать он не умел. И он вообще ничего не умел делать: ни строгать, ни пилить, ни даже двор подмести — слишком был толст и не мог наклониться. Такого-то человека посадили в кресло главноуправляющего всей страной — и еще какой! — Россией!

Хасан был молод и решил, что он еще не созрел для понимания таких странных фокусов мировой политики.

И вот Герард сидит перед ним. Он там, в России, создал новое движение, но какое? Королю неловко переспрашивать, но он решительно не понимает, что это за движение, которое поручили возглавить такому «стратегу».

Впрочем, Кибальчиш не так глуп, как могут о нем подумать. К примеру, он видит, что Хасан ничего не понял, и решил растолковать суть своего движения.

— Многие у нас индифферентны,— ввернул он мудреное словцо,— и не идут на выборы, не хотят поддержать президента. Я решил возглавить вот этих — индифферентных. Мы вернем в политику жирных и ленивых.

На слове «жирных» он поперхнулся. Впрочем, тут же поправился.

— Таких теперь много, сорок процентов. Представляете, какая армия волеется в политику?

— Да, представляю. Это большая сила. Но вы уверены, что все они приверженцы вашего президента?

— Не все, но большая часть. А если учесть менталитет лидера...

Герард выпучил глаза — и так, что они готовы были выстрелить. Король даже струхнул малость.

— Понимаю, понимаю, но что вас привело в Арабию?

— В Арабию? Русских в России восемьдесят два процента, а все русские любят арабов.

— И они решат, что вы тоже любите арабов?

— Конечно! Это же ясно как божий день. И все наши политики ездят к вам за менталитетом.

— Спасибо за откровенность. А мы-то грешным делом думаем, что вы хорошо относитесь к Арабии и спешите к нам в гости, как к добрым знакомым.

— Да, да, это, конечно, так, но мы, политики, как вам известно, и шага не ступим без цели.

— Это вы... А вот Гальюновский у нас часто бывает, а теперь и генерал Гусь... Они-то к нам ездят без всякой цели, а просто из желания поглядеть на нас, себя показать.

Герард низко опустил голову, спрятав лукавую улыбку. О короле думал: «Блажен, кто верует...»

— У вас есть ко мне конкретное дело? — спросил король.

— Есть. Хотел предложить вам союз: мы за вас, а вы — нам.

— Наши отношения закреплены в документах. У вас есть полномочия предложить что-то новое?

— Полномочий нет, но я общаюсь с президентом, знаю Шарапдасулова, мой лучший друг Чернохарин. Он великий дипломат, это ему принадлежит афоризм, который сейчас повторяют все президенты мира: «Хотели как лучше, а получилось, как всегда». Есть возможность закрепить, умножить... Ну, словом, если вы признаете наше движение, выскажете одобрение — публично, по радио или в газетах...

— Движение — ваше внутреннее дело. Мы обыкновенно не вмешиваемся в жизнь других стран. И тем более, в дела партий. Если же хотите знать мое личное мнение: я готов поддержать всякое движение, любезное вашему народу, прежде всего, русскому. У нас со славянами давние и глубокие связи, мы друзья и союзники по борьбе с кознями дьявольских сил, тех самых сил, которые в России пытаются ослабить и даже уничтожить русский народ. Если вы покажете себя другом славян, если и вы против сатанизма и за наших богов — Христа и Аллаха, тогда и мы станем вашими союзниками. Арабы — народ осторожный и в выборе друзей разборчив; мы будем зорко смотреть и долго думать, как бы нам не ошибиться и не поддержать тех, кто служит дьяволу и Америке.

— В Америке есть чему и поучиться...

— Америка нас душит, она против арабов и славян...

— Извините, вы меня не так поняли. Мы тоже против американской экспансии, но мы хотели бы перенести на российскую почву ее экономические законы, весь спектр свобод...

— Свободы бывают разные; свобода голодать, растлевать, отравлять наркотиками... Не думаю, чтобы русскому народу нужны были эти свободы.

Король поднялся, давая понять, что аудиенция окончена. Герард еще хотел что-то сказать, но Хасан энергично наклонил голову и этим жестом окончательно поставил точку

в их беседе. Дверь раскрылась, и вошедший служащий повел Герарда к выходу. Дмитрий, с восхищением слушавший беседу короля с российским политиком, сказал:

— Вы говорили с ним так, будто знаете его сто лет, или, как говорят у нас, пуд соли с ним съели.

Король вышел из-за стола, прошелся по кабинету.

— Эти вселенские сороконожки и у нас ведь есть, только мы им не даем хода. Они не так умны, как кричат об этом на каждом углу. И даже, можно сказать, совсем не умны, а примитивны. В отличие от вас, мы к ним подходим со стороны биологической. Их ведь тоже сотворил Бог, но только гены в них заложил разрушительные. Детями дьявола назвал их Иисус Христос. А дьявол он и у нас есть. И у нас он противостоит Аллаху. Аллах созидает, дьявол разрушает. Арабы живут с ними дольше, чем вы; мы давно поняли, что тот, кто допускает их к власти над собой, совершает самоубийство. И ваш народ тоже знает об этом, но за тысячу лет общения с ними он не нашёл против них защиты. Ваш организм не выработал противоядия; вы излишне добры, по-детски доверчивы, склонны быстро забывать и прощать обиды. Ваш Бог, сотворяя вас, заложил в ваши гены слишком много детского. От детского у вас и восторг, и пламенная страсть, отсюда и таланты во всех делах. Лягушечья душа не сотворит «Лебединого озера», не напишет «Евгения Онегина». У вас под стать вашей душе и территория — от океана до океана. Она вас разобщает, но она же и питает вас могучим духом. Гулливер не смог справиться с лилипутами, а вам недосуг разглядеть у себя за пазухой тлетворных тварей. Нам иногда кажется, ваш Бог подшутил над вами, оставив вам до старости младенческую душу. Но это не так. Бог, как всегда, поступил мудро. У вас от наивности, от горячей веры в чудеса и великие мечтатели, мудрецы и герои. Завидую тебе, Митя, что уродился сыном такого народа. Ну, а дети дьявола...

В нынешнем столетии во второй раз запустили их в Кремль, и чем это кончится — неизвестно. В первый раз после семнадцатого года Бланк-Ленин и Бронштейн-Троцкий со товарищи извели чуть ли не половину населения страны, теперь же, как я думаю, вы потеряете больше. Но сила народа не в одном количестве; она и в мёртвых героях живёт, в правде и величии всего содеянного народом.

Вас, русских, если и рота одна останется, все равно вы победите. Бог тайну ведаёт: для поддержания жизни всех народов на земле должен жить народ, от которого вся благодать идёт. Мудрецы Востока знают это, потому мы и тянемся к вам; Россия для того и тебя к нам послала.

Дмитрий поблагодарил короля за теплые слова и стал прощаться. Король, как всегда, проводил его до подъезда.

Возле машины, подаренной шейхом Мансуром, Дмитрия ожидал Герард Кибальчиш.

— Надеюсь, вы не откажете мне в гостеприимстве?

— Рад буду принять вас,— любезно пригласил бывшего владыку России Дмитрий. И почтительно раскрыл перед ним дверцу автомобиля.

Ехали по центральной улице города. Герард бывал здесь несколько раз и, может быть, потому не смотрел по сторонам, а сразу же стал излагать свои впечатления. Говорил торопливо и не очень внятно:

— Я когда был в Кремле, не очень жаловал этого... восточного царька. Ну, вот — получил сдачу. Считай, мы квиты.

И потом, чмокая мокрыми губами:

— Поразительно, как в них въелась эта восточная спесь — король, ваше величество!.. На бешеной козе не подъедешь.

— Король культурный и милый человек. Нашим бы владыкам его образованность!

— Ты шутишь... Митя. Надеюсь, можно тебя звать по имени? Я много старше тебя, ну, и... положение, которое занимал... надеюсь, дает мне некоторые права.

— Называйте меня как угодно — хоть горшком, только в свою партию не зовите. А фамильярность у вас в крови, это ваша национальная черта. Вы, как я заметил, таким образом стараетесь поставить себя вровень с собеседником, а чаще всего — и выше. Так что — называйте.

От слова «национальная» Герард поморщился, как от зубной боли, он даже головой своей мясистой замотал, словно его ударили по затылку, но быстро оправился, сказал:

— Вот как! Уж и национальную черту подметили; у них, что ли, научились: они тут каждого сквозь рентген просвечивают: кто да из какого клана... А я, Митя, интернационалист, меня пионерия и комсомол воспитали, да и дед мой, как тебе известно, писателем детским был, нового человека хотел сформировать.

— Книг его не читал, а вот по радио слышал, как он русских крестьян расстреливал. Надо же! Какую напраслину возводят! И на кого! На детского писателя, человека самой гуманной профессии. Дедушку-то вашего палачом представили.

Герард с юмором не в ладах, иронию в упор не слышит, а Дмитрий сел на своего конька и знай погоняет. Лепит в глаза все, что о нем знает. Никого и ничего не боится. Парень он русский, простой — что и взять с него?

Герард продолжал мирно, вкрадчивым голосом:

— Я, Митя, по делу к тебе приехал, а к Хасану так зашел, ради этикета. У нас к тебе важный разговор есть.

— Разговор — пожалуйста; вы, верно, о деньгах речь поведете: как бы их вернуть тем, у кого их со счетов сдуло? Сейчас ко мне многие обращаются — из ваших.

— Кто это — наши?

— Ну, те, которые вдруг богатенькими стали. Не было ни гроша — и вдруг алтын. Вот и у вас тоже...

Дмитрий миролюбиво, и вроде бы сочувственно, стал называть банки за границей, и суммы вкладов, и проценты с этих сумм...

— Вы-то, может, и не знаете о них, а они лежат там, и процентики набегают, и все на вашу фамилию. А ну, как завтра суд начнется!

— Какой суд?

— Народный! Какой же еще! Митяй-то, он парень строгий, никому в рот не смотрит. Он у нас неподкупный.

— Какой Митяй?

Герард плохо понимал Дмитрия; смотрел в зеркальце, прикрепленное над рулем, и думал: «В здравом ли он уме?..»

Вдруг вспомнил:

— Ах, Митяй! Тот, что с острова Кергелен? А скажите, Митя, что это за зверь такой — Митяй с Кергелена?.. Его новые русские как огня боятся: говорят, он деньги со счетов снимает, а куда отправляет — неизвестно.

Ответить Дмитрий не успел. Машина остановилась, и к ней подскочили генерал Гусь и Гальюновский. Наперебой здоровались с Дмитрием. Герарда словно бы и не замечали. Было видно, что Дмитрий им очень нужен, с ним они связывали какие-то важные свои планы.

— Дмитрий широким жестом показал на дверь:

— Проходите, господа! Мы рады гостям из России.

Хитрые, коварные это люди, российские политики и политиканы, много тайных мыслей держат они в голове и не торопятся их выкладывать, тем более если перед ними человек другой веры, других убеждений.

Много разных толков ходило по Москве о Дмитрие, но они его не знали. И человек, которого к нему приставили кремлевские ребята, то есть Мария, никаких серьезных сведений о нем не давала. Много за нее натерпелся их верный дружок Аркаша, — из-под его крылышка выпорхнул так называемый представитель президента,

его она женоушка, а на кого работает — неведомо. Одно твердит в секретных донесениях: парень он надежный, служит России и президенту, охрана обеспечена. И всё! Понимай как хочешь: «служит России и президенту». Будто бы это одно и то же. Дура набитая! Баба с куриными мозгами!.. И как же это наш Аркаша не вразумил идиотку? Служить можно и нужно небольшому кружку избранных, а не какому-то абстрактному слову «Россия». В России-то сколько живет людей и каждый в свою сторону тянет.

Сильно всполошил их слух о снятых со счетов вкладов. Вдруг в один момент из банков полетели миллиарды. Среди пострадавших были и русские. И это-то сбило всех с толку, Что это за фрукт такой — Митяй. Не шадит ни наших, ни ваших. Вроде разбойника с большой дороги.

Сидели за круглым столом, пили кофе из золотых чашечек, и печенье, и пирожное брали с золотых подносов. Посуду Дмитрию подарил король. И сказал при этом: «Я, Митя, и твой бюст из золота прикажу изваять. И поставлю его в своем кабинете». А шейх Мансур прислал круглый малахитовый столик. За ним сейчас и сидели гости из России.

Прерванную в машине беседу возобновил Герард Кибальчиш:

— Так что же он за зверь такой — Митяй?

— Митяй-то? Ученик мой. Компьютерный оператор. Подсобрал деньжонок, компьютер мой под мышку — и был таков. Объявился на Кергелене. Я грешным делом и не знаю, где остров такой — Кергелен.

Из своих комнат вышла Мария, подняла обе руки — дескать, приветствую всех. А гости вскочили, точно ужаленные, выстроились к ней в очередь — руку целовать. Гальюновскому сказала:

— С вами не имела чести быть знакомой, зато уж и люблю телепередачи с вашим участием. Ну, кто еще кроме вас может плеснуть водичкой в физиономию Немцову?.. Герард Тимурович отважится?.. А, может, наш грозный генерал с птичьей фамилией?..

Она повернулась к генералу:

— Голос у вас, генерал,— да, трубный; и фразу хлесткую кто-то вам придумал... «За державу обидно...» Но чтобы вот так — плеснуть из стакана!.. Нет, вам до этого далеко.

— Фраза сильная,— подтвердил Дмитрий,— и еще вот... как это у вас?..— «Умею останавливать войны!..» — тоже звучит.

— Особенно для школьников,— сказала Мария.— От вас, наверное, девочки без ума. Ну-ка, человек: останавливает войны! Есть от чего потерять голову. А тут еще голос ваш — Шаляпин такого не имел. Я как-то была в гостях у нашего знаменитого баса Бориса Штоколова, так и он вам завидует. А кстати, вы не пробовали петь?..

Всем трем политикам не нравилась фамильярность тона и явно издевательский подтекст, но, может быть, в такой веселой шутливости заключался каприз хорошенькой женщины? Она знала, что нравится, что представляет здесь высшую власть, и не могла справиться с фонтаном чувств, вырывавшихся по случаю встречи с еще не старыми и на весь мир известными мужчинами. Ей они прощали игривый и, конечно, не безобидный тон, но вот Дмитрий?.. Он-то по какому праву скоморошничает? А, впрочем, может, он прост и глуп безнадежно? Так или иначе, но оба они позарез нужны каждому из трех залетевших сюда молодцов — хочешь-не хочешь, а слушай болтовню хозяев.

Герарду не давал покоя шалопай с Кергелена — боялся за свои вклады в шести зарубежных банках, пытал Дмитрий:

— А этот... ну, ваш приятель, сбежавший на остров, он по неразумению...

— Митяй-то! Да вы его не бойтесь. Ваши денежки честным трудом заработаны. Их-то он не тронет, а если и заденет, то по ошибке, нечаянно.

Кибальчиш как-то кисло и жалобно скривился; видимо, подумал: какая мне разница, по какой причине он «заденет» мои миллионы, умышленно или по ошибке, денег-то он лишится. Герард начинал нервничать, его состояние усиливало и тревогу друзей, они крепились, но очень бы хотели знать: нельзя ли как-нибудь умерить пыл этого

разбойника? Нужно было выяснить, каких взглядов придерживается этот Митяй. Кого из политиков он уважает, а кого считает своим врагом? По фамилиям уже лишенных капиталов нельзя ничего понять: потрошил он без разбора, кто попал под горячую руку: русских, кавказцев, евреев. Вот что страшно — без всякого выбора крушит, кого ни попадя — наотмашь бьет.

— Как же это вы, — загудел Гусь, — такое открытие и выпустили из рук.

— Но руки-то мои остались. Вот они!

Дмитрий показал ладони.

— Захочу и будет компьютер. Да еще и посильнее. Такой, что хлопну по башке и самого Митяя, он и скукожится.

Политики инстинктивно съезжились. Слышал Герард и о лептонной пушке Дмитрия; за ней к нему и пожаловал; то есть не то, чтобы хотел заполучить ее, но подчинить своей воле самого пушкаря, Дмитрия. А для этого ему надо выяснить, кому он из них симпатизирует. Вот Мария с восторгом говорила о Гальюновском, а потом и о генерале кое-что лестное сказали, ну а он, Герард Кибальчиш, о нем-то они что думают?

Каждый из троих сейчас рассуждал примерно так: вот выясню, кого он любит, тогда уж и спланирую, как действовать дальше. Деньгами его, похоже, не заманишь, денег ему и король даст — вот подарили же ему дворец, и посуда вон какая, и охрана, машины... К нему только на симпатиях можно подъехать.

А Гальюновский, как самый скорый на разные коварства и догадки, допускал еще и такую мысль: дурачит он их с этим Митяем. Придумал себе такой псевдоним и потешается над ними, да и над теми, у кого карманы уже вывернул, и над теми, кому еще предстоит расстаться со своими миллионами.

Дмитрий, обращаясь к Герарду, продолжал:

— Злые языки мне говорят: Герард сам себе зарплату определял. Разве можно так, чтобы зарплата одного человека составляла миллион минимальных зарплат? А в самом деле: есть в какой-нибудь другой стране у одного человека такое жалование? А наш царь-батюшка — он сколько получал в месяц?

— Ну, что ты удивляешься! — вскинула на него свои прекрасные глаза Мария. — Мой Аркаша — какой-то министр паршивенький, у Герарда в приемной на карачках ползал, а и то тысячу минимальных зарплат отхватывает. Это у них демократией называется. Чего хочу, то и ворочу.

— Мария Владимировна, душечка, не будь ты такой язвой. Речь идет о законности. Назначил себе такую зарплату — получай. Все законно. Таких смельчаков уважать надо. И ты позвони Митяю, пусть не трогает вкладов господина Герарда. А если и тронет, то лишь в двух банках: в «Нью-Йорк-сити» — там на счету Кибальчиша семьсот сорок миллионов двести тысяч долларов лежит — эти пусть пошлет в Якутию и Ханты-Мансийск, там люди уже замерзать начали, ну, еще со швейцарского счета — в Женеве у него...

Дмитрий окинул взглядом сжавшегося от страха Герарда...

— ...пятьсот двадцать четыре миллиона положено — пусть эти пошлет — в Северодвинск, например. Там господин Кибальчиш по заданию американцев завод подводных лодок остановил.

Наклонился к Герарду:

— Вы не возражаете?.. Ну, вот, с вами все порешили. А теперь господин генерал... С ним будет посложнее. У него жена в Одессе русско-израильский банк держит, всю валюту генерал через него пропускает...

— Какие у меня деньги? — трубно зарычал Гусь. — Откуда им взяться?

— Источники? У Митяя все записано: кто, где и сколько вам давал на избирательную кампанию. Все до цента учтено. Вам бы я посоветовал самому отдать государству денежки, а то как Митяй потрошить станет — тут и вскроются все ваши гешефты.

— Я русский! — вдруг вскричал Гусь.

— Русский, русский, только матушка и батюшка вашей женушки Лии Азбестовны в Тель-Авиве проживают. Наш компьютер и эти сведения имеет. И многое другое держит в памяти. Но позвольте! — повернулся он к генералу.— Ваша супруга вполне приличный человек, и даже очень интересная. И процент с украинцев небольшой берет: кажется, двенадцать или четырнадцать годовых. Мы к таким людям претензий не имеем.

Пожалуй, труднее всех давался этот разговор Гальюновскому; он среди российских политиков слыл за бедняка, и с телеэкрана признавался, что до сих пор живет в блочном доме, в квартире из двух комнат, и что одну он только преследует цель: помочь русскому народу, обиженному, оскорбленному и во всем обделенному. Имя у Гальюновского мудреное: Вольф Агамирович, а что такое Агамир — никто не знает. Сам он говорит: я и в глаза не видел папашу; родился и вырос без него. И какой он национальности, не знаю. Но всем известно, что маму он очень любит, мама у него Варвара Федоровна, из поморов, из тех же мест, где на свет появился Михайло Ломоносов. Показывал он по телевизору и Варвару Федоровну, и сестер своих — Машу и Глашу. Розовощекие, златокудрые славянки. Зато и возлюбили же Гальюновского, сразу возлюбили, с первых его публичных выступлений,— и дружно побежали за ним, как стадо баранов. Как же! Он хоть и какой-то Агамирович, а поди как хорошо слово «русский» выговаривает. За время-то советской власти мы свое звание совсем позабыли. Слово «русский» только в пьяном застолье произносили, а если в школе или институте — там и вовсе под запретом это слово было, а тут человек выходит на сцену и громко этак говорит: «русский!» Слово это президент не знает, никто в Кремле не может выговорить, и даже лидер оппозиции — человек с какой-то манчжуро-уйгурской фамилией — и он, выдающий себя за вождя всего народа, не знает, как называется этот самый народ. Слово «русский» говорить он так и не научился. Вначале-то ждали от него: вот-вот научится, ну, еще немного — месяц, другой... Нет, не научился. И стали от него нос воротить. Для народа-то что главное? — скажи ты ему, как говорил Суворов: «Я русский, какой восторг!» И он бы побежал. И в такой бы раж вошел... Все заборы бы переломал. Нет, не назвал их русскими лидер оппозиции, а вот Гальюновский — назвал. И рванулись было за ним, а потом — глядь: один раз в трясину поволок, другой раз... Ну, и поотстали. Уж на что неразумные, а тут подвох разглядели. Увидели, что не зря, выходит, папашу-то его мудреным именем назвали. И остались от Гальюновского слава дурная да деньги в иностранных банках. По ним-то можно судить, кому он служил и куда хотел затащить доверчивых русских.

А вообще-то надо правду сказать: российского политика хоть эфиопом назови — не обидится. Одного он только боится: как бы его с Тель-Авивом не повязали.

Вечером отходил самолет, на котором Дмитрий и Мария летели в Россию вызволять семейство Евгения.

— Господа! — возвестил хозяин.— Мы сегодня вылетаем в Москву.

— Мы тоже,— сказал Гальюновский.— Надеюсь, вы подбросите нас до аэропорта?

— Мы летим служебным рейсом.

— На самолете короля?

— Да. Его величество предложил нам и самолет, и охрану. Сказал об этом с умыслом: пусть не замышляют всякие козни.

— Возьмите же и нас с собой.

— Пожалуйста, но об этом мне нужно договориться...

Набрал номер телефона и изложил суть дела. Разрешение хоть и не сразу, и без удовольствия, но было получено.

И вот они в воздухе. Дмитрий порывается рассказать политикам о цели их путешествия, но Мария дернула за рукав.

— Ни в коем случае!

Дмитрий выразил недоумение:

— Да я и принимал их ради этого.

— Забудь думать! — повторила Мария.— Я знаю, где они. Дмитрий пожал плечами и больше об этом не заговаривал.

В Москве их никто не ждал.

В аэропорту взяли такси и через час были дома. Вахтер в парадном подъезде нимало удивился, заметив в окошке Марию. Он знал ее и уважал. На весь подъезд она одна была тут русская и давала Петровичу, бывшему еще недавно начальником цеха на заводе «Динамо», деньги на содержание его больной жены и четырех детей. Близилась полночь, дом отходил ко сну, но Мария не торопилась подниматься наверх, а прошла вместе с Дмитрием в комнатку вахтера и расположилась на диване, как дома.

— Рассказывайте, как вы тут живете? Как Аркадий?

— Аркадий Борисович стал важным человеком, без его подписи теперь не передается в частные руки ни один завод. Он, можно сказать, хозяин всех наших богатств — и тех, что мы создали за время советской власти, да и тех еще, что от царского времени нам остались. Важный он стал и погрузнел. Вам его не узнать.

— Квартиру, небось, превратил в вертеп?

Петрович отвел взгляд в сторону, не хотел огорчать Марию.

— Ну, ладно. Вы ему не звоните, мы тихонько пройдем. Замки-то он не заменил?

— Не заменил. Старые замки у вас.

Поднялись на шестой этаж, и Мария открыла замки металлической двери. Вошли в коридор, а из него в большую гостиную. Из дальних комнат доносился голос Высоцкого — любимого певца Аркаши, там же звенели девичьи голоса. Мария, взглянув на Дмитрия, улыбнулась:

— Узнаю своего муженька.

Прошли в комнаты Марии — их было три, и ванная, и туалет; и рядом за стеклянной дверью зимний сад на сорок квадратных метров. За другой дверью лестница на второй этаж и в бассейн. В квартире было четырнадцать комнат. В двух из них на втором этаже находилась прислуга — пожилая женщина и совсем молодая.

Приняли душ, переоделись, и Мария стала накрывать легкий ужин. Тут в соседней большой гостиной послышались беготня, смех, возня. Мария растворила настежь дверь, и им открылась библейская картина: две обнаженные наяды и столь же откровенно неодетый толстяк с огромным животом и короткими ножками...

— Ну, ну... Чего же вы смутились? Продолжайте, а мы посмотрим на вас. Такого и в театре на Таганке не увидишь. Содом так уж содом...

Девочки юркнули в дверь соседней комнаты, а хозяин всех богатств России, как-то неуклюже и смешно виляя вислым задом, шмыгнул в дверь другую. Но скоро он, в шелковом, невообразимо нарядном халате и с высоко поднятой головой, вновь явился в гостиную. И стал что-то объяснять, но Мария схватила его за ворот халата и поволокла в коридор. Вышвырнула за дверь и со звоном шелкнула замками. Вернулась в гостиную, а здесь в великом смятении ее ожидали две юные красавицы.

— Ну! — встала перед ними Мария.— Будем расплачиваться? Сколько он вам дает за вечер?

— Мы у него впервые, а другие девочки говорили: по двадцать долларов за ночь.

— Не густо, однако же, он ценит вашу молодость и красоту.

Достала из сумочки две пачки по десять тысяч долларов, разделила поровну, сказала:

— Кончайте свои забавы, идите в институт, учитесь. А не хватит вам этих денег, ко мне придёте.

И потом, коснувшись плеч, проводила их до двери.

В коридоре стоял Аркаша.

— Что ты себе позволяешь? — вскричал он, хватаясь за ручку двери.— Я тут хозяин!

— У тебя в Москве еще две квартиры, а в Перловке дача. Катись и живи там.

Собрала чемодан и выставила за дверь. Спросила:

— Где семья Евгения? Не скажешь, станешь нищим и бомжом.

— Не знаю, не знаю!

А когда Мария закрыла за ним дверь, прокричал:

— Тут они, тут. В комнате для гостей.

Мария потушила свет, и они вместе с Дмитрием поднялись на второй этаж и тут увидели, что и жена Евгения, и две ее очаровательные девочки спят сном ангелов и не ведают, что с неба им пришло избавление.

Утром Мария позвонила главному администратору Кремля. Тот приказал ей немедленно явиться.

Главный был действительно главным лицом в России. К нему звонил и президент, человек вспыльчивый, но глубоко больной и всегда с похмелья; и Чернохарин, толстый, как морской контейнер, и на разум сильно приторможенный; и думский лидер с птичьей фамилией и никому не понятной душой, начальник губернаторов, вроде бы пекущийся о народе, но не забывающий и себя — все звонят главному, о чем-то просят, но не ведают, что кремлевский начальник признает над собой только двоих: американца Сороса и бывшего доцента из партшколы, мужчину средних лет, но с женским голосом, срывающимся на детский дискант. Только эти два человека могли ему приказать, а потому Мария, открывая дверцу посланного за нею «Мерседеса», думала: «Какое для нее последует от них распоряжение?»

Главный сидел в кабинете, расписанном золотом с лепными потолками. Мебель тут была необыкновенная; ее стащили из царских, княжеских, графских дворцов и частью из музеев. Кресло под Главным принадлежало Ивану Грозному, а стол из черного дерева Людовику Четырнадцатому, а письменный прибор Наполеону. Главный был мал ростом, почти карлик, он под сиденье клал высокую подушку, но и то был вынужден тянуть шею, чтобы выглядеть большим и важным. Главный был черен, кудряв и очень молод. Один глаз у него отливал кирпичным цветом и смотрел прямо, другой черный и косил влево. Остряки называли его Черным тараканом. На слуху у всех был Рыжий таракан, того знали, едва ли не каждый день лицезрели по телевидению, этот сидел в потемках — его никто не видел, но все его боялись. Это он, а не генерал Гусь начинал и останавливал войны, приказывал рабочим не платить зарплату, морил голодом и холодом северян, прогонял министров и на их место назначал негодяев почище прежних...— словом, все шло от него, но этого никто не ведал. Однако многое о нем знала Мария. Ведь он был двоюродным братом ее Аркаши. От него и должность она высокую получила.

Знала его Мария и не боялась. Сейчас, подъезжая к Кремлю, она поправила в волосах гребешок: в нем был устроен сотовый телефон, соединявший с ней абонента, где бы он ни был, хоть за десять тысяч километров.

Два чиновника ввели ее в кабинет, и она предстала перед Верховным. Знала, что вместе с Аркадием они работали в городской филармонии администраторами, развозили бригады артистов по стране, устраивали концерты, но чтобы этот... косоглазый бесенок мог залезть в кресло владыки такого огромного государства...

Главный смотрел в сторону, будто возле Марии был еще кто-то. Потом она разглядела, что прямо на нее устремлен черный глаз, и мечет он громы и молнии, высекает искры.

— Явилась — не запылилась. Где пропадала?

— Лёва...

— Я тебе не Лева, а господин Ветров.

— Фу, ты — важность какая! Я ведь еще помню время, когда ты Шойхетом был.

— И что же с того? Ну, был! А теперь — Ветров. Мы зачем тебя посылали? Кому отдала нашего изобретателя? Королю Хасану?

— Арабы наши друзья.

— Чьи это ваши? Может, скажешь, они наши? Хорошенькое дело: нашла друзей! Ты что, забыла, кто уже наши, а кто не наши? Тогда зачем же мы тебя посылали? Немедленно доставь нам сюда этого паршивого инженеришку. У нас есть для него задание.

— Какое же?

— Мы ему дадим задание, а не тебе.

— Я его начальница. И — жена.

— Жена! — подскочил Лёва. — А мой брат — Аркадий?

— Аркаша отставку получил. Жирный мешок! Зачем он мне?

— Хорошо, черт с вами! Давай адрес этого оболтуса.

— Кого?

— Ну, этого... Митьку, что ли?

— Для кого он Митя, а для вас он ученый, великий изобретатель, гордость русского народа. Адреса я вам его не дам.

С радостью подумала: «Аркаша не рассказал ему о ночной сцене и вообще, наверное, ничего и никому не говорит».

— Хорошо. Иди вот сюда.

Провел Марию во внутреннее помещение, сказал: «Будешь сидеть здесь, пока не позовешь Дмитрия».

И хотел было идти, но Мария схватила его за руку:

— Лёва, не дури! У Дмитрия лептонная пушка. И он видит все, что происходит с его друзьями, а уж за мной-то следит неотрывно. Будешь дуришь — нанесет удар.

Мария говорила громко — так, чтобы сотовый телефон в гребешке доносил ее голос до Дмитрия.

— Удар? Пошли вы к чёрту со своим ударом!..

И хотел было выйти, но потом вернулся:

— Слушай, Маша. А это что — серьезно насчет ударов?

— Да, у него список из десяти тысяч человек. На каждого настроена лептонная пушка. Мгновение — и наносится удар.

— А-а, брось трепаться!

Махнул рукой и вышел. Но в ту же секунду раздался его крик. Маша толкнула дверь, но она была заперта. За дверью послышалась возня, стон.

— Башка трещит, как будто молотком хватили.

И через минуту, видимо поднявшись, воскликнул:

— Нога! Моя нога! Она дьявольски пляшет.

Мария представила картину приплясывающего Лёвы. И рассмеялась. Сейчас влетит к ней, и начнется паника.

Мария не ошиблась: дверь растворилась, и к ней приплясывающей походкой приближался Лёва. Она сидела в кресле и делала вид, что не замечает вошедшего. Лицо владыки сделалось плачущим и жалким.

— Мария! Ты видишь?.. Я что — буду так ходить?.. Пусть твой друг опять ударит, чтоб нога на место стала.

— Снабди нас визами и проездными документами.

— Чёрт с вами, катитесь вы на все четыре стороны, только нога. Когда он ее поправит?

— Поправит. Когда мы ступим на землю Арабии.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Экипаж «Русалки» пополнился еще тремя членами; по комнатам дворца с веселым щебетанием забегали Танечка и Манечка. И никто им не мешал, не останавливал — их все баловали и ласкали.

Жену свою Ирину Евгений каждый день усаживал подле себя и приучал к компьютерным операциям. Великое старание умножало ее способности: она за две-три недели проникла в такие тайны, о которых могли мечтать банковские и министерские доки.

Дмитрий безвылазно сидел в лаборатории, создавал новое семейство вирусов. Оставалось выработать систему кодов — простую, надежную, но не доступную никому другому. Он перебрал сотни вариантов, но ни один из них не казался ему совершенным.

Изредка к нему приезжал король, иногда и ночью. Сидел в кресле у окна и чаще всего молчал.

— Ваше величество, вас что-то тревожит?

— Нет, Митя, ничего. Работай, пожалуйста, а я поеду.

А однажды спросил:

— Если не секрет, над чем голову ломаешь?

Как раз в эту ночь Дмитрий нашел заключительную формулу, и, как ему казалось, очень удачную, — с радостью рассказал королю об окончании очередного своего дела.

— А этот ваш механизм не может доставать компьютерные системы под водой?

— Как это не может! Очень даже может. Под водой-то как раз проще всего расколошматить любую систему.

— Что такое расколошматить?

— А-а... Это — разбить, разрушить, разбомбить...

— Хорошее слово — расколошматить, — улыбнулся король. — Я его постараюсь запомнить. Во время общения с вами я далеко продвинул свой русский язык.

Король замолчал и долго о чем-то думал. Потом негромко и с неуверенностью в голосе заговорил:

— Мне неудобно вас озадачивать, но случаются ситуации...

— Ваше величество! Я вынужден повторить, что затем к вам и перебрался на жительство, чтобы бороться. Бороться и побеждать. В России такой возможности мне не дадут, там среди кремлевских хозяев у меня слишком много врагов, они только и глядят, как бы заставить каждого способного держать оружие сражаться против своего народа. Они для этого идола выдумали: терроризмом его назвали. Солдат и офицеров превратили в охранников, генералам платят бешеные деньги, чтобы помогали разрушать армию, директоров тоже подкупают... Они за взятки останавливают заводы и разгоняют людей. Армагеддон какой-то! Вот только у вас я и могу работать для своего народа. Для своего и — вашего. Враг-то у нас один.

— Да, Митя, еще и еще раз я убеждаюсь, что в образе твоём к нам явился сын Аллаха. Аллах услышал нашу молитву и прислал к нам своего сына. Хотел бы я вечно служить вам и, если понадобится, жизнь свою не пожалею, защищая вашу жизнь.

— И я тоже!.. Я для того и прибыл к вам из далекой России, чтобы помочь друзьям. Арабы — наши братья. На вашу защиту поднимется весь славянский мир. А теперь скажите, что вас тревожит?..

Король подвинулся к нему и начал так:

— Они, видишь ли, американцы, хотят лишить нас средств защиты, чтобы нечем было ни обороняться, ни нападать. Ну, скажи, Митя, разве могут короли и президенты лишиться армии и оружия? Нет, конечно. Мы кое-что имеем. Но спрятали это кое-что глубоко — так, что американцы как ни стараются, а найти наши склады не могут. Теперь они решили, что страшное оружие мы прячем во дворцах. Их двадцать, принадлежащих моей семье. Вот они и собираются нанести удар по дворцам.

— Но они уже собирались однажды.

— Да, но теперь, испугавшись твоего оружия, замыслили хитрость: обкладывают нас со всех сторон подводными лодками. Этих лодок много, и все они атомные. А еще им должны помочь какие-то другие средства, которых мы пока не знаем.

— Ваше величество! Считайте, что с момента этого разговора мы начали свою операцию. Я человек не военный, но понимаю, что на всякий готовящийся удар надо организовать контрудар и затем перейти в наступление. Думаю, что так поступал в годы войны наш великий Жуков.

Король порывисто поднялся и заключил Дмитрия в объятия. Он был человеком сдержанным, суровым, но этот его порыв можно было понять.

Проводив короля, Дмитрий лег на диван и мгновенно заснул.

В дорожный чемодан Дмитрий сложил необходимую аппаратуру, позвонил королю, попросил вертолет для отбытия на крейсер. Перед отлетом король и шейх Мансур зашли к нему. Хасан сказал:

— Не рассредоточить ли нам компьютерные установки?

Дмитрий давно лелеял такую идею и сейчас был готов отправить Катюшу в любое место, лишь бы оно было надежным.

— У меня есть дети, много детей, но все они живут отдельно. Пусть ваша очаровательная сестренка будет мне дочерью. И я поселю ее за стеной своего кабинета.

Дмитрий пригласил Катерину.

— Катюш! Мы установим в королевском дворце компьютер, и ты будешь там работать. Так надо.

Екатерина повела плечом: дескать, если нужно...

Собрали компьютер и погрузили в машину. А Дмитрий, тоже с компьютером, поехал на аэродром. Провожать его вместе с эскортом машин отправился шейх Мансур. Он провел русского до вертолета и здесь выразил свое желание полететь с ним на крейсер. Дмитрий обрадовался:

— Я буду счастлив видеть вас на корабле.

В первые же минуты после их взлета с авианосца «Форрестол» поднялись два истребителя и взяли курс навстречу вертолету. Их тут же засек сидевший у компьютера Евгений и развернул в сторону Израиля. На командном пункте «Форрестола» находились авиационный генерал Грегори Доул и новый командующий эскадрой Серж Крамер. Оба они получили удар из лептонной пушки. Их выволокли из командного пункта, они отдышались и направились в кают-компанию. Но тут Грегори, сорокалетний франт и щеголь, племянник президента Большого Билла, заметил со своей правой ногой странную метаморфозу: она приволакивалась и ступня ударялась, как при чечетке. Попробовал наладить ход, но ступня продолжала выделять замысловатый вензель. И шея периодически тянулась. Прошло еще несколько минут, генерал и адмирал вошли в кают-компанию, и здесь в присутствии многих офицеров Доул пытался восстановить свою красивую эффектную походку, но не тут-то было: нога приплясывала, а шея тянулась. И тогда кто-то сказал:

— У них есть лептонная пушка. Очевидно, вам досталась порция заряда.

Адмирал, а вслед за ним и все офицеры похолодели от страха. Они понимали, что каждого из них может постигнуть участь Доула, а то еще и почище.

Воцарилась тишина, которую никто не хотел нарушать. Потом вошел мичман и сообщил:

— Истребители совершили вынужденную посадку на гражданском аэродроме Израиля.

Все знали, что Митяй пока никого не убивает. Он наказывает.

Оператор включил экран. И все повернули к нему головы. Там были слова:

«Адмирал, вы забыли мои уроки. В другой раз заставлю и вас плясать, как Доула. Митяй».

Прочли и опустили головы. Каждого офицера, сидящего в кают-компании, все глубже пронимал ужас. Дух возмездия витал над ними, зловеще нашептывал в уши,— они впервые задумались о своей миссии, тайных планах своего командования и о том, что есть на свете сила, которая является им в образе Митяя и карает их за злые помыслы. Одного они хотели бы в эту минуту: уйти подальше от этих проклятых мест и никогда больше здесь не появляться. Среди них были и безбожники, но сейчас они дрогнули и впервые в жизни подумали, что Бог есть и он все видит, за всем наблюдает, как говорили им бабушки, и все записывает в свою книжечку, чтобы грехи каждого не забылись на страшном суде.

Тянулись длинные минуты, а офицеры, генералы и адмиралы продолжали сидеть в смятенном состоянии духа и не нарушали так необходимой им тишины. Не смотрели они в сторону авиационного генерала, который получил самый чувствительный заряд лептонной пушки. Ведь именно он сегодня утром на совещании презрительно отозвался о парне с Кергелена, а лептонную пушку назвал бредом сивой кобылы. Он же настоял послать два истребителя и сбить королевский вертолет. Адмирал хотел было возразить, но не посмел перечить племяннику Большого Билла. Теперь же,— думал каждый офицер, кося глаз на порченную ногу Доула,— много надо думать, прежде чем подать какую-нибудь команду. Адмирал же полностью уверовал в могущество Митяя и считал, что еще одна его команда — и этот Митяй вышибет из него мозги. Недаром однажды Митяй сказал: «Моя цель — ваш гипоталамус». Раздались вопросы: «Что за зверь такой — гипоталамус?» — «А чёрт его знает! — вскипел адмирал.— Какой-то важный орган под крышкой нашего черепа!»

Вошел вахтенный офицер и возвестил:

— Королевский вертолет опускается на палубу русского крейсера.

Адмирал вскочил и крикнул:

— Не трогать!..

Но потом понял, что выглядит глупо. И уже тише добавил:

— Не вздумайте стрелять!

Экран засветился, и на нем — слова:

«Адмирал! Ты полагаешь, что твои пушки, пулеметы и ракеты способны еще стрелять? Напрасно. Они обречены молчать, как рыбы. Привет! Митяй».

Адмирал хотел выключить экран, но и этого сделать побоялся. Страх им овладел мистический, и он не мог с ним справиться даже на людях.

Подумал: пошлю сигнал на крейсер — собираюсь нанести визит вежливости.

Сигнал такой дали и получили ответ: «Будем рады встретить вас. Командир крейсера Дмитрий».

Шейх сказал:

— Если позволите, я буду с вами, но вы представьте меня профессором Мансуром.

Не прошло и десяти минут, как Ким ду Хо объявил:

— На палубу крейсера опускается вертолет.

Дмитрий, Ким ду Хо и Мансур вышли наверх и здесь встретили адмирала Крамера и сопровождавших его двух офицеров. Крамер, пожимая руку Дмитрия, сказал не то с восхищением, не то с чувством изумления:

— Впервые вижу такого молодого адмирала.

— Я не адмирал. И даже не офицер.

— А-а... Разве в русском флоте бывает такое, чтобы крейсером командовал...

— Наш царь Петр Первый по случаю победы над шведами заметил: «Небываемое бывает». Мы русские, и понять нас не всегда легко.

Адмирал осмотрел стоянку самолетов и вертолетов, спросил:

— У вас тут много места для авиации, но на стоянке я не вижу двух самолетов.

— Самолеты тут были, но Митяй во время шторма открыл крепежные замки и они улетели в море.

— Такая ужасная случайность!

— Митяй не знает случайностей. Он сбросил самолеты в наказание за непокорность командования крейсера.

Они вошли в кают-компанию, и здесь адмирал продолжал свои вопросы:

— Крейсер принадлежит русским?

— Да, его построили русские, но американские агенты влияния из штабов Тихоокеанского флота продали крейсер малоазиатской стране за гроши. И деньги положили себе в карман. Таковы они, ваши агенты. Ну... Митяй их наказал, а крейсер вернул хозяевам.

— Но команда?..

— Они просили их не списывать. Боятся своих властей.

Адмирал был любопытен, как сорока. Задавал все новые и новые вопросы. Искренность Дмитрия, его почти детское простодушие подогревали интерес адмирала — он хотел знать все.

Скользнул глазами вокруг, не удостоил внимания ни профессора Мансура, ни Ким ду Хо — и на матросов, накрывавших на стол, даже не взглянул, — подвинулся ближе к Дмитрию:

— Скажите, мой русский друг, а что это за... фрукт, ваш Митяй с Кергелена?

Слова «фрукт» испугался, но сердечность взгляда Дмитрия, его дружеский, почти ласковый тон успокаивали; адмирал был уверен, что Митяй и есть сидящий возле него Дмитрий, иначе зачем бы он был здесь и почему король Хасан возил его на своем вертолете и для поездки в Москву наряжал свой дорогостоящий лайнер...

— А-а, не окажете ли вы мне любезность, не раскроете ли эту тайну?..

— Тайна?.. Тут нет никакой тайны: Митяй на Кергелене, Вася на острове Норфолк, а есть еще Петя, Кирилл, Вадим, Игорь и еще шесть разных вась и петь. Все они у чёрта на куличках. Высоко в горах или глубоко в пещерах, а двое на дне океана... Это новая русская армия, вооруженная всего лишь одним оружием — лептонным.

— О-о! Поразительно, чёрт побери! Все так просто и гениально. Но кто же командует этой армией? Она подчиняется вашему президенту или мистеру Чернохарину, которого мы очень уважаем?

— Вот-вот, уважаете. Вы сами говорите. А как же мы можем доверить это оружие людям, которых вы «очень уважаете»? Нет, адмирал, командующий у этой армии другой. К сожалению, я его не знаю, и не знает его никто. Конспирация тут почище той, которая веками вырабатывалась у ваших друзей масонов. Впрочем, ходят слухи, что командует русской армией сам Бог.

— Но вы... мистер Митя, очевидно, имеете связь со своим Верховным?

— Постоянной связи не имею, но иногда слышу его тихий отцовский голос.

— Да, да, слышите. И как раз в тот момент, когда вам нужно действовать. Стоило нашим самолетам подняться в воздух и пощекотать вас — он тотчас же посылает их чёрт знает куда. Они там при посадке чуть не разбились.

— Это ваши проблемы.

— Но связь! Пушки вашей армии у чёрта на куличках: одна в горах, другая на дне океана... Нас поражает мгновенность связи. Что же это за средства такие?..

— А никаких средств. Лептоны — это слабые биотоки мозга. Пушка связана со сверхмощным и сверхчувствительным компьютером: вы подумали — экран засветил. И если ваши мысли черные, направлены на причинение нам зла — получаете удар. Митяй в это время спит или нежится на солнышке вместе с пингвинами. Пушка работает в автоматическом режиме. У нас список на десять тысяч противников России: все под контролем, о каждом знаем, кто и о чем думает. Так что... из уважения к вам, нашему гостю, сообщаем, что и вы, и еще тридцать два офицера вашей эскадры — на мушке.

— Но мы с Россией не воюем!

— С Россией — да, но с русским народом находитесь в состоянии войны. На днях Большой Билл на секретном совещании сказал: «С русским народом покончено, он больше не поднимется. Мы скупили недра и будем качать из России энергию». Да, так сказал ваш Билл. Мы ему простили, даже не нанесли легкого удара. Кстати, адмирал, что вы намереваетесь делать с отрядом подводных лодок? Вы натащили их сюда целую дюжину и решили, что они помогут вам выполнить главную задачу — разбить столицу Арабии. Мы вынуждены были их обезвредить.

— Когда вы это сделали? — спросил Крамер, чувствуя, как спина его покрывается холодным потом.

Дмитрий взглянул на часы:

— Только что.

— Не может того быть!

Дмитрий включил экран, и на нем высветились слова:

«Адмирал! Рад приветствовать вас на русском корабле.

Передайте Большому Биллу мое сожаление по поводу его последних высказываний о русском народе. Хотел бы наказать его, но без особой команды не имею права этого делать. Что же касается вашего отряда атомных подводных лодок, то я их выстраиваю в кильватерную колонну и направляю домой, в Штаты. Вам же даю неделю на сборы, а потом — марш, марш домой. И забудьте дорогу в Арабию. Пусть Большой Билл снимет запрет на торговлю нефтью. Не суйте нос в чужой огород. Пусть Билл лечит свое левое ухо и радуется, что я ему не залепил по правому. Он вчера подавился бубликом, потерял сознание и упал на журнальный столик. Я привёл его в чувство. В другой раз не приду на помощь. Всё.

Спасибо за внимание. Митяй с Кергелена».

Шейх Мансур и Ким ду Хо не могли сдержать торжествующей улыбки. Интересно, что и малазийцы, и арабы одинаково люто ненавидели американцев. Об этом Дмитрий мог судить по их реакции на все его разговоры с Крамером, и особенно на письмецо, присланное Митяем.

— Это наш вам ультиматум. Не вздумайте ослушаться. Я бы не хотел, чтобы вы, как и Доул, явились в Штаты с танцующей походкой.

— Но мы получаем приказы. У нас есть президент, конгресс...

— Немецкий фельдмаршал Паулос, воевавший под Сталинградом, тоже получал приказы из Берлина, но выполнить пришлось тот, который продиктовал ему маршал Жуков. Но, господа! Стол накрыт. Прошу поднять бокалы.

— Простите, я бы хотел связаться с командиром отряда подводных лодок.

— Пожалуйста.

Под крышкой ручных часов Дмитрия был вмонтирован сотовый телефон. Во время беседы с Крамером он был включен и Евгений немедленно реагировал на все команды и пожелания своего начальника. И тут, заслышав желание Крамера, Евгений вывел на экран адмирала Фьюги, командира подводного отряда. И тот сказал:

— Адмирал! Двигатели всех моих кораблей поставлены на форсаж, и корабли мчатся как угорелые из залива. Ничего не могу поделать. Вся электроника в руках русского дьявола с Кергелена.

Шейх Мансур и Ким ду Хо вытянули шеи от изумления. В глазах светилось торжество победителей.

А Дмитрий спокойно заметил:

— Напрасно ваш адмирал назвал Митяя дьяволом. Митяй — добрый малый и большой весельчак. А если кого и шлепнет лептонной пушкой, так только за дело.

Адмирал Фьюги сидел в кресле, вытирал пот со лба, и было слышно, как он ворчал: «Будь я трижды проклят, чтобы когда-нибудь еще раз сунулся в эту арабскую лужу. Выйду на пенсию и разведу у себя на ферме земляные орехи».

Адмирал Крамер, потрясенный увиденным, поднялся и нетвердой походкой направился к выходу. Он в эту страшную для него минуту еще не знал, какие распоряжения отдаст эскадре, но уже отчетливо сознавал трагизм своего положения.

С.-Петербург, 1998—2003